

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МАТЕРИАЛЫ ПО КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2020

УДК 398(470.531): 811.511.1

ББК 82.3

М341

Материалы по коми-пермяцкой демонологии :
М341 монография / авт.-сост.: А. В. Кротова-Гарина,
Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королева,
И. И. Русинова ; Пермский государственный
национальный исследовательский университет. –
Пермь, 2020. – 168 с.

ISBN 978-5-7944-3422-4

Книга представляет собой публикацию текстов несказочной прозы на коми-пермяцком языке. Издание адресовано фольклористам, этнолингвистам, специалистам по финно-угорским языкам, всем интересующимся языком и культурой коми-пермяков, а также может быть полезно при разработке курсов и проведении занятий на коми-пермяцко-русском отделении Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

УДК 398(470.531): 811.511.1

ББК 82.3

*Печатается по решению кафедры
теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: Институт удмуртской филологии, финно-угроведения
и журналистики (директор института, профессор
кафедры общего и финно-угорского языкознания
Удмуртского государственного университета,
д-р филол. наук, доцент **Н. В. Кондратьева**);

ст. научный сотрудник сектора фольклора Института
языка, литературы и истории ФГБУН ФИЦ «Коми
научный центр УрО РАН», канд. филол. наук
А. Н. Рассыхаев

Печатается при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00750

© ПГНИУ, 2020

© А. В. Кротова-Гарина,
Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова,
С. Ю. Королева, И. И. Русинова,
составление, 2020

ISBN 978-5-7944-3422-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Мифологическая традиция коми-пермяков.....	6
Краткая лингвистическая характеристика текстов и принципы их публикации.....	30
Керкуись чуддэз / Духи дома и двора.....	38
Баняись чуддэз / Духи бани.....	56
Вежӧм кагазз / Подменные дети.....	62
Мӧдік чуддэз / Духи прочих построек.....	64
Ыб вылісь чуддэз / Духи поля.....	68
Вӧрись чуддэз / Духи леса.....	70
Ваись чуддэз / Духи воды.....	80
Куль / Бес, черт.....	84
Святочнӧй чуддэз / Сезонные духи.....	86
Боболлез да каляннэз / Духи, которыми пугают детей.....	88
Икота / «Вселяющиеся» духи (икота).....	90
Колдуннэз / Колдуны.....	102
Знахаррез / Знахари.....	118
Кулӧммез / Умершие.....	122
Указатель мотивов к публикуемым текстам.....	126
Словарь названий мифологических персонажей.....	146
Словарь диалектных и трудных для понимания слов.....	155
Звукоподражательные слова и изобразительные словосочетания.....	157
Варианты календарных полных имен и прозвища.....	157
Указатель географических названий.....	158
Список сокращений названий районов.....	158
Список информантов.....	159
Список литературы с сокращениями.....	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Материалы по коми-пермяцкой демонологии» представляет собой публикацию текстов несказочной прозы на коми-пермяцком языке с переводом на русский язык.

Традиционные мифологические представления коми-пермяков – финно-угорского народа, проживающего преимущественно на северо-западе современного Пермского края, – обладают хорошей сохранностью даже в начале XXI века. В книге собраны тексты, записанные во время экспедиций 2016–2019 гг. как авторами издания, так и преподавателями и студентами Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Несмотря на долгую историю изучения коми-пермяцкого фольклора, публикаций фольклорных текстов на коми-пермяцком языке очень мало: как правило, большая часть записанных текстов хранится в фондах университетов и личных архивах собирателей и недоступна для исследователей.

Не претендуя на полный охват всего комплекса коми-пермяцких мифологических представлений, отражающихся как в текстах различных жанров, так и в морально-этических запретах, ритуалах и пр., издание включает рассказы, повествующие о встрече человека с миром сверхъестественного. Среди мифологических персонажей коми-пермяков можно выделить две группы: духи различных локусов (дома, двора, водоемов, леса, поля и т. д.) и люди, обладающие сверхъестественными свойствами. Это деление в целом предопределило структуру издания: от рассказов о духах локусов (от освоенного человеком пространства к неосвоенному) – к рассказам о демонизируемых в традиционной культуре людях и появляющихся в мире людей духах умерших.

Издание по возможности сохраняет диалектные черты, присущие речи рассказчика (в отличие, например, от публикаций писателя В. В. Климова, где тексты подаются на литературном языке в обработке), однако не использует принятую в финно-угроведении фонетическую запись, чтобы сделать издание доступным для широкого круга читателей.

Все тексты сопровождаются параллельным переводом на русский язык, в конце издания помещено приложение, содержащее справочный аппарат: указатель мотивов к публикуемым текстам, словарь названий мифологических персонажей, словарь диалектных и трудных для понимания слов и др.

Приведенные тексты будут полезны широкому кругу специалистов, а также всем интересующимся фольклором, языком и культурой коми-пермяков.

Выражаем искреннюю благодарность всем информантам, жителям Коми-Пермяцкого округа, а также сотрудникам местных администраций, учреждений образования и культуры, оказавшим помощь в проведении экспедиций. Слова благодарности также хочется выразить Институту языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под рук. А. С. Лобановой и преподавателям коми-пермяцко-русского отделения Е. М. Матвеевой (Гордеевой), Н. А. Трубиновой, М. А. Унру (Томилиной) за помощь при записи текстов на коми-пермяцком языке и их расшифровке.

Особую благодарность выражаем учителю Ошибской средней общеобразовательной школы С. М. Сидоровой за активное содействие в проведении экспедиций.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Мифологические представления коми-пермяцкого народа трудно назвать малоизвестными и малоизученными: тексты несказочной прозы представлены в нескольких фольклорных сборниках, существуют и специальные исследования, в том числе монографические. Учитывая опыт предшественников, в этой книге авторы решают дополнительную задачу – не просто ввести в научный оборот новейшие записи коми-пермяцких мифологических текстов в их аутентичном виде, но и сопроводить их по возможности точным переводом и специальным аналитическим инструментарием (указателем мотивов, словарем названий мифологических персонажей). Такая форма представления полевых записей становится возможной только на основе предварительно проделанной тщательной исследовательской работы. Работа эта не всегда заметна читателю, но именно она, как нам кажется, позволяет наиболее достоверно передать зафиксированные народные верования и в то же время представить их специалистам в систематизированном виде. Если подобных изданий русского и – шире – восточнославянского фольклора уже немало, то тексты, отражающие коми-пермяцкие демонологические представления, ранее в таком виде практически не публиковались.

Коми-пермяки – народ, исконно проживающий на территории Пермского Прикамья, – включает сегодня четыре основные этнографические группы: южные (иньвенские) и северные (косинско-камские) живут на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края; афанасьевские, или зюздинские, – изолированно в Афанасьевском районе Кировской области. Четвертая группа – язвинские пермяки – также проживает изолированно на северо-востоке края, в Красновишерском районе (статус этой группы остается дискуссионным: некоторые исследователи считают ее отдельным этносом, близкородственным коми (зырянам) и коми-пермякам) [Черных 2007: 74–78]. Поскольку все записи, включенные в книгу, сделаны в Коми-Пермяцком округе, то, кратко характеризуя мифологические представления коми-пермяков, мы ограничимся сведениями, зафиксированными в основном на этой территории.

Специфику коми-пермяцкой фольклорной традиции определяют активизировавшиеся в разные исторические периоды контакты с родственными народами – коми и удмуртами. Другим важным фактором является соседство с русскими, позволяющее рассматривать современный Коми-Пермяцкий округ как зону интенсивных межэтнических контактов. Русские расселены здесь неравномерно. Наиболее многочисленная группа – юрлинцы – проживает компактно в Юрлинском районе (представляющем собой своего рода естественную границу между южными и северными коми-пермяками). В XVII в. тут обосновались выходцы из Вятской губернии, второй значительный поток поселенцев составили в XVIII в. старообрядцы, пришедшие с различных территорий Пермского Прикамья и из Поволжья [РКПО 2008: 4]. Места компактного расселения русских, заметные по численности населения, имеются и в коми-пермяцких районах: Гайнском (бывшее село Монастырь с кустом деревень), Юсьвинском (горнозаводские в прошлом поселки Пожва, Майкор, село Кува), Кудымкарском (село Полва и окрестности) [Там же: 5].

Продолжительное соседство двух народов не могло не отразиться в языке и фольклоре, в частности в сюжетно-мотивном составе сказочной прозы и демонологической терминологии. При этом устная традиция коми-пермяков вплоть до настоящего времени сохраняет многие традиционные мифологические сюжеты и архаичные элементы. Этому способствовал преимущественно аграрный характер территорий: в округе имеется один город – Кудымкар, статус поселков городского типа в разное время присваивался Майкору, Пожве, Гайнам; в личном хозяйстве жителей, особенно в удаленных поселениях, продолжают использоваться традиционные формы труда, связанные со скотоводством, огородничеством, охотой, рыбной ловлей, заготовлением грибов и ягод и т. п.

О собирании и изучении коми-пермяцких мифологических текстов. Началом собирания и публикации коми-пермяцкого фольклора можно считать «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства» (1780) академика И. Лепехина: он пересказывает предание о местном герое-силаче Пере, приводит поверья, связанные

с употреблением трав¹. В очерке 1849 г. В. Хлопин описывает народные представления о духах леса и водяных, колдунах и знахарях, упоминает об одержимости коми-пермячек Чердынского уезда нечистой силой – «икотой», описывает обряд «чер-эшлан»², совершаемый знахарками и призванный избавить от вредоносного воздействия умерших [Хлопин 1849: 24–26]³. Н. Рогов, характеризуя уклад иньвенских коми-пермяков, дополняет известные поверья кратким рассказом о домовом – *суседке*, о той роли, которую колдун и знахарь могут сыграть при строительстве дома [Рогов 1858: 74–75, 87, 95–96, 99–102], а также об исключительной значимости фигуры колдуна – *вежливица* – на свадьбе [Рогов 1860: 80, 91, 99–112].

Устойчивый интерес собирателей к коми-пермяцкой культуре формируется в последней трети XIX в. С 1880-х гг. по начало XX в. появляются работы, которые существенно углубляют представления о мифологии народа, содержат ценные факты и наблюдения. Поверья о духах пространства и колдунах в особом ракурсе описывает Н. Добротворский: они интересуют автора не сами по себе, а как часть семейных, общинных и хозяйственных отношений [Добротворский 1883: 572–575, 578]⁴. Некоторые подробности религиозной жизни коми-пермяков и их суеверия обращают на себя внимание авторов «Пермских епархиальных ведомостей» [С.М.А. 1889: 211–212, 219–220, 226]; в статье Е. Подосенова, содержащей сведения об иньвенской традиции, впервые упоминаются т. н. *кабалы* – письменные прошения лешему, которые раскладываются в лесу на пнях [Подосенов 1886].

Важной вехой в изучении материальной и духовной культуры финно-пермских народов стали труды И. Н. Смирнова, историка

¹Здесь мы укажем лишь основные публикации, в которых отразились демонологические представления; более подробный обзор см. в монографии Т. Г. Голевой [Голева 2011: 12–19].

²*Черёшлан* – от коми-перм. *чер* ‘топор’ + *ёшлыны* ‘вешать’, см. об этом ритуале далее. Названия обрядов и мифологических персонажей приводятся в той орфографии, какая дана в цитируемых работах (но без конечного *ь*).

³В 1852 году этот очерк с небольшими сокращениями и дополнениями был опубликован в «Журнале Министерства государственных имуществ» за подписью В. С. Хлопова [Хлопов 1852].

⁴Значительная часть приведенных им сведений относится к комязычному населению Вятской губ., что отмечалось исследователями и ранее [Голева 2011: 13].

и этнографа, впоследствии ординарного профессора Императорского Казанского университета. В его работе «Пермяки: историко-этнографический очерк» (1891) значительное место отводится исследованию коми-пермяцкой демонологии. Особенно ценно, что автор не только обобщает все изданные к тому времени труды, где упоминаются народные поверья, но и вводит обширный пласт собственных экспедиционных материалов. При этом – в отличие от предшественников – часть из них он представляет не как обобщенные верования, а как конкретные и сравнительно подробные сюжетные рассказы (такую жанровую форму принято сегодня называть быличками). Большая часть этих рассказов была услышана им в Ошибском, Верх-Иньвенском и Кочевском приходах (современные Кудымкарский и Кочевский районы Коми-Пермяцкого округа). В этнографическом очерке содержится около 25 сюжетов о лешем и водяном [Смирнов 1891: 268–274, 277]⁵, упоминаются поверья о *полуднице*, описан крещенский обряд изгнания нечистой силы *чуддэз вашетлыны* (‘чудов топтать, гонять’), приведены дополнительные сведения о ритуале «чер-эшван» [Там же: 253–254, 267–268, 281–282].

Большой интерес современников вызвала работа «“Кабала”, или прошение лесному царю» (1895) краеведа, этнографа и археолога, главного лесничего Пермского имения графов Строгановых Ф. А. Теплоухова. Собиратель публикует подробное описание знахарской практики, направленной на поиск скота у коми-пермяков Ошибской волости, и впервые приводит тексты двух таких прошений с приложением соответствующих изображений *кабалы*, выполненных на бересте коми-пермяцкими знахарями [Теплоухов 1895]. Желая перепроверить данные, сообщенные Ф. А. Теплоуховым, собственное исследование предпринимает В. М. Янович. В объемный этнографический очерк он включает новые рисунки *кабалы*, написанной углем и гвоздем, сообщает дополнительные поверья о лешем и водяном, пересказывает сюжеты быличек о колдунах [Янович 1903: 4–7, 12–29, 50–51, 101–106]. Отдельные подробности, касающиеся коми-пермяцкой демонологии, имеются в работах К. Ф. Жакова,

⁵В это число не включены тексты, которые автор прямо отмечает как записанные от зюздинских коми-пермяков.

М. Я. Струминского, Я. В. Камасинского (Шестакова), А. Крупкина [Жаков 1903: 416–417; Струминский 1904: 451, 469; Камасинский 1905: 139–140, 145–146; Крупкин 1911: 303–304, 351–353].

В советский период изучение актуальных верований отходит в область этнографии. В середине XX в. на основе предшествующих публикаций и вновь собранных экспедиционных материалов обобщенную систему коми (зырянских) и коми-пермяцких представлений описывает этнограф-полевик, исследователь культуры народов Поволжья и Прикамья В. Н. Белицер [Белицер 1958: 318–320, 330–331 и др.]. Приблизительно в это же время начинает собирательскую работу на территории Коми-Пермяцкого округа этнограф Л. С. Грибова. Среди сюжетов, относимых сегодня к фольклорной нескладочной прозе, ее особенно интересовали две жанрово-тематические группы: предания о *чуди* – древнем народе, легендарных первых насельниках этих мест, и мифологические рассказы о людях, подмененных нечистой силой. Некоторые собранные ею сведения позднее вошли в небольшую, но насыщенную фактическим материалом работу о культе «древних» и монографию «Пермский звериный стиль» [Грибова 1964; Грибова 1975: 92–113]⁶. Полевые материалы Л. С. Грибовой на коми-пермяцком и русском языках хранятся в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН.

Хотя по понятным причинам внимание фольклористов в этот период сосредоточивается на других устных жанрах, не все отказываются от фиксации суеверных рассказов. В 1960-х – 1980-х гг. мифологическую прозу (наряду с другими прозаическими и песенными жанрами) записывает известный коми-пермяцкий писатель, собиратель и знаток устного народного творчества, популяризатор коми-пермяцкой культуры В. В. Климов. Результатом этой работы стало составленное им двухтомное издание коми-пермяцкого фольклора; в один из томов – «Оласё да вёласё» («Жили-были») – собиратель включает более 80 мифологических рассказов [Оласё да вёласё 1990: 296–337]. Ранее подобные сюжеты публиковались в основном на русском языке (исключение составляли номинации

⁶См. также былички о подмененных детях и письме лешему в сборнике нескладочной прозы: [Му пуксьём 2005: № 375–377, 410].

мифологических персонажей и народная ритуальная терминология, приводившиеся на коми-пермяцком). В. В. Климов печатает тексты на языке родном, и это придает изданию дополнительную ценность. В соответствии с существовавшей тогда собирательской практикой писатель пересказывает услышанные истории, приближая стиль устного первоисточника к литературному.

В 1997 г. появляется однотомное издание, куда входят избранные тексты из двухтомника, переведенные В. В. Климовым на русский язык [Заветный клад 1997]; попадает туда и значительная часть быличек. В процессе перевода тексты подвергаются дополнительной литературной обработке, становясь своего рода «пересказами пересказов». Нужно сказать, что подобный подход был обычным для того времени, его придерживались не только собиратели, но и редакторы книжных издательств, считавшие нужным исправлять «неправильный» язык фольклорных произведений, особенно в случае с прозаическими жанрами. Отчасти этот подход можно оправдать желанием сделать произведения народного творчества интересными и понятными как можно более широкому кругу читателей. Обратной стороной такой адаптации становится утрата особого колорита устного текста, а в некоторых случаях – смысловых его нюансов и народной терминологии, используемой в диалектах.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. появляются издания обобщающего характера, авторы и составители которых стараются как можно полнее представить народное мировоззрение и верования коми и коми-пермяков. Такова энциклопедия «Мифология коми» [Мифология коми 1999], основной коллектив авторов которой составили специалисты Коми научного центра УрО РАН. Значителен по количеству текстов и тематическому разнообразию сборник сказочной прозы на коми, коми-пермяцком и русском языках «Му пуксьом – Сотворение мира», составленный П. Ф. Лимеровым [Му пуксьом 2005]⁷.

Другой заметной тенденцией этого времени становится активизация собирательской работы на территории Коми-Пермяцкого округа. Продолжаются начатые еще в советский

⁷Составитель включил в книгу ряд текстов из сборника «Оласö да вöласö», но перевел их заново, стараясь точнее передать для читателя, не владеющего коми-пермяцким языком, особенности оригинала.

период полевые выезды, организуемые Пермским педагогическим институтом (в настоящее время – ПГГПУ). Полевую работу в эти годы ведут сотрудники Кудымкарского института – филиала Удмуртского государственного университета и Коми-Пермяцкого отдела общественных наук ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН. Часть собранных ими полевых материалов отражена в статьях, которые публиковались в продолжающемся краеведческом издании «Наш край» и сборниках конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир», проводившейся в Кудымкаре. Одной из активно разрабатываемых тем становится народная медицина коми-пермяков, включающая представления о знахарстве и колдовстве; тема эта получает монографическое воплощение в книге Г. И. Мальцева [Мальцев 2004].

С конца 1990-х гг. экспедиции на территории Коми-Пермяцкого округа организуют сотрудники филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ранее – ПГУ). Некоторые результаты этих исследований представлены в монографии Е. М. Четиной и И. Ю. Роготнева «Символические реальности Пармы» [Четина, Роготнев 2010]. Авторы рассматривают традицию коми-пермяков не изолированно, а как часть народной культуры Северного Прикамья; зафиксированные ритуальные практики и фольклорные нарративы понимаются ими как сложившийся в крестьянской культуре способ символизации пространства (*лешачьи дороги*), хозяйственной деятельности (*письма лешему*), недомоганий и болезней (*порча, икота*) и т. д. Цитируемые тексты, записанные на русском языке от коми-пермяков-билингвов, содержат редкие мотивы, в приложении опубликовано 4 интервью с «подселенным духом» – *икотой*. Цикл статей посвящен обряду *черёшлан* и почитанию ранних жителей Северного Прикамья [Королёва 2014; Королёва, Четина 2016].

На базе пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН и других учреждений полевые выезды организует этнограф А. В. Черных. Собранные в этих экспедициях материалы и собственные записи легли в основу диссертационного исследования Т. Г. Голевой, переработанного затем в книгу «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-

пермяков» [Голева 2011]. Автор приводит значительный пласт мифологической лексики, выделяет типичные и редкие мотивы быличек и поверий (частично – с примерами на коми-пермяцком языке). На сегодняшний день это единственная специальная монография, описывающая актуальную мифологию коми-пермяцкого народа.

В 2015 г. появляется книга этнографа С. В. Чугаевой «Человек и смерть» о погребально-поминальной обрядности; в исследовании представлены коми-пермяцкие поверья об умерших, в том числе формы их демонологизации, а также рассказы на коми-пермяцком языке про сновидения о загробном мире [Чугаева 2015: 85–91, 233–241].

Одна из тенденций 2000-х–2020-х гг. – появление комплексных исследований, посвященных отдельным локальным традициям. Часть собранного полевого материала фиксируется при этом с помощью видео- и аудиозаписи, что позволяет более точно передавать содержание мифологической прозы. Ряд таких изданий подготовлен лингвистом И. А. Подюковым в соавторстве с другими специалистами. В книгу «Юсьва – лебединая река», посвященную народной традиции коми-пермяков и русских Юсьвинского района, вошли многочисленные мифологические рассказы и поверья о духах пространства, колдунах и колдовстве [ЮЛР 2015: 209–20, 140–141, 215–216, 260–262, 270–272, 282–288, 308–326]. Коллективная монография «Лупьинцы: история, язык, культура» описывает традицию самой северной этнографической группы коми-пермяков; в приложении опубликованы тексты на живом мысовско-лупьинском диалекте, в числе которых есть два мифологических рассказа [ЛИКЯ 2011: 237–238].

Отдельно нужно сказать о книге «Речь северных коми-пермяков», подготовленной лингвистом Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2016]. Работа включает записи живой речи, сделанные в различных районах Коми-Пермяцкого округа и переданные в транскрипции с параллельным переводом на русский язык; среди них имеется и значительное количество текстов мифологического содержания (см. указатель жанров [Там же: 513]).

Наша книга призвана пополнить число изданий, в которых сохраняется живое речевое воплощение коми-пермяцких мифологических нарративов и по возможности точно передается

их содержание в переводе на русский язык. Вошедшие в нее тексты отражают ту часть народных представлений, которая относится к т. н. «низшей мифологии», или демонологии.

Демонологические персонажи в фольклоре коми-пермяков. Народная демонология – обширная область мифологических верований, включающая представления о персонажах с демоническими свойствами; демонологические функции, приписываемые то одному, то другому существу или упоминаемые вне связи с конкретным мифологическим персонажем (что-то *водит*, *мерещится*, *морочит*); мифологические мотивы, также не связанные иногда с конкретными демонологическими существами (добывание клада); наконец, мифологическую лексику, народную терминологию и фразеологию, получающую у носителей традиции демонологическую интерпретацию [Виноградова, Левкиевская 2010: 16–17]. Представленные в этой книге тексты сгруппированы по персонажному принципу и могут быть отнесены к трем основным разделам: «Нечистая сила», «Люди со сверхъестественными свойствами», «Умершие».

Духи домашнего пространства в коми-пермяцкой традиции называются *суседко* [Рогов 1858: 75 и др.], *домовик*, *домовой* [Голева 2011: 167]; существо, появляющееся в хлеву – *карта чуд* [Климов, Чагин 2005: 135], *картаись* (№ 25)⁸. Типичным местом обитания суседки считается подполье. Дух дома показывается в виде человека, реже животного (кошки и др.), выдает свое присутствие звуками: ходит по полу, моет посуду, просеивает муку, шумит веретеном (№ 7–10). Когда домовый прядет, рядом горит свет, – но вместо помощи хозяйке он часто просто портит кудель: путает ее, делает слишком толстую нитку и т. п. Суседко прячет предметы и помогает находить их. Он кормит или, наоборот, обижает домашнюю скотину, заплетает лошадям гриву в косички. Плетет он их и жильцам дома: женщинам спутывает волосы, мужчинам – бороду. Иногда дух дома давит спящего человека, который в этот момент теряет способность говорить, шевелить руками и ногами. Если спросить, к хорошему или плохому он

⁸Здесь и далее в скобках указаны номера текстов, публикуемых в этой книге.

появился, суседко ответит правду, но может отругать за вопрос. Домового нужно кормить, оставляя ему простую еду, а при переезде в другой дом позвать с собой. В поздних записях суседко и подобные духи появляются в казенных помещениях, например школе (№ 49, 50).

О *кикиморе* сведения лаконичны: этот вредоносный дух доит коров, а чтобы избежать его появления в новом доме, нужно сжечь в печи все щепки, оставшиеся от строительства [Янович 1903: 5, 51]. Шумит, плачет и другими способами выживает хозяев кукла – *акань* (№ 99); ее делает из ткани или куска дерева, обмазывает кровью и подбрасывает в дом колдун [ЮЛР 2015: 312]⁹. В заброшенном доме поселяется *чуд*, который пугает или старается погубить зашедшего туда человека [Смирнов 1891: 282; Заветный клад 2007: 264].

Для *духов бани* зафиксированы такие наименования, как *чуд-пиан* [Смирнов 1891: 282], *баня чуд*, *баняись* [Заветный клад 2007: 258], *баня бес*, *банник* [Пономарева 2016: 304], *банница*, *банягöг* (‘банная пуповина’), *баня-бабушка*, *банний домовик*, *банний староста*, *колян*, *кульпиян*, *ишиши*, *бесы* [Голева 2011: 174], *чертята*, *дьявол* [ЮЛР 2015: 322, 324]. Обычно эти духи пугают человека за позднее посещение бани или другие нарушения банного этикета: они хлопают дверью, приподнимают пол, показываются в виде небольших мохнатых существ, иногда по несколько сразу. Человек, схваченный банником, может выбраться, если кто-то его позовет или он сам выйдет в дверь спиной вперед [ЮЛР 2015: 323, 324]. В быличках парень, привлеченный девичьим пением, успевает скинуть верхнюю одежду – шабур, который находят потом разодранным в клочья. В противном случае банник душит человека или заталкивает его в горячую печь.

Еще одна вредоносная функция банных духов заключается в подмене младенцев, оставленных без присмотра: украденный ребенок растет в бане, а родители нянчатся с подмененным (*вежсöм*), который плачет, много ест и не растет. Заболевшего младенца нужно «рубить», накрыв корытом, – тогда, если он настоящий, то выздоровеет, а если подмененный – умрет. В одной

⁹Ср.: в некоторых русских традициях, например восточносибирской, такая кукла становится причиной появления кикиморы [МР 1987: № 126, 128, 134, 138 и др.].

из быличек украденная девушка показала матери, попросила сито, чтоб процедить брагу для своей свадьбы, и сообщила, что, выйдя замуж, сразу уйдет из родительской бани; по совету дочери мать бросила в снежный вихрь нательный крестик – дочь смогла сбежать со свадьбы и вернуться домой [Грибова 1975: 107–108]. Более известен сюжет о парне, обещавшем жениться на девушке из бани; после венчания она зашла в дом к своим родителям и выбросила из люльки ненастоящего ребенка – полено¹⁰. В фольклоре коми-пермяков мотив подмены распространяется и на другие ситуации: нечистая сила может подменить в бане взрослого человека – он болеет, становится прожорливым и т. п. Если леший или водяной забрали человека к себе, то найденное тело тоже может быть подменой: в гробу оно синее, увеличивается в размере, а после похорон превращается в чурку [Смирнов 1891: 274, 282; Му пуксьом 2005: № 410].

Коми-пермяцкие *духи поля* известны под названиями *полудница* [Струминский 1904: 469], *вуншёррика*, *луниёррика* (от лун ‘день’ + *шёр* ‘середина’), *бабошориха*, *оборониха*, *полуденный чуд*, *ыб чуд* (‘полевой чуд’), *ыб дядь* (‘полевой дядя’), *сюбаб* (‘зерновая баба’) [Голева 2011: 147]. Во время цветения хлебов полудница ходит по межам, раскачивает рожь, растит колос, и тревожить ее нельзя. Наводя порядок, она складывает оставленные бороны на межу, перенося их на голове [Заветный клад 2007: 268]. Дух поля выглядит как крепкая большая женщина, иногда рогатая, одетая в вывернутую мехом наружу шубу. Встретив в полдень человека, она может съесть его, поэтому детей пугают луншерикой, сажающей ребят на сковородку, – они боятся ходить в это время в поле и в огород [Жаков 1903: 417; Струминский 1904: 469]. Раньше, чтобы не рассердить полудницу, все люди старались в полдень зайти в избы и закрывали окна, женщинам запрещалось колотить холсты [Смирнов 1891: 267–268].

Для обозначения *духов леса* в разное время фиксировались наименования *вёра-морт* (‘лесной человек’), *вёра-дядя* (‘лесной дядя’), *ыджит-морт* (‘большой человек’), *лешак* [Рогов 1858: 74], *вэрысь-морт* (‘лесной человек’) [Смирнов 1891: 268], *лешой*,

¹⁰Сюжеты о подмененных и проклятых детях, оказавшихся у нечистой силы, широко известны в русском фольклоре, см. [Соловьёва 2011].

лешачика, вѳрись дядько ('лесной дядька'), *вѳрлешак* [Заветный клад 2007: 274, 278, 288], *вѳровѳй дядь, вѳрдядь* [Пономарева 2016: 217], *вѳрись*; жену лешего называют *вѳрись инька* [Заветный клад 2007: 279], *вѳр инька* ('лесная женщина'), *лешачика* [Голева 2011: 151]. Некоторые номинации прямо указывают на принадлежность духов леса к нечистой силе: *нечистѳй* [Пономарева 2016: 344], *вукавѳй* ('лукавый'), *чѳрт, калян, сатана* [Голева 2011: 151]. Ряд обозначений, по-видимому, представляет собой эвфемизмы, заменяющие прямое название: *дядя* [Смирнов 1891: 268], *сухоухий дядя* [Янович 1903: 4], *дядь, кузь* ('длинный'), *кузь дядь* [Пономарева 2016: 248, 304], *ыджыт* ('большой'), *ыджыт дядя* [Голева 2011: 150]. Некоторые из обозначений локальны: в Кудымкарском районе зафиксировано название *кѳспель* ('сухое ухо') [Четина, Роготнев 2010: 63–64], в Гайнском районе у лупьинских пермяков – *кизья-визья* (от *кизь* 'пуговица' + *визь* 'полоска' – пуговицы, расположенные в ряд) [Голева 2011: 151]. Представления о том, что леший не любит, когда его упоминают даже шепотом, бытуют в округе до сих пор. В случае необходимости к духу леса могут обращаться, используя его личное имя. Самые ранние имена коми-пермяцкого *лесного царя* – *Митрофан Митрофанович* и *Вихорь Вихоревич* – известны из публикаций о *кабале* [Теплоухов 1895: 294, 297]. В материалах последней трети XX – начала XXI в., кроме них, встречаются имена: *Виктор Викторович, Фѳдор Фролович, Фѳдор Фѳдорович, Захар Фѳдорович, Тимофей Иванович* [Четина, Роготнев 2010: 62, 64], *Иван Грознович, лешачих Ёрина* [Голева 2011: 151], *Дмитрий Дмитриевич, Василий Васильевич, Данило Соболевѳй* [ЮЛР 2015: 271, 318], *Иван Иванович, Вѳтряная мать и Виктор Иванович* [Пономарева 2016: 218–219]¹¹. В Кочевском районе неоднократно фиксировалось имя лешего *Световласий* (из рус. святой Власий; подробнее см. [Королѳва 2014: 144–145]).

Если судить по опубликованным материалам, представления о духах леса составляют самый развитѳй пласт коми-пермяцкой демонологии, отличающѳйся многообразием сюжетов и мотивов.

¹¹Наличие собственных имен у лешего и прочих мифологических персонажей встречается в русском фольклоре и других славянских традициях, см. [Раденкович 2013].

Леший может принимать облик животного (собаки, зайца и др.), но обычно показывается в антропоморфном виде; наиболее частотный его признак – очень высокий рост, выдает лесного духа и отсутствие бровей [Хлопин 1849: 24; Янович 1903: 4; Заветный клад 2007: 279; ЮЛР 2015: 318]. Детали одежды лесного духа сигнализируют о чуждости крестьянскому миру: на нем могут быть лаковые сапоги, блестящая одежда, широкий плащ и большая шляпа, военная шапка и т. п.; неоднократно упоминаются блестящие / золотые пуговицы¹². Леший шутит над человеком, пугает его: раскидывает ветром стога сена, крадет дорогу и водит по лесу, примораживает сани или невидимый садится на них – лошадь останавливается. Оберегом от проделок лесного выступает *Воскресная молитва*, переодевание обуви, выворачивание одежды, в Кудымкарском районе для поиска дороги рассекают вдоль небольшую пихту – *дерево лешего* – и перешагивают через нее [Четина, Роготнев 2010: 53–54]. Леший передвигается в образе вихря, в таком виде он сворачивает крышу дома у провинившегося человека, похищает девушек; популярен сюжет о мужике, бросившем в вихрь нож и увидевшем его позднее в лесном доме [Смирнов 1891: 269, 277]. С духами леса знаются колдуны, леший помогает пастуху пасти коров, но наказывает за отсутствие положенного гостинца. Ряд текстов показывает, что леший выступает как хозяин диких животных: зайцы – его собаки, рябчики – курицы, прочие звери – стадо, которое он показывает иногда охотникам [Смирнов 1891: 268, 269; Жаков 1903: 418; ЛИКЯ 2011: 78]. Духа леса хорошо видит «четырёхглазая» собака (*нѣльсинма пон*), имеющая брови в виде ярких пятен, поэтому леший не любит таких псов [Голева 2015: 85]. У лесного хозяина имеются свои дороги (*лешак туй*, *вѳрдядьлѳн туй*): если они проходят по лесу, на них нельзя сидеть, разводить костер, если по деревне – там нельзя строить дом [Смирнов 1891: 270; Четина, Роготнев 2010: 59, 64–68; Пономарева 2016: 79]. Описывается в мифологических рассказах и дом лешего: возле него пахнет хлебом, он большой, новый, хорошо обустроенный. Лесной хозяин старается заманить человека к себе в гости, угощает его, но, если гость перекрестится, еда

¹²Мотив блестящих пуговиц в описаниях нечистой силы хорошо известен в восточнославянском фольклоре, см. [Виноградова 2016].

превращается в коровьи экскременты, дом – в избушку из нетесаных бревен или совсем исчезает [Крупкин 1911: 303; Заветный клад 2007: 117, 275–280, 285, 287]. В жены леший берет украденных девушек, сожительствует он и с деревенскими женщинами, к которым приходит в гости, мучает, обижает их, – такие женщины не живут долго.

Еще одна функция духа леса – похищение детей, которых отругала или прокляла мать. Украденного ребенка леший в образе старика (или лешаиха в образе матери) водит по лесу, сажает на дерево, качает в зыбке, кормит и может вернуть домой или оставить у себя в качестве жены / прислуги. Чтобы найти пропавшего человека или потерявшееся животное, у коми-пермяков вплоть до сегодняшнего дня существует практика относить в лес и оставлять на пне гостинец (*козин, гóстинчи*): табак, хлеб, рыбный пирог, реже – деньги, бутылку алкоголя [Хлопин 1849: 25; Четина, Роготнев 2010: 54, 62–63; Пономарева 2016: 78, 218–219]. У лупьинских коми-пермяков в состав гостинца обязательно входит крашеное яйцо и пояс красного цвета [ЛИКЯ 2011: 240; Пономарева 2016: 268, 345–346]. Сохраняется и практика писать на бересте *кабалу* – послание лесному хозяину с просьбой вернуть потерявшуюся скотину¹³. Его пишет знахарь или колдун (*тòдись*), используя уголь, гвоздь, кочедык или нож, в позднее время – ручку, само послание может называться также *камбала, бава, гижòт* ('письмо'), *грамота* [Голева 2015: 78, 103], в русской речи – *прошение, письмо, записка*. На ранней кабале изображалась схема лесных дорог [Смирнов 1891: 274–275; Теплоухов 1895 296–297], но чаще в рассказах фигурирует именно письменное послание, написанное особым образом: справа налево, «по-латынски» и т. п. За неверно или напрасно написанную кабалу леший сердится, наказывает колдуна, избивает его.

Для *духа воды* в коми-пермяцком фольклоре известны обозначения *гòна-морт* ('мохнатый человек'), *ваа-морт* ('водный человек') [Рогов 1858: 74], *ваись-морт* ('водяной человек'), *ваись, ва-куль, куль-пиан, ваись-куль* [Смирнов 1891: 268–269, 284], *ваись-кульпиан* [Янович 1903: 6], *шулькун* [Заветный клад 2007:

¹³Подробнее о написании кабалы у коми-пермяков см. [Голева 2015], у русских – [Белова 2004; Adonuyeva 2019].

269], *русалка, чёрт, бес, вабес* [ЛИКЯ 2011: 237], *водяной нылка* ('водяная девушка') [Пономарева 2016: 268], *вакулись, кульшун, вакулёк, вагёг* ('водяная пуповина'), *чёрт* [Голева 2015: 161–162, 165]. Часто водяной показывается в женском облике – как косматая чертовка «с огромными лапищами» или красавица с длинными волосами, она их расчесывает, а при виде человека прыгает в воду – на поверхности не остается пузырьков и кругов [Хлопин 1849: 25; Янович 1903: 6; Крупкин 1911: 303]. Иногда необычный цвет волос может восприниматься как знак: женщина, увидевшая рыжеволосую водяную, погибает от молнии [Голева 2011: 165]. В облики могут иметься и выраженные аномалии: три пальца на руке, головка с удлинённым затылком, рыбий хвост [Янович 1903: 6; Пономарева 2016: 268, 281–282]. Водяные-мужчины могут принимать вид большой щуки или выглядят как черти, бесы, у главного водяного – золотая одежда и золотая шапка [Смирнов 1891: 269, 273]. Известен сюжет о том, как водяной в мужском или женском облики во время грозы дразнит Ена (Бога), похлопывая себя по заднице и быстро прячась в реку [Смирнов 1891: 272–273; Жаков 1903: 417; Климов, Чагин 2005: 11–12]. Типичная вредоносная функция водяных – утягивать человека в воду. Считалось, что утопленники работают на них, поэтому тонут те, кто там нужен: ребенок будет прислугой, пастух станет пасти подводное стадо. В Кочевском и Косинском районе рассказывают про водяного быка и коров, которые невидимо ходят по реке и мычат. Если корове водяного на рога накинута крестик, она останется у людей, будет давать много молока [Четина, Роготнев 2010: 82]¹⁴. Когда во время сенокоса шли дожди, в с. Архангельское Юсьвинского района водяному писали прошение, которое называется *сорок плешатых*: в нем жаловались, что от дождя облысели уже 40 человек, и указывали их имена [Четина, Роготнев 2010: 81]¹⁵. В более ранних материалах прослеживается устойчивая связь водяных и мельника. Ставя мельницу, он должен был пообещать от одной до нескольких человеческих «голов» – эти люди тонули, но мельница стояла

¹⁴Об этом сюжете в русском фольклоре см. [Гардер 2018].

¹⁵Подобная практика известна русским и некоторым другим славянским народам [Шабалина 2012].

крепко; позднее водяному стали жертвовать кошек, собак, петушиные головы. В услужении у мельника находится чертенок, который помогает ему вращать колесо. По требованию водяного «начальства» мельник должен открывать окно, через которое спускают воду, чтобы водяные могли проехать [Хлопин 1849: 25; Смирнов 1891: 283–284; Янович 1903: 6; Пономарева 2016: 67]. Неоднократно зафиксированы истории, когда человек ранит или убивает духа воды, в т. ч. принявшего вид щуки [Заветный клад 2007: 269–270]. Оберегом от водяных во время Святков и крещения служат палочки, положенные крест-накрест на прорубь.

Нечистый дух как таковой называется *чуд, куль, чомор, бес, чёрт, нечистый*. Основная его функция – пугать и губить людей. Так, временно опустевший дом *чудится*: в нем горит свет, топится печь, бесы таскают там кошек [Пономарева 2016: 248]. Нечистая сила подталкивает к самоубийству: когда муж-калека задумывает повеситься, из голбца выходит кто-то «высокий и красный», говорит, что давно ждет и что самоубийца будет у него вместо лошади [ЮЛР 2015: 141]. Известен сюжет, когда бесы приходят к скучающим женам под видом их отсутствующих мужей, но те узнают их по коровьим / лошадиным ногам. Женщины сбегают, заставляют петуха запеть, либо нечистая сила заживо снимает с них кожу [Заветный клад 2007: 261; ЛИКЯ 2011: 238]. Для обычных людей черти и бесы невидимы, а если человек по какой-то причине начинает видеть их, они выкалывают ему глаз [Грибова 1975: 16].

От нечистой силы практически неотличимы сезонные **святочные духи** – *шуликуны, чуды, вакули, черти* и др. [Голева 2011: 52–53]. Считалось, что они появляются на земле через полгода после цветения ржи, в Святки, и могут указать людям, что с ними будет [Смирнов 1891: 282]. В быличках о святочных гаданиях человек слышит иногда загадочную фразу, сказанную чужими, которую нужно расшифровать: «Мый нō керан?» – «Парёнка пōжа» (‘Что делаешь? – Парёнки готовлю’) – к болезни, лежанию на печи; «Ќтїк ѓшїс, арнас кыка адззїсїсѓ» (‘Один потерялся сейчас, а осенью два найдутся’) – зимой умрет отец, а осенью родятся два племянника [Климов, Чагин 2005: 99–100]. Гадание у овина или перекрестка на шкуре, хвост которой вышел за очерченный круг, заканчивается тем, что черти волокут

гадающих под овин или к проруби (№ 46, 47). Ненастоящего, подмененного ребенка нечистая сила признает за своего и во время Святка зовет с собой [Му пуксьом 2005: № 375]. В Крещение существовал обычай *чуддээ вайшотлыны* ('чудов изгонять'), *чуддээ тальны* ('чудов топтать'): парни и мужики, верхом на конях, с палками и плетками, скакали до проруби или соседней деревни, изображая, что прогоняют чудов [Смирнов 1891: 282]. Чтобы чуды не укрылись в темных углах, старухи и дети выгоняли их кочергой, крича: «Чуд, мун татись!» ('Чуд, уходи отсюда!'); иногда подобный обряд проводился в Васильев вечер [Климов, Чагин 2005: 53, 105–106]¹⁶. Повсеместно в ночь на Крещение или с утра для защиты от нечистой силы хозяева чертили кресты на дверях, воротах и окнах.

Особую категорию составляют «*вселяющиеся*» *духи* – *икота*, *икотка*, *шева* (последнее наименование зафиксировано у лупынцев [Пономарева 2016: 281]), которые живут внутри человека¹⁷. Как и в случае с лешим, этот мифологический персонаж часто имеет личное имя: *Иван*, *Иван Михайлович*, *Иван Фёдорович*, *Максимка*, *девочка Верочка*, *Опонька* и др. Демононим может быть более необычным: *Пёкла Анна* (по именам колдуньи и нынешней хозяйки), *Глафир*, *шестикрылатный Андел*, *Секля и Пекля*, *Инаток-Лепеток*, *Гут Гутович* ('Муха Мухович') [Четина, Роготнев 2010: 92–93, 186, 187; Голева 2011: 190–191]. В женщине может сидеть икота-мужчина, в мужчине – женщина, их может быть несколько, тогда икоты спорят между собой. Считается, что икоту изготавливают колдуны, выращивая в туесах, где она имеет вид ящериц, лягушек, жуков, жужелиц и т. п., а затем подкладывают в питье или пускают по ветру в виде мух [Белицер 1958: 331; Четина, Роготнев 2010: 92; ЮЛР 2015: 260, 309, 315]. У лупыньских пермяков шевы выполняют роль помощников колдуньи, могут обеспечивать удачу на охоте и рыбалке [Пономарева 2016: 281], за это она садит их себе на грудь, чтобы покормить. Попадая в тело жертвы, икота может принимать

¹⁶Подобный обряд существовал у язывских пермяков, коми, русских Усть-Цильмы, мордвы, удмуртов [Смирнов 1891: 282; Белицер 1958: 318; Голева 2011: 54], подробнее о нем см. [Черных 2005].

¹⁷Об этом мифологическом существе в фольклоре коми см. [Сидоров 1997: 106–138], в традиции русских – [Русинова 2011 и 2013; Христофорова 2016].

зооморфный вид и описывает себя как похожую на бурундука, цыпленка и т. п. Она перемещается внутри человека, вызывая болезненные ощущения, удушье, прячась от врачей и знахарей, которые пытаются ее вылечить / изгнать. Из умирающего человека икота выходит, иногда со рвотой, чтобы войти в нового хозяина. Человек, внутри которого живет «вселившийся» дух, во время приступов издает различные звуки, нецензурно бранится, говорит не своим голосом, приобретает ранее чуждые ему предпочтения в еде, одежде, отдыхе. Говорящая икота способна предсказывать, поэтому к ней приходят погадать: узнать об исходе важного дела, пропавших вещах и скотине, потерявшихся людях. В разговорах с икотой возникают иногда эротические мотивы, относящиеся к области народной комики. Они могут проявляться в демононимах¹⁸, а также в самоописаниях икоты: один из «вселившихся духов» сообщает, что не будет жениться, потому что он «как воробей», у него «писька маленькая» [Четина, Роготнев 2010: 94], другой, напротив, хвастает девкам, пришедшим погадать о замужестве: «День и ночь будете любовью заниматься, как я с моей хозяйкой», – и заставляет ее задрать юбку, чтоб показать свой «товар» [Заветный клад 2007: 295].

Колдуны и знахари, как и другие люди с магическими способностями, имеют в коми-пермяцкой традиции обобщающее наименование *tōdīs* – ‘знающий’. Используются также названия *дошлый* [ЮЛР 2015: 110], *вежливец*, *еретник* и др. [Голева 2011: 202]. Многочисленные рассказы о знающих составляют еще одну разработанную область коми-пермяцкой демонологии. Материалы XIX – начала XX в. показывают, что к ним обращались в различных случаях: знающий заговаривал охотничье ружье, останавливал кровь, помогал вывести клопов, с помощью специального гадания выбирал место для нового дома [Хлопин 1849: 26, 75; Рогов 1858: 95–96]. Обязательным было участие колдуна или знахаря – *вежливец* – в свадьбе. На этапе сватовства он с помощью магических действий старается *смили*ть невесту с женихом, чтоб тот ей понравился [Камасинский 1905: 139].

¹⁸Так, упомянутый выше демононим *Сэкля* образован от рус. *сэкиль*, *сикель* – ‘часть женского полового органа, клитор’ [СРНГ 2003: 126, 300], *Пекля* – парное к нему имя, созданное по принципу созвучия.

В день свадьбы вежливец заговаривает свадебный поезд: повозки, лошадей, свадебжан – перед отправкой за невестой, выездом к венцу и возвращением из церкви в дом жениха. Во время свадебного застолья следит, чтоб молодых не сглазили, а вечером уводит их в подклет, проверяя, чтоб постель молодоженов не испортили [Янович 1903: 26, 29; Рогов 1858: 80, 91, 105–110]. В свадебном поезде вежливец едет в первой кошевке [ЮЛР 2015: 109–110]. Если его не позвать, чужой колдун может *закрыть дорогу*, превратить свадебжан в волков и медведей. Известны былички, в которых описывается, как у женщины, обращенной в волчицу, родился человеческий ребенок, после чего ее удавалось расколдовать [Заветный клад 2007: 290], в других вариантах мать и младенец погибают (№ 101). Раньше колдуны и сами умели оборачиваться в животных (медведя, собаку и др.) [ЮЛР 2015: 308].

Колдун и знахарь могут соревноваться (знахарь показывает, что сильнее, излечивая «испорченного» человека) или действовать по договоренности (один наводит порчу, другой ее снимает), в мифологических рассказах различия между ними не всегда очевидны. Колдун «водится» с нечистой силой, знает *лешачьи молитвы* и потому удачлив на охоте и рыбалке, может ловить рыбу голыми руками [Смирнов 1891: 287; Четина, Роготнев 2010: 56]. За неуважение к себе он наказывает: так, мужик, которого хозяйка обнесла брагой, с помощью колдовства принудил ее раздеться, влезть на забор и там кукарекать [Заветный клад 2007: 291]. Злые колдуны должны причинять вред, т. к. к этому их подталкивают бесы. Не имея возможности навредить, колдуны начинают болеть и тогда воздействуют даже на родственников. *Дошлый человек* портит строящуюся избу, *запирает молоко* у коровы или *закрывает ей глаза, отводит от дороги* – тогда она не может вернуться домой, ходит в лесу вокруг пня [ЮЛР 2015: 270–271; Пономарева 2016: 358–359]. Порчу можно навести через прикосновение, пустить по ветру или с дымом из печной трубы [ЮЛР 2015: 261, 285]. В традиции коми-пермяков сохраняется множество названий магических болезней: колдун *насылает икоту, прицепляет килу* (опухоль), *делает комутёч* (то же; от русск. *хомутец*) и проч. [ЮЛР 2015: 312, 316; Пономарева 2016: 301]. Если ему жалко человека, пускает порчу на березу – на ней

появляется нарост [ЮЛР 2015: 308]. Разнообразны обереги от колдуна: его воздействию противостоит *громовой уголь* – кусок дерева, опаленного молнией [Рогов 1858: 109], ладанка с воском, ладаном и специальными травами [Янович 1903: 105]; в Юрлинском районе изготавливают мешочек с зашитыми в него семенами мака, зубчиком чеснока и солью, который носят в кармане или прикрепляют на шею корове [ЮЛР 2015: 286]. Многие амотропей довольно типичны: нужно вставлять дома над входной дверью зверобой / ножницы / три иголки; крестить порог жилища, читать *Воскресную молитву* или держать при себе ее текст; втыкать с изнанки в одежду иголку или булавку острием вниз; при встрече с колдуном складывать в кармане особую фигу, поместив большой палец между средним и безымянным [Там же: 284–286, 288]. Если *дошлый человек* зашел во двор, после его ухода достаточно замести следы метлой, сказав: «Смети, метла, чтобы злого запаха не осталось» [Климов, Чагин 2005: 119]. Если приходится пить в доме у такого человека, надо попросить хозяина выпить первым, дунуть на питье, трижды опустить в кружку ножик или вилки, пить через большой палец [ЮЛР 2015: 284, 287]. Колдун временно теряет силу, если ему до крови разбить нос [Там же: 288]. Злого колдуна выдает его бегающий взгляд, нежелание смотреть людям в глаза. Известен и специальный способ, который позволяет определить, «знающий» ли человек: когда тот войдет в дом, нужно начитать на ножницы *Воскресную молитву* и воткнуть их над дверями снаружи – колдун не сможет найти дверь и выйти [Там же: 287–288]. Чтобы овладеть колдовством, нужно учиться; один из способов заключается в том, чтоб в полночь в бане войти в пасть большой лягуши / жабы, но, если испытание не закончить, человек сходит с ума [Янович 1903: 106; ЮЛР 2015: 313]¹⁹. «Знающие» тяжело умирают, особенно если не смогли передать свое знание. Чтoб облегчить уход, мыли снаружи печку / икону *Евангелие* / добавляли в воду медь и поили этим колдуна. Гроб для него делали больше, т. к. тело *еретника* опухает, «растет» и чернеет. После

¹⁹Ср. представления о колдунах и связанной с ними нечистой силе в мифологических рассказах русского населения Пермского края: [Русинова 2014; Русинова, Шкураток 2018].

смерти над ним издеваются черти, садятся на гроб и едут на нем до кладбища [ЮЛР 139–140]. Душа колдуна попадает в ад.

Знахарь располагает своим арсеналом средств, позволяющих снимать порчу и лечить болезни: он *чертит* больное место медвежьим или бараньим когтем, сухим сучком, собственным безымянным пальцем. Знахарка лечит маленьким мальчикам грыжу, кусая яичко через красную ткань или используя для этого щучий зуб [Пономарева 2016: 63, 76, 302–303]. Чтобы после лечения не заболеть самому, лекарю нужно помыться в бане или побрызгаться святой водой [ЮЛР 2015: 261].

В случае падежа домашнего скота или затяжной болезни необходимо выполнить обряд *черёшлан*, для чего обращались к особой знахарке *чер-ёшванищице* / *чер-ёшланищице*, или *чер-эшванищице* / *чер-эшланищице* [Рогов 1858: 87; Янович 1903: 12]. В северных районах Коми-Пермяцкого округа эта практика сохраняется лучше, чем в южных. Знахарка пытается узнать, кто «нашел» на дом или на заболевшего человека, т. е. наказал его. Для обозначения такого воздействия используется глагол *мыжйыны*, а состояние болезни / ущерба называется *мыж*, *мыжа*²⁰. Гадание начинается с того, что узелком, в который завязан хмель, четверговая соль и медная монета, обводят вокруг больного места и кладут узелок на божницу. Эта часть обряда именуется *кёрталны черёшлан* ('вязать, завязать черешлан'), у лупьинских пермяков – *кёрталны койётчан* ('завязать койэтчан') [Пономарева 2016: 360–361]. В ближайшие три ночи тот, кто *дал мыжу*, может присниться больному, в противном случае гадание продолжается. Знахарка берет из узелка шепотку хмеля и бросает в печь на раскаленные угли, потом ставит перед устьем печи чурбан, втыкает в него топор и на его конце подвешивает гайтан с нательным крестом и медной иконкой, после чего начинает перечислять святых, чьи церкви и часовни имеются в окрестностях, а также имена умерших родственников больного. На чье имя икона начинает раскачиваться, тот святой или умерший наказал человека.

²⁰Лексема *мыжа* предположительно представляет собой довольно раннее иранское заимствование религиозно-мифологической терминологии (ср. авестийское *mīzda* 'вознаграждение'), с развитием семантики 'плата' > 'расплата перед божеством' > 'кара, наказание со стороны божества') [Напольских 2018: 516].

Существуют и другие варианты обряда: икона со шнурком подвешивается на хлебной лопате / на серпе / на весах, безмене; на гайтан или пояс, который знахарка держит в руке, подвешивается топор, туда же прикладывают узелок с хмелем, и т. д.²¹ У северных коми-пермяков считается, что мыжу могут дать «старые люди» (*важжез*) – ранние насельники этих мест, похороненные на «старых местах», а также реки, поэтому их тоже включают в перечисление. В зависимости от причины мыжи для ее исцеления знахарка может отправить в храм к иконе нужного святого, или на престольный праздник, чтоб принять участие в молебне и/или постоять в реке, или на поминки «старых людей» (*важжэсö касьтылём*), или предложить сделать дома поминальный обед в память о рассердившемся умершем [Грибова 1975: 103–104]²². Раньше, выполняя требование черешланницы, в церковь приносили самодельные *черешланные свечи* из желтого воска – длиной в ногу / руку / окружность головы / половину туловища больного, оставляли *приклад* (кусоч холста, деньги) [Рогов 1858: 88–89; Янович 1903: 13]. Большая часть опубликованных сведений о мыже и черешлане представляет собой описание обряда, но есть и сюжетные рассказы. Девочка мыла пол в день, когда у ее покойного отца был поминальный день, ей *ударило* в поясницу, мать отнесла подарки богомольным людям – они «вымолили» девочку, она выздоровела [Пономарева 2016: 276]. Мужчина ослеп, ему сделали обряд черешлан и узнали, что его покарала река Онолва; болезнь сразу прошла, после чего он 9 дней добирался до этой реки и искупался там в своей военной форме [Там же: 89]. Если покойный родитель наказывает детей, воздействуя на домашнюю скотину, она может умереть очень быстро. Женщина работала в Егорьев день, соседка предупредила ее, что день праздничный, но та продолжила трудиться; у мужа был дядя по имени Егор, который погиб на войне – он наказал ее:

²¹См. новые полевые материалы с описанием этого обряда: [Ложкина, Рассыхаев 2014: 106–109; Королёва 2014: 158–162].

²²Таким образом, коми-пермяцкий *черёшлан* представляет собой этнорегиональный вариант обетных практик, но религиозную «плату» за исцеление назначает не сам человек, как это обычно бывает на Русском Севере, а знающий с помощью специального гадального ритуала.

здоровый теленок утром оказался мертвым, после чего женщина пообещала никогда не работать в этот день [Там же: 361–362].

Умершие люди, кроме способности давать мыжу, наделяются и другими мифологическими свойствами. К человеку, которому предстоит скоро умереть, во сне приходят родственники или знакомые и «уводят» за собой. Есть и другие предвестия приближающейся смерти: показывается человек или слышится звук, которых на самом деле нет, долго воет собака и т. п. [Чугаева 2015: 14, 235, 241]. До 40 дней после похорон душа умершего может выдавать свое присутствие в доме: к примеру, с кровати, откуда во время болезни падала ныне покойная мать, раздастся ее плач, как будто у нее все еще болят пальцы [Там же: 16]. После похорон умерший может присниться и сообщить о нарушениях погребального обряда, из-за которых на том свете он испытывает дискомфорт: женщина, которой надели калоши, жалуется, что у нее мерзнут ноги; покойная, через гроб которой по старинному обычаю подали обмывальнице курицу, должна теперь ее пасти [Там же: 30, 76]. Почти любой сон с умершими интерпретируется как просьба помянуть их: поставить свечку в церкви, сделать домашний поминальный обед. Если ритуальные отношения с покойными родственниками выстроены хорошо, их можно просить о помощи в трудных ситуациях: так, во время Гражданской войны, будучи арестованной белогвардейцами, молодая женщина обращается к дедушке и бабушке с просьбой о защите – ее не расстреливают; в дальнейшем она разговаривает с покойным мужем: «Помоги, Никита, изгородь сделать, пашню вспахать», «Карауль, Никита, {сено}, не дай украсть», – и он помогает [Заветный клад 2007: 296–297]. Если умерший чем-то не доволен, то может являться родным, мешать им, пугать: старуха, похороненная без положенных почестей, приходит к невестке, которая плохо ведет хозяйство, не подпускает ее к корове, бросает в подойник навоз [Там же: 196]. Умершего отваживают молитвами, святой водой и/или обещанием помянуть его в туалете [Четина, Роготнев 2010: 36–36] – на *горячем говне*.

Считается, что после смерти люди на том свете продолжают вести такой же образ жизни, как на земле: ходят, работают, пьют, «с женами играют» [Добротворский 1883: 576]. Исключение

составляют души тех, кто умер неестественной смертью (самоубийц, убитых): они могут остаться там, где погибли. Проезжая мимо таких мест, люди слышат свист или стоны, духи умерших показываются, гонятся за ними [Смирнов 1891: 248]. Во сне самоубийцы жалуются, что на том свете их мучают: «гоняют», кормят не за столом, а у порога, некоторые горят в огне. Об участии самоубийц рассказывает и такая быличка: какой-то мужик ночью привел к кузнецу коня, чтобы подковать, а потом предложил повернуться спиной и посмотреть на него между ног: оказалось, что кузнец подковал соседа-удавленника [ЮЛР 2015: 140–141]. В Юсьвинском районе самоубийцу считают виновным в плохой погоде: если летом нужен дождь, в его могилу втыкают елочку вершиной вниз. Так же поступают с *двоежилом* – мужиком, после смерти которого в хозяйстве начинается ущерб, поскольку он хочет многое забрать на тот свет; если его не остановить – «уведет» с собой 12 родственников [Там же: 141–142]. Дают о себе знать и очень старые умершие, если потревожить их покой. Из раскопанной археологами могилы женщина взяла три зуба и не смогла уснуть: ночью ей приснился хозяин зубов и потребовал их вернуть [Климов, Чагин 2005: 156]. Возле дома, который стоит на чудском кладбище (*чудской могильник*), копали колодец и нашли косу похороненной там девушки, после чего та начала сниться хозяйке: «Ти мэнõ эд обижайтõ, эд давитõ!» («Вы меня не обижайте, не давите!»); хозяйка дала слово ее не трогать – девушка больше не снилась [Пономарева 2016: 66]. Иногда благодаря сну человек сам догадывается, что нужно сделать: коми-пермячке, у которой заболели ноги, приснилось поле, на котором работают согнутые женщины; она подумала, что у нее мыжа и что ее покарали спецпереселенцы, пообещала приготовить им поминальный обед – болезнь прошла [Там же: 74].

Часть описанных здесь коми-пермяцких верований на сегодняшний день утрачена, но значительная часть мифологических мотивов продолжает воспроизводиться. Некоторые из них обнаруживаются и в новейших записях мифологической прозы, которые представлены в этой книге.

С. Ю. Королёва

КРАТКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ ПУБЛИКАЦИИ

1. Краткая лингвистическая характеристика текстов и выбор способа их подачи. В «Материалах по коми-пермяцкой демонологии» представлены тексты, отражающие особенности трех коми-пермяцких диалектов: кудымкарско-иньвенского, кочевского и косинско-камского. Каждый из них характеризуется наличием довольно значительного количества говоров [Баталова 1975: 212–216, 230–235]. Тексты сборника сопровождаются указанием места записи диалектного текста, что позволяет специалисту легко определить и конкретный говор.

Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка, который, как считается, был взят за основу при формировании литературного языка, по сравнению с другими диалектами, имеет наибольшее количество носителей. Он распространен практически на всей территории Кудымкарского муниципального района (за исключением ареала функционирования нердвинского диалекта) и значительной части Юсьвинского муниципального района (кроме территорий распространения нижнеиньвенского и оньковского диалектов, а также территорий Майкорского и Пожвинского сельских поселений, где проживает русскоязычное население). Как любой диалект, он характеризуется рядом фонетических, морфологических и иных особенностей, наиболее характерными среди которых является полное отсутствие твердого [л], выпадение [в] и [й] в интервокальном положении, наличие ассимиляции гласных, окончательный переход серийного послелого с основой на *выл*- в падежный формант и др.

Кочевский и косинско-камский диалекты коми-пермяцкого языка, функционирующие на территории северных муниципальных районов Коми-Пермяцкого округа, по многим языковым параметрам довольно близки: оба являются так называемыми эловыми диалектами; характеризуются более активным переходом по сравнению с южными диалектами севернорусского открытого [о] в коми-пермяцкий [ö]; в них наблюдается трансформация серийного послелого с основой на

был-, но окончательные грамматические формы чаще встречаются пока только в кочевском диалекте и др.

Отметим, что коми-пермяцкий язык по своему морфологическому типу является агглютинативным, поэтому практически любое фонетическое изменение – выпадение звуков, разные виды ассимиляций и диссимиляций, метатеза и др. – влечет за собой изменение многочисленных суффиксов. При описании подобных случаев в пермистике принято использовать термин *фономорфологические изменения*.

Диалектные тексты в издании подаются в так называемой упрощенной транскрипции: при сохранении принципов современной графики и орфографии (правила правописания йотированных букв, букв *и* и *i*, аффрикат, *ь* и *ъ* знаков; морфемный принцип орфографии при регрессивной ассимиляции согласных), в текстах указываются ударение и отражены диалектные фонетико-морфологические особенности слова. Таким способом передачи диалектного материала обычно пользуются этнолингвисты, этот способ является наиболее рациональным при передаче фономорфологической оболочки слова.

В финно-угроведении при публикации диалектных текстов практикуется фонематическая транскрипция, реализующаяся на основе как кириллического, так и латинского алфавитов, хотя довольно часто можно встретить и обозначенную выше упрощенную транскрипцию.

Финно-угорскую транскрипцию, базирующуюся на латинской графике, предпочитают зарубежные исследователи, каким бы языком они ни занимались [Syrjänsche Texte 1985; Сородичи по языку 2000 и др.]. Данный вид записи традиционен для этимологических словарей и исследований исторического характера. Скажем, в монографии В. И. Лыткина «Исторический вокализм пермских языков» лингвистический материал представлен в современной орфографии (в меньшей степени) и в латинской транскрипции [Лыткин 1964]. Подобная картина наблюдается и в «Кратком этимологическом словаре коми языка» [КЭСКОЯ 1970]. Академик Б. А. Серебренников, описывая историческую морфологию пермских языков, пользовался только финно-угорской транскрипцией [Серебренников 1963].

В научных монографиях «Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские» [1966], «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков» [1974], опубликованных в советские годы Институтом языкознания АН СССР и в большинстве своем являющихся до сих пор актуальными в вопросах образования и развития финно-угорских языков, при подаче языкового материала применялась как латинская транскрипция, так и нормы орфографии описываемого языка.

Что касается изданий диалектных материалов по пермским языкам, то здесь наблюдается вариативность подходов. В. И. Лыткин в книгах «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» и «Коми-язьвинский диалект» подает диалектные тексты в фонематической транскрипции на кириллической основе [Лыткин 1955, 1961], такого же принципа придерживались (и продолжают соблюдать такой подход) и другие ученые-пермисты, например, он используется в изданиях «Лузско-летский диалект коми языка» [Жилина 1985]; «Удорский диалект коми языка» [Сорвачева, Безносилова 1990].

Этой традиции продолжают придерживаться и в последующих публикациях: в монографии «Коми-пермяцкая диалектология. Фономорфологические изменения в коми-пермяцких диалектах» [Лобанова 2002], «Образцы удмуртской речи 3: южные говоры» [Кельмаков 2015], «Речь северных коми-пермяков» [Пономарева 2016] и др.

В диссертационных работах, посвященных анализу коми-пермяцких диалектов, в подаче материала также превалирует принцип фонематической транскрипции [Лобанова 1993, Дмитриева 1998], хотя в некоторых диссертациях на первое место выходит упрощенная транскрипция [Федосеева 2002, Меркушева 2003].

По принципу упрощенной транскрипции составлено учебное пособие «Коми-пермяцкие говоры», авторами-составителями которого были А. С. Кривошекова-Гантман и Л. П. Ратегова [Коми-пермяцкие говоры 1980]. В нем ареальные фономорфологические особенности передаются в привычной орфографии. Впоследствии многие авторы, работая с диалектным текстом, применяли данный способ письма: А. С. Лобанова в книге «Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования»

[Лобанова 2008]; О. А. Попова «Коми-пермяцкий фразеологический словарь» [КПФС 2010]; Т. Г. Голева, И. А. Подюков и др. «Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник» [ЛИКЯ 2011].

С коми-пермяцким диалектным языковым материалом активно работает известный коми-пермяцкий писатель и фольклорист В. В. Климов: «Олан вужжез/Корни бытия», «Пешнигортлön мöдвапöв/Заречье Пешнигорта» [Климов 2007, 2013], но он диалектную речь оформляет согласно нормам коми-пермяцкого литературного языка.

Предложенные тексты демонстрируют живые процессы, происходящие в названных диалектах коми-пермяцкого языка. Фонематические, словообразовательные, морфологические варианты слов передают общую картину ареальных особенностей.

Прокомментируем некоторые диалектные варианты, а также, по мере необходимости, особенности графического оформления отдельных позиций.

Многие исследователи коми-пермяцких диалектов отмечают ослабление позиций ряда согласных и гласных звуков в составе слова с последующим их переходом в нуль звука, т. е. полным выпадением. К числу таких «слабых» звуков относят согласные [в] (в взовых диалектах в позиции середины и конца слова), [й] (в интервокальном положении), [з] (из состава суффикса множественного числа имен существительных). Из гласных чаще всего теряют свои фонологические качества [ы], [ö] и [а], они же в первую очередь подвергаются выпадению, особенно в позиции конца слова. В середине слова довольно уязвимым для них оказывается положение после гласного, которое иногда неизбежно на стыке двух морфем.

Ослабленную позицию звука в пермистике обозначают соответствующим знаком, но уменьшенным в размерах, и размещают в качестве надстрочного знака. Такого характера примеры встречаются и в данных тестах: *тятюёлön сойез^{bl}с* (вм. лит. *сойезыс*) «сестры моего отца», *бöбалöны вакулле^{bl}с* (вм. лит. *бöбалöны вакуллезыс*) «балуются водяные» и др. Особенно они

вероятны, как уже отмечалось, при стечении гласных на стыке двух морфем.

Говоря о коми-пермяцких диалектах, нельзя не остановиться на особенностях употребления в них звуков [в] и [л], хотя об этом написано уже довольно много научных работ. Напомним, что в эловых диалектах этимологический [л] максимально сохраняет свои позиции, что не дает слову «рассыпаться», как это происходит в взовых диалектах. В последних твердый [л] полностью отсутствует, его место повсеместно занял звук [в], в определенных позициях перешедший в нуль звука или проявляющийся сегодня как билабиальный звук, а не губно-зубной. В научных работах этот губно-губной (билабиальный) зачастую оформляется с помощью w знака, иногда он может обозначаться как ослабленный звук. В данной работе качественные изменения губно-зубного [в] переданы также надстрочным знаком, например: *Ciö раздабривать колö. Тэ пондан о^вны...* «Его задабривать нужно. Ты будешь жить...».

Как известно, диалекты являются ценнейшим материалом при изучении исторической фонетики, лексикологии и грамматики языка. При отсутствии древних письменных памятников – как по коми-пермяцкому языку, так и по родственным – важность ареальных материалов возрастает в большей степени.

Общеизвестно, что пермские языки характеризуются ограниченным употреблением отдельных гласных в первом слоге. Современные литературные формы иногда уже не демонстрируют этой особенности. Так, в слове *чочком* «белый» во втором слоге не должен быть звук [о], и только фонетический вариант этого слова *чочкõм* (*чышьяна*) «в белом платке», зафиксированный в анализируемых текстах, доказывает, что в прошлом в этом слове на месте [о] второго слога был звук [õ]. Кстати, это доказывает и близкородственный коми язык.

Довольно редко в диалектах северного наречия встречается особая форма винительного падежа: вместо ожидаемого суффикса *-õс* или нулевой формы выступает древняя форма *-лõ*, внешне совпадающая с суффиксом дательного падежа. Зафиксированные в анализируемых текстах примеры с обозначенным показателем подтверждают их наличие в речи северных коми-пермяков

и сегодня. Приведем пример из кочевского диалекта: *Или понас этō керны коккелō* (вместо лит. *коккез*) «Или станет делать это ноги». Кстати, данный пример демонстрирует еще одну фonomорфологическую особенность названного диалекта: самый краткий фонетический вариант суффикса множественного числа имен существительных -э (лит. -эз).

При работе над текстами возникали вопросы и сомнения при оформлении промежуточного варианта трансформирующегося серийного послелого с основой на *выл-* в падежную форму: обозначать на письме его уже слитно или еще раздельно? В работах Р. М. Баталовой, известного специалиста по коми-пермяцкой диалектологии, такие фonomорфологические формы представлены одним словом. В данной книге было решено усеченный послелог оставить еще как служебное слово, т. е. писать раздельно, например: *полка ылас* (вместо лит. *полка вылас*) «на полку».

Диалектные материалы показывают, что коми-пермяцкое слово и дальше стремится к сокращению: оно «избавляется» как от отдельных «лишних» звуков, так и от целых слогов. Конечно, это наблюдается только тогда, когда от выпадения звука не меняется ни лексическая, ни грамматическая нагрузка слова. Приведем некоторые примеры: *са* (лит. *сіа*) *перед болезни* «Это перед болезнью», *ся* (лит. *сэсся*) «затем, потом», *эт* (лит. *эта*) *кузя* «такой длины», *вōллэнымōс* (лит. *вōввезнымōс*) «наших лошадей».

Явление ассимиляции гласных в кудымкарско-иньвенском диалекте считается уже привычным. Это демонстрируют и представленные материалы: *синнэс* < *синнэōс* < *синнэзōс* < лит. *синнэзōс* «моих глаз»; *гōграам* < *гōграōм* < *гōгра^вōм* < *гōгра^вōм* < лит. *гōгра^лōм* «он, оказывается, кружил» и др.

Русскоязычные заимствования в речи коми-пермяков до сих пор подвергаются активной фонетической адаптации, например: *сякō* (рус. *всяко*), *тōкō* (рус. *только*), *мельнича* (рус. *мельница*), *кудō или добро* (рус. *худо или добро*) и др.

Свою роль сыграл и коми-пермяцкий литературный язык: некоторые образованные информанты используют литературный вариант вместо ожидаемого диалектного.

А. С. Лобанова

2. Принципы передачи устной речи и перевода. При публикации текстов мифологических рассказов по возможности полно сохранялась звучащая речь. В текстах присутствуют пометы, демонстрирующие отношение говорящего к сказанному («смеется» и др.), передается попутная информация, сообщенная невербальным путем («показывает», «накладывает на лоб» и пр.).

Известно, что устная диалектная речь при передаче на письме требует определенных трансформаций. Для удобства восприятия читателя были произведены некоторые преобразования: при наличии маркеров косвенной речи (*пö* ‘мол’, *шуö* ‘говорит’), местоимений и глаголов первого лица фрагмент текста подается как прямая речь. При этом сами маркеры, свидетельствующие о том, что информант пересказывает чьи-то слова (в диалектной речи они могут присутствовать через каждое слово), частично сокращены.

Удалены свойственные устной речи «слова-паразиты» и дискурсивные слова: *вот*, *öнджа* ‘это самое’, *этийö* ‘это’, *кывзы* ‘слушай’; *тöдан* ‘знаешь’; *дзöт / видзöт* ‘смотри’; *короче* и т. п. В некоторых случаях они сохраняются, если далее мысль информанта не проясняется: *Сэтчö пö кучик пуктасö да кучиквö öнджа керöны* (букв. «Туда, мол, шкуру положат и на шкуру это самое делают»).

В текстах сокращены присущие устной речи многочисленные повторы как отдельных слов, так и целых фрагментов, удалены фразы, обращенные к родственникам информанта и собирателю, попутные размышления информанта, «вклинивающиеся» в мифологическое повествование.

В большинстве случаев удалены вопросы собирателя и реплики информанта, если последний затрудняется дать ответ или повторяет вопрос собирателя. Вопросы собирателя сохранены, если без них сложно понять ответную реплику, однако подаются с некоторыми правками и приближены к литературной норме.

Русский перевод максимально близко воспроизводит текст оригинала, однако не является буквальным. В тексте перевода сохранена безэквивалентная лексика, являющаяся специфической для коми-пермяцкого языка (например, звукоподражательные слова *ярс-ярс-ярс* – ‘подражание хрусту снега под ногами’; *чуш-чуш* –

‘подражание тихой ходьбе’; изобразительные словосочетания: (*чӧрс быг керыштны* – ‘о крутящемся веретене’ и др.). Как правило, в переводе сохранены названия мифологических персонажей, если их наименование/функция не позволяет их заменить русским эквивалентом, существующим в литературном языке.

При переводе довольно сложно было сохранить некоторые другие особенности коми-пермяцкой речи, например, парные глаголы (*шушкӧ-висъяӧ* букв. «шепчет-рассказывает»; *муніс-петіс* букв. «пошел-вышел»); парные наречия (*сквозь-прокод* (*видчӧ*) букв. «все время (ругается)»; *бӧрӧн-бӧрӧн* букв. «задом-задом») и др. В переводе соблюдаются принципы видо-временной соотнесенности глаголов русского языка: вне зависимости от того, какое время употребляется рассказчиком, ряд событий, происходивших в прошлом, передаются в переводе глаголами прошедшего времени и т. п.

В некоторых случаях, когда перевод на русский литературный язык невозможен, используются существующие в народной речи эквиваленты (например, для *кывзісьны* – *слушаться*).

Основной задачей русского перевода является передача сюжета для не владеющего коми-пермяцким языком читателя, поэтому в работе используются различного рода пояснения, заключаемые в круглые скобки, восстанавливаемые из контекста слова помещаются в фигурные скобки, вопросы собирателя – в квадратные.

А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток

КЕРКУИСЬ ЧУДЭЗ

1

Домовёй. Сіё раздабривать колё. Тэ пондан о^вны кытшом квартираын, вильын, тэ сіё: «Домовушка-батушко, сохранил, спаси меня и подойди ко мне, я тебе гостинцы положу». Вот, все. Аминь, аминь, аминь. Сё. Пукты тэ нянь кусёк, сэтчё канфетка пукты или няньтё посоли, ваок пуктыш. Сё. Коть пызан ылас коль, только эн велтты немён. Ну, оз ков велттыны. А меным висьталісё татён, свекровкаё жё висьталіс: «Пырт, – а миан сэтчин полка эм, час сіа полкаыс эм, – полка ылас пукталлы. Джоджылас полка ылас пуктыллы». А ме и шуа: «А, – мыся, – можот, сіа учётик ли ме коддьём жё, – мыся, – да, можот, оз судз да?» Сіа шуё: «Адззас сіа». Ме мымдакё пукталлі, сэсся эг понды. Көр кыз кынёма да мый да да, көр тэ каждöй раз сэтчин этö керан. Ме исся пондi пызаныс ылö тэчны.

(Лягаево Коч., МНГ, 1934)

2

Ме вот эстönка ола сорок годов ни керкуас, и раз-мёд менö пользётиc. Öнi шогалнытö кыздз пондi, то менчим сіа шебрасёс кульыштö, то менö пельпоннэöттям трекитö*. Сэсся ме чеччи да и шуа: «Лок мекöt, вошшы, сёй да менö эн вöрöt, – ме шуа. – Вот эд мымда ни ола». Ме сійö вошшötі, касьтылі*, и сяс спокой öнi лоис. Колö сійö тожо касьтылны, корны сёикат.

(Юксеево Коч., ПАГ, 1941)

3

Суседку – дак этö домовёй. [А сіа каждöй керкуын эм?] Каждöйын, ме öтнам ола, дак менам öтик, а кин мындаön олö, дак сымда, сіа каждöйлön аслас. [А сіа керкуас кытön олö?] Джоджылын. [Мыйкö эд сіа керö, натьтö, тожо?] Ме тай пырала джоджылас, дак ог тай адззыл, мыся: «Лок ме дынö». Оз пет.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

ДУХИ ДОМА И ДВОРА

1

Домовой. Его задабривать нужно. {Если} ты станешь жить в новой квартире, ты ему {скажи}: «Домовушка-батюшко, сохрани, спаси меня и подойди ко мне, я тебе гостинцы положу». Вот, всё. Аминь, аминь, аминь. Все. Ты положи кусок хлеба, туда же конфетку положи или хлеб посоли, водичку поставь. Все. Хоть на столе оставь, только не закрывай ничем. Да, не нужно накрывать. А мне тут сказали, и свекровь тоже говорила: «Занеси, – а у нас там полка есть, и сейчас эта полка есть, – на полку {всегда} клади. В подполье на полку {всегда} клади». А я и говорю ей: «А, может, он маленький, как и я, и, может, он не достанет?» Она отвечает: «Найдет он». Я сколько-то оставляла, потом перестала. Когда беременна {была} да что (да), когда ты каждый раз там это сделаешь (т. е. оставишь еду). Я потом стала на стол класть.

2

Я вот здесь-то живу уже сорок лет в {этом} доме, и раз-другой {домовой} пугал меня. Теперь стала болеть, то у меня он одеяло стащит, то меня за плечи трясет. Потом я встала и говорю: «Пойдем со мной, угощайся, поешь и меня не трогай, – говорю. – Вот ведь сколько уже живу». Я его угостила, помянула и теперь живу спокойно. Его тоже нужно поминать, звать во время приема пищи.

3

Суседко – так это домовой. [А он в каждом доме есть?] В каждом, я одна живу, так у меня один, а по сколько {человек} живут, так столько {у них домовых}, он у каждого свой. [А он в доме где живет?] В подполье. [Что-то ведь он делает, наверное, тоже?] Я захожу в подполье, так никого не вижу, говорю: «Иди ко мне». Не выходит.

4

Джоджуас кин оо? Ёнджаыс... Кыдз жё?.. Домовикыс. Домовик! Енповкавысис тай еннэсё ёні шентаввис. [А мыля сія шенталис нійё?] А ог эд ме тёд. Умоль одзын пё сія тай. <...> Шуввисё тай, домовик пё. [И кытён сія олоё?] Джоджуын.

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

5

Джоджуись китсавыввисё, көркө челядьсё повзьётвисё ыджытжыккеыс кагасё видзикё. Джодуас сов пуктан, нянь пуктан, совён-няньён: «Суседку, суседку, клёб, нянь-сов; суседку, суседку, клёб, нянь-сов». (Сылоё, сералё.) Бытте сысса абу. Ой, повзям, челядыс чистё повзясё; суседкуыс ыбёсё петё – котёртёны! Ой, суседкуыс джоджувсис петас! (Сералё.)

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

6

Печкансё колё пё, понан пуксьыны, чеччыны печканыс дынісь, да колё кресталны. Оз кө бытшёмика пукты, дак и печкё.

(Юкseeво Коч., ПАГ, 1941)

7

Одзжык эд мый, печкимё пыр печканнэзён. Дак кудель, кыз понан печканнас кольны, вот рытнас водны, да чёрссё пызан саяс вабичвас пуктан, креставан сійё, чтобы суседкоыс эз печкы. [А если сія печкас, мый лоас сэк?] А сіа умёля печкё. (Сералё.) Умёля печкё, сіа някляас быдёс то этійё...

(Мелюхино Юсёв., ТФФ, 1931)

8

Ёшё сія печкё мый. [А кызд сія печкё?] Печкё кызд морт жё пё, печкё. Джоджёттяс пё эшё быг* керыштас да – тор-р-р* – бёра чёрсыс – тор-р-р. Суседку пё печкё. [А эзё баитё, мый одзын сія сійё печкё?] Шуисё тай умоль одзын. А кин тёдё!

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

4

В подполье кто живет? Этот самый... Как же?.. Домовик. Домовик! С божницы-то иконы раскидал сейчас. [А почему он раскидал их?] А я ведь не знаю. Перед плохим это ведь, говорят. <...> Рассказывали ведь, что домовик есть. [И где он живет?] В подполье.

5

Из подполья звали, раньше-то детей пугали старшие, {когда} с младшими нянчились. В подполье соль поставишь, хлеб положишь, хлеб-соль: «Суседко, суседко, хлеб, хлеб-соль; суседко, суседко, хлеб, хлеб-соль». (Напевает, смеется.) Будто потом нет {того, что положили}. Ой, испугаемся, дети все испугаются, суседко в дверь выходит – бегут! Ой, суседко из подполья выйдет! (Смеется.)

6

Говорят, прялку надо, если станешь садиться, вставать от прялки, нужно {ее} перекрестить. Не положить если как следует, так {домовой} прядет.

7

Раньше ведь мы пряли всегда на прялках. Так кудель, как станешь прялку оставлять, вот вечером ложиться, и веретено за столом на скамейку положишь, перекрестишь ее, чтоб суседко не прят. [А если он будет прятать, что будет тогда?] А он плохо прядет. (Смеется.) Плохо прядет, он скомкает это вот все...

8

Еще он прядет. [А как он прядет?] Прядет как человек, говорили, прядет. По полу опять крутит веретено – *тор-р-р**, *тор-р-р*. Суседко прядет. [А не рассказывали, перед чем он прядет?] Говорили ведь, что перед плохим. А кто знает?!

9

А печкӧ пӧ таки сiя, суседкоыс, печкӧ тожо сiя... Виднӧ, печкан да печкансӧ коль, дак ойнас пӧ сiя. Вот сiйӧ кывывви: «Печкис таун бӧра мян суседкуыс – шы-ы-ыр* – ойнас кызд чӧрссӧ бергӧтӧ, кыӧ». [А эз баитӧ, мыйлӧ сiя сiйӧ керӧ?] Юавны пӧ коӧ. Вот куан одзын мый, так мыйкӧ висьтаввӧ, видно, ответитӧ.

(Конаново Куд., КСК, 1930)

10

[А мый суседкоыс йылiсь баитлiсӧ?] Сiйӧ лечитны пӧ коӧ. [Кызд?] Вичкуись кайӧтвыны поп, манашка, чтобы сiя керкуассис петiс. (Сералӧ.) <...> Меым тай сiдз эз кервыӧ, а висьтаввыисӧ, шуӧны тай, комас, быттӧ, ӧнджанас – жиль-жоль* – паньбекӧрсӧ миськаӧ, то мый, то ветвӧтӧ керкуӧттяс. А меам сэтшӧмыс эз вӧв.

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

11

Мукӧд пӧра тай выгоняли тожо, но сiйӧ весьвӧ. «Сiйӧ бы выгнатьтӧ ӧз ков керкусис», – се тай шуисӧ. [Мыля выгоняли?] А кызд абу?... Воскреснӧй ли, кызд ли... Ме, кылзы, сiйӧ ӧг куж шуны. Но шуисӧ: «Керкусис суседко не выгоняйте, вот сiя сэтчин кӧзяин. Вот, выгонишь – нет добру», – шуллiсӧ.

(Демина Коч., МНФ, 1931)

12

Вот сӧ тай шуӧны, ӧтик шуӧ: «Мыйкӧ ойнас уськӧтiс, паздiс». Мӧдик шуӧ: «Посьтелляӧс кыкис». То сiя юрсисӧ этӧ керӧ... А менӧ Господь бережитӧ. Ӧтнам. Дваццетъ три гӧда ни абу мужикӧ. Вот меным тожо кыкисъ ни этӧ керис сiдз. И сiя кызд меным керас, ме сiдз и пона шогавны. Са перед болезнiи меным предупреджайтӧ.

(Юксеево Коч., ПАГ, 1941)

13

Суседкаӧн шуллiсӧ, суседко уморочитӧ*. Вот водан, и мый и лоас, мыйкӧ топ тэнат тулдан или мый вот, или понас этӧ керны коккелӧ, шуан: «Вот бӧра суседко уморочитӧ».

(Демина Коч., МНФ, 1931)

9

А прядет, говорят, суседко, прядет тоже он... Видимо, когда прядешь и прялку оставишь, так ночью, говорят, он {будет прядть}. Вот это я слышала: «Прял сегодня опять у нас суседко – шы-ы-ыр* – ночью, как веретено крутит, слышно». [А не рассказывали, зачем он это делает?] Спросить, говорят, надо. Вот если человеку умереть, так что-то, говорит, видимо, он отвечает.

10

[А что о суседке рассказывали?] Его лечить надо. [Как?] Из церкви привести попа, монашку, чтоб он (т. е. суседко) из дома вышел. (Смеется.) <...> Мне ведь так не делали, а рассказывали, говорят ведь, будто бы на кухне посуду чем-то со звоном – *жиль-жоль** – моет, то {еще} что-то {делает}, то ходит по дому. А у меня такого не было.

11

Иногда ведь {домового} выгоняли тоже, но это зря. «Его выгонять-то не нужно из дома», – все ведь говорили. [Почему выгоняли?] А как нет?.. Воскресной {молитвой}, что ли, как ли... Я, слушай, это не могу рассказать. Но говорили: «Из дома *суседко* не выгоняйте, вот он там хозяин. Вот выгонишь – не к добру», – говорили.

12

Вот все говорят, один говорит: «Что-то ночью {домовой} уронил, сломал». Другой говорит: «Постель стащил». То он с волосами что-то делает... А меня Господь бережет. Одна {живу}. Двадцать три года уже нет мужа. Вот мне тоже два раза уже это делал так. И он как мне сделает, так я и начинаю болеть. Он перед болезнью меня предупреждает.

13

Суседко называли, суседко давит. Вот ляжешь, и что-то будет {тебе}, словно у тебя {тело} цепенеет или что вот, станет это {домовой} делать, {садиться} на ноги, скажешь: «Вот опять суседко давит».

Суседкоыс – сiя эм. Домовик сiя, домовик шусьö. [А комиён суседко шусьö?] А сiдз сiя и, натте, домовик и шусьö. <...> Ме эшö синнэзнам эг адззыввы. А сiя кинвö мыччасяс, дак морт кодь жö пö, гöна. [А примерно мый ыжда?] А ыджытнас ог тöд, мый ыжда, а менö кöркö эстөн лямöтiс заразаыс! Кысинькö, то ли бы, шуа, джоджувсиняс пет... Наттö, вöтаси жö сiйö. (Сералö.) И воктiс и кисö ню-ю-южöтö ме вадöрö. Токо водi да синнээс куни. Гöна. Ыджыт мыйкö, эти сувда (мыччалö примерно кага ыжда). Ыджыт. Тэ менö мыйвö повзьöтан?! Токо бы чеччöвтi да! А ачым узя, узя. Сiйö вöтася, видно, ме. Сiя бы этчö койка дорас водiс, джоджас сэтчö, да ме сiйö тали да тали, да тали, чеччи да коккезнам. И ыбöсас уськöтчи, петi, мунi. Котöртi Ваняö ордö, зонö ордö. Этчö баня дынöдззис воктiс, бöрсиням вöтчис. «Сумева, – пö, – пышшыны!» Джагöтiс ли мылли бы менö сiя? Ог тöд. «Сумева, – пö, – пышшыны!» Ме котöрта и горöта: «Ваня! Ваня! Менö кинкö вийны мöдö!» Синнээс – ба-а! – осьтi: некин некытөн абу, ачым вот этадз дрöжита. (Сералö.) Вот сiя домовикыс. Мыйкö, видно, невадно ме сыö кери, сёянсö ли... эг верд ли. [Сiйö колö вердны?] А пызанвас эм, дак сiя ойнас пö сёйö. А меам пызанвас няньыс сэтчин пырка, а эстөн абу, ог видз, а комас пыр эм.

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

Баитвисö, что суседкоыс не бур одзын нывкаэсö пö, например, ляпкöтö. Сiя тэнö ляпкöтö – тэ он вермы чушыктыны. Кыдз бытътö тэввö кинкö пуксьö. Менö нывканам ляпкöтiс сiя. [Мый одзын этö?] А вот сьöктан. Сiйö пö юавöны мукöдыс: «Тэ бур одзын или умöль одзын?» – суседкоысвись. Сiя кыдз сьöд кань тэввö пуксьö.

(Демина Куд., СЛВ)

Суседко – он есть. Домовик он, домовик называется. [А по-коми суседко называется?] А так он, наверное, домовик и называется. <...> Я еще своими глазами не видела. А он кому-то показывается, как человек, мохнатый. [А примерно какого роста?] А какого роста, не знаю, а меня как-то давил здесь, зараза! Откуда-то, что ли, говорю, с подполья вышел. Наверное, приснилось мне это. (Смеется.) И подошел, и руку тя-я-янет в мою сторону. Только легла я и глаза закрыла. Мохнатый. Высокий какой-то, такого размера (показывает, что ростом примерно с ребенка). Большой. Ты меня зачем пугаешь?! И как будто вскочила! А сама сплю, сплю. Это снится, видимо, мне. Он как будто сюда на край кровати лег, на пол сюда, и я стала топтать его, топтать, топтать, встала, и ногами {его}. И в дверь кинулась, убежала. Побежала к Ване, к сыну. До бани он (т. е. домовый) дошел, он за мной гнался. «Сумела, – говорит, – убежать!» Задушил бы, наверное, он меня? Не знаю. «Сумела, – говорит, – убежать!» Я бегу и кричу: «Ваня! Ваня! Меня кто-то убить хочет!» Глаза – ба! – открыла: никого нигде нет, сама вот так дрожу. (Смеется.) Вот это домовик. Что-то, видимо, неладно я ему сделала, еду ли {не дала}, не накормила ли. [Его надо кормить?] А на столе есть {еда}, так он ночью, говорят, ест. А у меня на столе там хлеб всегда есть, а здесь нет, не держу, а на кухне всегда есть.

Говорили, что суседко не к добру девушек, например, давит. Он тебя давит – ты не можешь дышать. Как будто на тебя кто-то садится. Меня, когда я девушкой была, он давил. [Перед чем это?] А вот забеременеешь. Его, говорят, спрашивают некоторые: «Ты перед хорошим или перед плохим?» – у суседки. Он как черная кошка, на тебя садится.

16

Шуоны: «Ой, домовййис менё этё керис...» Умоль одзын, кёр шуасо: бур одзын. Кёр тай онмёссян ли мылли да мыйкё саймыны понан, он вермы горётчыны. Мыйкё бы вётасян ли, горётны бы верман... Сія пё домовййис тэнё этё керёма. Коё пё сыись юавны: «Бур одзын ли умоль одзын?» Но сійё ме тожё ог тёд. [И сія байтё пё, оз?] Мыйкё пё шушкё-висьтаё мукёдысвё. [Кытён сія керкуас олө?] Кытшөмкё угёын пё овё тай, но не енугёас да мый да, а порогувт вадёрас... Сэтчин ыбёс вадёрас сія оё. [Мыля сія вадёрын?] А эстён еннэс... [Кызд вежёртны, что сія эм керкуас?..] Любёйын пё эм, но мукёдысвё пё сія кыё, что ветвётё да мый да... Чуш-чуш* – сідз гусьёник этё керё...

Личкё пё этё керё, но горётчыны да мый да он вермы. Видно, кинаныс этё керасо: кёдыё пё куш сія шедё, кёдыё гёна шедё.

Усяс ли нечаянно, натётё, а сё шуоны: «Домовййис сія, домовййис дзимляис, дзебис ме дынісь».

(Антонова Куд., ЧАА, 1948)

17

Суседко пё ляпкётё, ме сійё тожё тёда. Дзик бы ог узь, кинкё выввам вашкаритчё. Этадз керан – не ки, не кок он вермы вөрётны. Вот сія суседко пё ляпкётё. Не бур одзын сія пё. Вот менё неётпыр сідз ляпкётвис. [Вермё ли суседко байтны?] А мыйкё кывсьыввис тай. Юаёны пё: «Бур одзын, не?» Кёдыё висьтаё пё: «Бур одзын», кёдыё: «Умоль одзын».

(Трошева Куд., ПРИ, 1938)

18

Домовйй, домовййис сіа. Миян тятюё, кёр поніс войнаыслё мунны, босьтісё вот тятюёс, мийё ошё учётёсь вёлімё, дак мый, дак сылё морос вылас пуксьылём. Да сіа ся сылё шуёма: «Кудё или добро?» – «Каждому ошё добро!» – шуём. Да, а исся тай локтіс жё армиясяняс да гортын куліс, калекаён локтіс да. Сы одзын сыё и казьмётчис*, пуксьыліс.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

16

Говорят: «Ой, домовый мне это делал...» Перед плохим {давит}, когда скажут, {что и} перед хорошим. Когда засыпаешь, что ли, да просыпаться станешь, не можешь голос подать. Что-то как будто бы снится, и крикнуть как будто бы {не} можешь... Это домовый тебе сделал. Надо у него спросить: «Перед хорошим или перед плохим?» Но это тоже я не знаю. [И он говорит что-то, нет?] Что-то, говорят, шепчет, говорит некоторым. [Где он в доме живет?] В каком-то углу живет, говорят, но не в красном углу да что (да), а возле порога... Там у дверей он живет. [Почему там?] А здесь иконы... [Как понять, что он есть в доме?] В любом, говорят, есть, но некоторые, говорят, его слышат, что он ходит да что (да)... *Чуш-чуш** – так тихонько это делает...

Говорят, давит, подать голос да что (да) не можешь. Видимо, рукой это делают (т. е. его трогают): некоторым голый он попадает, некоторым мохнатый попадает.

{Если} упадет {что-то} нечаянно, все говорят: «Домовой это, домовый убрал, спрятал от меня».

17

Суседко, говорят, давит, я это тоже знаю. Будто бы не сплю, кто-то на мне разлежся. Так сделаешь – и ни рукой, ни ногой не можешь пошевелить. Вот это суседко, говорят, давит. Не перед добром это, говорят. Вот меня не один раз так давил. [Может ли суседко говорить?] А что-то слышала ведь {такое}. Говорят, что спрашивают {его}: «Перед хорошим, нет?» Кому-то говорит: «Перед хорошим», кому-то: «Перед плохим».

18

Домовой, домовый это. Наш отец, когда на войну пошел, взяли вот моего отца, мы еще маленькие были да что, так ему {домовой} на грудь садился. И он (т. е. отец) потом сказал ему: «Худо или добро?» – «Каждому еще добро!» – ответил. Да, а потом {отец} пришел с армии, дома умер, ведь калекой пришел. Перед этим (т. е. перед уходом в армию) и предвещал {домовой}, садился {на него}.

Шуллісö, öтiк морт пö юалöма: «Бур одзын – не бур одзын тэ менö уморочитан*?» «Уморочитöны» шуöны. Дак са пö тай шуом: «Сякöй блядыслö öшö колö бур?» Да эсся пö шогалом öддьон ена, невна-невна пö абу кулом. [А уморочитны – сiя мый лоö?] Но, вермас давитны тэнö, жмитлыны, пиньлалны, лы жуктö мый, вот сiйö шуöны «уморочитöм».

(Юксеево Коч., ПАГ, 1941)

Шуöны, суседко пö ляпкötис. Суседкоыс ме дынö öтпыр воввис. Вот, натътö, ме öтiк мужикыскöt ои, папныскöt. Потом сiя куис, сотчис. Да ме öшö мöдiккöt. Сы куом одзын, натътö, сiя. Ме узя, и киэзöс этадз выö вептассьöма, и пукаа, май, узя. Сiя воктiс и чушыктiс-чушыктiс-чушыктiс, и этчин киэзвам пуксис. Ме кызд горöта! Перво сiя коккез дынötтям вöи, бокötтям сё каис-каис-каис ме бердö и эстi киэзвам пуксис. Васькаыс чеччис и шуö: «Мый, – шуö, – воис?» – «Кинкö, – мыся, – киэзвам пуксис». «Натътö», – шуö. Мыся: «Но!» Сiсся ме бөр енöвтчи, бөр водi. И опять киэзöс бөр тайнö вептiссьöма. Мыйвö вептiссьом киэзöс, ог тöд. Сiя пуксис прямо сiтаннас. Вот тi вежöртатö, сiя сiтаннас пуксис! Кольттез гöнабсь. Вот прямо, и дзирыт. Сiйö тайнö ме этадз керва, сiйö сэтөн сыөн кольттес – мужик. Ме бöра кызд горöта во всю челюсь! Сiя чеччис: «Мый, – шуö, – воис?» «Опять воктiс».

И ме сiсся асывöдз эг и водвы, бисö öзтi и бинас пукаи. Сiя көркö вöи, натътö, туыснас, (в) марте гөгөр ли мылли. И ме сiсся ойенас эг поны высьны узыны, ог высь онмöссьыны, вот сiдз тайнö пондi повны. Сiя вот кыкись пуксьывис ойнас. Мыйкö сiя (в) марте, натътö, ли көркö, в начале апреля ли, сiя керис, а в мае куис, дваццет седьмово мая.

Ачым эг адззыв, но вежöрта, что сiя съод, шуа бы, съод. А вот этадз керва чунненам, сiя вот меым киэзвам и дзирыт, шоньт тайнö. Коö пö юавны: «Бур одзын или умöль одзын?»

(Демина Куд., СТВ, 1948)

Говорили, один человек {было} спросил: «Перед хорошим {или} не перед хорошим ты меня давишь (*уморочитан**)?» «Давить» говорят. Так он {домовой}, говорят, ответил: «Всякой бляди еще хорошее нужно?» И потом {этот человек} очень сильно болел, чуть {было} не умер. [А «давить» (*уморочитны**) – это что значит?] Ну, может так сильно давить тебя, сжимать, гнуть, что кости ломит, вот это называют «давить».

Говорят, суседко, придавил. Суседко ко мне один раз приходил. Вот, наверное, я с первым мужем жила, с их (т. е. своих детей) отцом. Потом он умер, сгорел. Да я еще {потом жила} с другим. Перед его смертью, наверное, это. Я сплю и руки так вверх приподнялись, и сижу, ой, сплю. Он пришел, и дышал, дышал, дышал, и на руки сел. Я как закричу! Сначала он у моих ног был, сбоку все поднимался, поднимался, поднимался около меня и сел на мои руки. Васька (т. е. муж) встал и говорит: «Что, – говорит, – случилось?» – «Кто-то, – говорю, – на мои руки сел». – «Ну, наверное», – говорит. Я ему: «Да!» Потом я снова уснула, снова легла. И опять руки приподнялись. Зачем приподняла руки, не знаю. И он сел прямо попой. Вот вы понимаете, он попой сел! Яички {у него} волосатые. Вот прямо {сел}, и горячо. Я вот так делаю (показывает руками), {чувствую, что} это там у него яички – мужик. Я опять как закричу во всю челюсть! Он (т. е. муж) встал: «Что, – говорит, – случилось?» – «Опять он пришел».

И я потом до утра не ложилась, свет включила и со светом сидела. Это было, наверное, весной, около марта, что ли. И я потом ночами не стала спать, не смею уснуть, стала ведь бояться. Он вот два раза садился ночью. Это в марте, наверное, или когда-то в начале апреля, что ли, он сделал, а в мае {муж} умер, двадцать седьмого мая.

Сама не видела, но понимаю, что он черный, я бы сказала, черный. А вот так делаю пальцами, и горячо рукам, теплый. Надо, говорят, спросить: «Перед хорошим или плохим?»

21

Старухаысвѣн мян юрсиыс совсем ни эз вѣв, кымѣссинис шуч тыдаис юрыс, а бѣрас мао-део* вѣи юрсиыс. Дак сыѣн... сѣя этадз шуас: «Суседкуыс бѣра чистѣ юрсиѣс каттѣма». Асывнас чеччас, сѣя, кыз бы шуны, чикиссесѣ оз жѣ, вроде, чикисеккез учѣтиксѣ вѣисѣ этшѣмсѣ токо, балябѣжжез*, и шуѣ: «Сынавны ог вермы, суседкуыс чистѣ каттѣма бѣра».

(Демина Куд., СТВ, 1948)

22

Каттѣ пѣ сѣя тѣжѣ, суседкоыс пѣ каттѣ... Кѣркѣ мян эстѣн старука вѣи, дак сыѣн юрсиыс не ѣддѣн и кузь ачыс, а сыис каттис да каттис бѣрас, эт кузя бѣрас ѣштѣчис. Сѣя шуѣ: «Оз ков сѣйѣ орѣтны, – бабыс, – сѣк куан, умѣль воас». А сыбѣрын посъледовокас* сѣровно орѣтис, эз понды вермыны ворочайтны сѣя сѣйѣ чикисѣсѣ. Кысѣ сѣя сымда юрсисѣ сывѣ этѣчѣ кѣйис и кѣйис?

(Антонова Куд., ЧАА, 1948)

23

[Вот юрсиез пѣ каттѣ кинкѣ?] А суседкоыс... Кѣркѣ старукаэс этѣ кервисѣ, дак ныѣн вѣбшэ эстѣн вѣввисѣ вон мыйез, кызди быдѣс гарддѣм. Кызди не сынавны не нем оз вермы, сѣйѣ токо шыран. [А туйѣ шырытѣ?] Шырвыисѣ, ме адззывви, шырвыисѣ а. Но мылякѣ, кѣркѣ эд чикиссесѣ кузьѣс новѣыввисѣ, дак ныисѣ нѣя каттѣыввисѣ, суседко балича* пѣ.

(Демина Куд., СЛВ)

24

А домовѣй-суседкосѣ... Одзжык эд вѣввез вѣисѣ народысвѣн, дак картаэзас гѣняйтѣма вѣввезнас, чикиссесѣ кѣйвѣма, ну. [А кызд тѣдисѣ, что сѣя вѣв вылас гѣняйтѣм?] А кызкѣ тай мыйкѣ тѣдисѣ. А сѣя гѣняйтѣ, дак вѣвыс пѣ кызд вот этѣйѣ, вевдѣрас кызд зѣрѣм сыввѣ. Пымаѣ кызд.

(Мелюхино Юсѣв., ТФФ, 1931)

21

У старухи нашей волос совсем уже не было, со лба голова совсем виднелась, а сзади мало-мальски были волосы. Так у нее... она вот так скажет: «Суседко опять все волосы запутал». Утром встанет, как бы сказать, не косы же, вроде, косички маленькие были вот такие только, {как} овечьи хвостики, она и говорит: «Расчесать не могу, суседко все запутал опять».

22

Путает {волосы}, говорят, он тоже, суседко, говорят, путает... Когда-то у нас здесь старуха была, так у нее волосы не очень и длинные сами {были}, а у нее намотал, намотал сзади, вот такой длины сзади свесились. Она говорит: «Не надо их обрезать, – {эта} бабушка, – тогда умрешь, плохо будет». А после все равно обрезала, не стало у нее сил «ворочать» эту косу. Откуда он столько волос ей туда вплел?

23

[Вот волосы, говорят, закручивает кто-то?] А суседко... Когда-то старухам это делали, так у них вообще здесь было вон что, как все замотано. Если расчесать не сможешь, то только сострижешь. [А можно стричь-то?] Стригли, я видела, стригли. Но почему-то, тогда-то ведь косы длинные носили, так у них {домовой волосы} спутывал, *суседко балича** (т. е. коса домового), говорили {о таких волосах}.

24

Домовой-суседко... Раньше ведь лошади были у людей, так в хлеву он катался на лошадях, косы заплетал, да. [А как узнавали, что он на коне катался?] А как-то ведь знали. А он катается, так лошадь, говорят, сверху как будто под дождь попала. Как будто вспотела.

25

[А эз байтö, что карта вылас тожо кинкö эм?] Дак кыз инö? Покровитель. [А кин сiя сэтчин?] Картаись*. [А мый сы йылис байтисö?] Мукöдпыр вöллэз да мый да, видимо, гожумнас жö мошкаыс да мый да сейö, нiа öддьөн беспокойнöйöсь. И вот висьталисö, чтö конюховкаис пö бöра дедыс обижайтö вöллэнэмöс. Колö пö бöра мыйöнкö сiö, значит, ну, угосыть ли мыйли мыйкö...
(Кочево, ТНН, 1946)

26

[А эшö вöввезыслis карта вылас кинкö бурсиэсö каттö?] Юрсисö – суседку сiя. [А сiя домовикыс да суседкоыс – не öтик и сiя жö?] Не пö, не. Суседку сiя бöжжеас тай каттывис и шеяс этчö каттис и. А суседкуыс керкуас тожо пö. Сiя, домовикыс, джоджуын овö, а суседкуыс – керкуын. Öшö сiя печкö мый.
(Плешково Куд., РИГ, 1926)

27

Домовöйсö. Сiйö шуллисö. Понасö петны еси мöдик керкуö, виль керкуö петны, сэк сiйö корöны: «Лок миянкöt öтлаөн тожо, пондö олны». [Сiйö домовöйөн шувлисö?] Но, домовöй, суседка.
(Юкseeво Коч., ПАГ, 1941)

28

Во эстөн Комьяковыс оис, дак сiа поннöм мунны, дак: «Суседку, лок, мунам ся». Вот, кыкөн, а сiа эд оз адззы, вот и нуötöм сьöрас, нуötö.
(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

29

Зояыс сэтөн оö да, пондис Ульяновскö мунны, да старукаыс джоджу ыбöссö осьтis да: «Вок, вок, домовик, пет, пет, эн кольчыс öтнат, мунамö öтваөн, ог коль ме тэнö». Джоджувсис китсаис-петкötis.

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

25

[А не говорили, что в хлеву тоже кто-то есть?] Да, а как же? Покровитель. [А кто это там?] *Картаусь* *. [А что о нем говорили?] Иногда лошади да что (да), видимо, летом мошка да что (да) ведь {их} ест, они очень беспокойные. И вот говорили, что в конюшне опять дед обижает наших лошадей. Нужно опять чем-то его, значит, ну, угостить, что ли...

26

[А еще вот в хлеву лошадям гривы кто-то запутывает?] Волосы – суседко это. [А домовик и суседко – не одно и то же?] Нет, говорят, нет. Суседко, он хвост запутывает и еще на шее {гриву} запутывает. А суседко в доме тоже, говорят {есть}. Он, домовик, в подполье живет, а суседко – в доме. Еще он прядет.

27

Домовой. Это говорили. Станут переходить если в другой дом, в новый дом переходить, тогда его зовут: «Пойдем тоже с нами вместе, начинай {с нами} жить». [Его домовым называли?] Да, домовой, суседко.

28

Вот здесь Хомяков жил, когда он стал переезжать, {сказал}: «Суседко, пойдем, пойдем». Вот, вдвоем, а он ведь не видит {его}, вот и увел с собой.

29

Зоя здесь живет, {она} стала в Ульяновск переезжать, и старуха дверь подполья открыла и {сказала}: «Пошли, пошли, домовик, выходи, выходи, не оставайся один, пошли вместе, не оставлю я тебя». Из подполья позвала, вывела.

30

[Көр вуджан виль керкуё, сійё колё корны сьөрө?] Коё пö сійё корны, ну. [А кыз корёны?] А вот этійё, нянь кётан, одзжык эд квашняэз вёисё, да нянь кётан... кинкё өтік квашня босьтас, а мөдік бёрсяняс... Но, квашня ли сэтён мыйкё вот, можот, миска ли мый. И понан петны ыбёсас и висьтаан: «Но, суседко-батюшко, давай мунамё, петамё виль керкуё». Кыз пö сійё колян, дак сја пö вермас бёба^вны* мый-ненабудь*. [А мый вермас керны?] А вот мый-ненабудь да керас, ну, ну, умольё.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

31

[Чудыс только баняын вермас лоны или эшö кытёнкё?] Пустой керкуэн тай шуйлісё. [А кыз морттэзыс төдöны, что эта керкуын эм чуд?] Пользётчылліс, видимо. Рытнас кин пырас, дак, виднö, мыйкё кылліс, кытшöмкё сигналлэз: брякнитыштас ли мылли, малыштыштас ли. (Сералö.)

(Кочеве, КАА, 1938)

30

[Когда переходишь в новый дом, его нужно позвать?] Нужно, говорят, его позвать, да. [А как зовут?] А вот это, замесишь тесто, раньше ведь квашонка была, и тесто замесишь... кто-то один квашонку возьмет, а другой следом... Ну, квашня ли там, что-то вот, может, миска или что. И станешь выходить в дверь и скажешь: «Ну, суседко-батюшко, давай пойдем, перейдем в новый дом». Как, говорят, {если} его оставишь, так он, говорят, может баловаться. [А что может сделать?] А вот что-нибудь да и сделает, да, плохое.

31

[Чуд только в бане может быть или еще где-то?] В пустых домах, говорили. [Откуда люди знают, что в этом доме есть чуд?] Он пугал, видимо. Вечером кто зайдет, так, видимо, что-то слышал, какие-то сигналы: брякнет, что ли, или {слегка} погладит. (Смеется.)

БАНИЯИСЬ ЧУДДЭЗ

32

Треттьёй жарас оз пö, сэк пö домовййыс этö керö. Дак а ме ветлötлыллi и час ветлöтa, да оз тай некин этö кер. Треттьёй жар, но, посльедньёй парас, посльедньёй парыс ни тай мунан. А домовййыс пö сiа сэтöн ползьötö. [Сэтчин, баняас, тожо домовйй?] Но, домовйй. [А сiа сiа жö, кöда керкуас или мöдик?] А сiа домовик. Керкуас домовик, а сэтчин банщик. [А если локтан треттьёй жарас, сiа мый вермас керны?] А сiа зелёнöй старик пö сэтчинкан. Кинкö, виднö, адззыллöма, а ме ог тöд. Синнэ^{вс} пö ыджытöсь.

(Лягаево Коч., МНГ, 1934)

33

Көркö Филька Васька шуö: «Көркö ме баняас мунi и видзöтa: баня угöвас пукавö старичок, сэтшöм пöрись и пöрись, учöтик, – шуö. – Ме повзи öддьон, и сыбөр сiа кытчö и воис, и öшис».

(Демина Куд., СГА, 1951)

34

Вот сiйö, көр баняас пывсин, баняас пыр пö васö ковö сывö кольны. Сэк пö мыйкö баняас оз кольмöt, не мый не. А если он пö коль, сiа вöгасьö и банясис мунö, и баняыс то кольмötö, то ишö мыйкö, то говняэз кольчöны горас. [Сiа сэтчин баняас öтнас или унаөн нiа?] Сiа öтнас, банник, банникөн и шуöны да. [А кызд сiа вермас асьсö проявить?] Баняас пö мыйкö васö он коль ли мылли – воктан, сiа таззэз ли мылли, көшыс валяйтчöны джоджас. Сiдз висьтавны, что мыля васö эн коль, чтоб миссьыны сывö асвыс. Вот сiдз кывывви а.

(Ошиб Куд., КВЛ, 1963)

35

Баня чудыс, шуöны, тожö эд сякöйсö пö керö. После двенаццати тай шуöны, баняас пö эн мун или ровно двенаццатьсö, чудыс пö öтö керас... Баняас пö тэнö мыйкö присьтейтас*. [Мый сiа лоö?] Но, повзьötас. Татөн сiдз баитöны.

(Демина Куд., СТВ, 1948)

ДУХИ БАНИ

32

В третий жар не {ходят в баню}, тогда домовый это делает. А я ходила и сейчас хожу, и никто ничего {не делает мне}. Третий жар, ну, последний пар, в последний пар-то уже пойдешь. А домовый, говорят, там тогда пугает. [Там, в бане, тоже домовый?] Да, домовый. [А это тот же, что в доме, или другой?] А это домовик. В доме домовик, а там банщик. [А если придешь в третий жар, что он может сделать?] А это зеленый старик, говорят, там... Кто-то, видимо, видел, а я не знаю. Говорят, у него глаза огромные.

33

Когда-то Филька Васька (т. е. Василий Филиппович) рассказывал: «Однажды я в баню пошел и смотрю: в углу бани сидит старичок, такой старый-престарый, маленький, – говорит. – Я испугался очень, и потом он куда-то делся, пропал».

34

Вот это, когда ты в бане попаришься, в бане всегда нужно воды ему (т. е. баннику) оставлять. Тогда в бане, говорят, не {случится так, что} угоришь да что. А если не оставишь, он может рассердиться и уйти из бани, и в бане-то угореть можешь, то еще что-то, то головни в печке остаются. [Он там, в бане, один или их много?] Он один, банник, банником и называют ведь. [А как он может себя проявить?] В бане, говорили, если воду не оставишь, что ли, придешь, тазы, что ли, ковш валяются на полу. Так {он хочет} сказать: «Почему ты воды не оставил?», чтоб помыться самому. Вот такое я слышал.

35

Баннный чуд, говорят, тоже ведь всякое делает. После двенадцати-то, говорят, в баню не ходи или ровно в двенадцать, чуд это делает... В бане тебя что-то пугает (*присьтейтас**). [Что это значит?] Ну, пугает. Здесь так говорят.

36

Вот один рассказывал тоже этö, родственник у меня: «Кольмöтис сiа менö, кольмöтис. Син одзын меам, значит, пемдiс, и угöлсис пегiс учитик, тожо морток... Ачыс гöна быдöс, сюрa, пеля, и синнэыс, – пö, – кыдз токо светяцца...» Но сiа жö кольмис ни, сiа кольмис ачыс. «И понi, – пö, – петны, понi пышшыны сы дынсянь, сiа нем эз висьтал не мынне. Ме понi кошшыны ыбöссö – ыбöссö ог адззы. Дыр, дыр, – пö, – эг, эг вермы адззыны. Сё-таки ыбöссö адззы, осьтi и сэтчö и уси. Коккеö сэтчин меам вöлiсö, а ачым эстөн». Но потом, видимо, очухался ли мылли, дак чеччис и вот гортö локтiс и сiйö висьтасис, сэтшöма адззылöма, быттö. Но ме сэтшöмсö эг адззыл.

(Кочево, ТНН, 1946)

37

После двенадцети, шуöны, оз туй. Вермас пö калян пользöтны. Баянас кинкö калян олö. (Сералö.) [А чуднас сiйö эз шувлö?] Шуллисö, чуд – сiа и эм каляныс, чудыс.

(Кочево, КАА, 1938)

38

Ме тожö чудсö банясис... Меам челядбö веöтчисö Нёльсинас, а ачым кантораын уджаи да ойнас пыр песвасьви. Öтiк ойö мунi, этадз песвася – сiа кок увтам полыс этадз понiс вебны. Вебö и вебö, и вебö, да ме льякötі да пышши. Да сэсся ойнас öтпыр эг ветвы.

(Трошева Куд., ПРИ, 1938)

39

Бабö кытөн оис Конанас, сэтчин вöвви. Вöви старик. Сiа старикыс мунöма, баняас быдөнныс миссьöмась ни, сiа медбöрын мунöма миссьыны. Стариксö иньдöмась: «Мунан?» – пö. «Муна», – пö. Ся абу, абу, абу. Мунасö. Понасö банясис кытсавны – сiа оз пет. Банясö осьтасö – сiа баня горас. Баня горас, дзирытас сэтчин, уголлес кытөн вонтiсьöны. Баня горас пö чуддэс суйыштöмась.

(Демина Куд., СТВ, 1948)

36

Вот один тоже это рассказывал, родственник у меня: «{Банник сделал так, что} я угорел, угорел. Перед глазами у меня, значит, потемнело, и из угла вышел маленький, тоже как человек... Сам мохнатый полностью, рогатый, ушастый, и глаза, – говорит, – только светятся...» Но он (т. е. родственник) уже угорел ведь, он угорел. {И продолжает}: «И стал я выходить, стал убегать от него, он ничего и не сказал. Я стал искать дверь – дверь не нахожу. Долго, долго не мог найти. Все-таки дверь нашел, открыл и там и упал. Ноги там (т. е. в бане) у меня были, а сам здесь». Но потом, видимо, очухался, что ли, встал и вот домой пришел, и рассказал, что будто бы видел. Но я такое не видела.

37

Говорят, после двенадцати нельзя {мыться в бане}. Может, мол, калян напугать. В бане какой-то калян живет. (Смеется.) [А «чуд» его не называли?] Называли, чуд – это и есть калян, чуд.

38

Я тоже о банном чуде {знаю}... У меня дети в Нельсиновой учились, а я сама в конторе работала и ночью всегда стирала. В одну ночь пошла, вот так стираю – под ногами пол вот так стал подниматься. Поднимается, поднимается, поднимается, так я {все} бросила и убежала. И после этого ночью ни разу не ходила.

39

Когда моя бабушка жила в Конановой, там произошел {случай}. Жил старик. Этот старик пошел, в бане все уже помылись, он последним пошел мыться. Старика отправили: «Пойдешь?» – спрашивают. «Пойду», – отвечает. Потом нет, нет, нет {его}. Пошли. Стали звать из бани – он не выходит. Баню открыли – он в банной печке. В банной печке, в горячей, там, где угли. В банную печку, говорили, чуды засунули.

40

[А баняас эзö ваясьлö?] Баняат бессэыс да, сэтчин эзö. [А кытшöм сэтчин бессэз?] Сюра бессэз, баняас эд черти олöны. [А мый нia вермасö керны?] Джагöтны. Миян тай, но, тятюлöн сойеэ³с: банясис вöлi полок ултсис кинкö петöма, петны пондöм, пöллэсö лэбтöм, да нia öтпöлөсөн* гортö пышшöмась.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

41

Баняыс повзöтчыввöма. <...> Сэтчин опеть баня-бабушкаэз вöйсö. [Нia киннэз сэтшöммес?] А нia неморттэз, неморттэз нia. Шуввисö тай лешöез да мый да, сё шуввисö, но. [А этна баня-бабушкаэзыс мый вермасö керны?] А нia умöльö керöны. Нia даже мортсö, есьли кинöс незалюбят, дак джагöтöны, вийöны. Вот миян öтик старик вöи эстөн деревняын, но, пöрись ни сia вöи, мунöма баняас миссьынытö öтнас. Виднö, сёрөн ни мунис. Абу и абу, и абу. Иныс кыз мунас, старукаыс, ыбöссö осытас – сia пö баня горас суйыштöмась кык кусиньон.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

42

Сэтчин опеть баня-бабушкаэз вöйсö. <...> Дак öтик мортсö повзöтвывöмась нia. Баня дынöттяс пö мужыкыс мунö, но, мужык ли, сia зонка, натьтö, моодяшка... Сia баняас öддьöн и сыйöны, йöктöны прямо, сыйöны. Сia баня ыбöссö осытас – нывкаэз пукааны, нывкаэз. Сia öтикöс кутыштас, пельпонöттяс ли мылли. Сia пö коксö нюжöтöм, сыйон кокыс мöсöй, мöсвөн, ну. (Сералö.) И сia тожно бөр ыбöсас этö керöма, дак сыись... Öдзжык шабуррез* новйисö клиньяöсь, клиннэсö пöднаöмась. Дак сia шабурсö баня ыбöсас и кольöм сэтчö, баня ыбöс коасас. Ашыннас вöктöмась, сia пö быдöс летöмась сийö шабурсö. <...>

[Висьтасьлисö, если учöt кагаös колян баняас, что сийö вермасö сэтчин вежны?] Баня-бабушкаэз сийö пö вежöны*.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

40

[А в бане не рожали?] В бане бесы, и там не {рожали}. [А какие там бесы?] Рогатые бесы, в бане ведь черти живут. [А что они могут сделать?] Задушить. У нас, ну, сестры моего отца {говорили, что} в бане из-под полки кто-то вышел, выходить стал, доски поднял, и они голышом домой убежали.

41

В бане пугало. <...> Там опять банные бабушки были. [Они кто такие?] А это нелюди, нелюди они. Говорили вот лешие да что, говорили, да. [А эти банные бабушки что могут сделать?] А они плохое делают. Они даже человека, если кого-то невзлюбят, так душат, убивают. Вот у нас один старик был здесь в деревне, ну, старый он уже был, пошел в баню мыться-то один. Видимо, поздно {вечером} уже пошел. Нет, и нет, и нет {его}. Его жена пошла, старуха, дверь открыла – его, говорят, в банную печь сунули, согнув пополам.

42

Там опять банные бабушки были. <...> Так одного человека пугали они. Возле бани, говорили, мужик идет, ну, мужик ли, парень ли, наверное, {раз} молодой... В этой бане очень {сильно} поют и пляшут прямо, поют. Он дверь бани открыл – девушки сидят, девушки. Он одну приобнял, видимо, за плечо, что ли. Она ногу вытянула, у нее нога коровья, коровья, да. (Смеется.) И он потом обратно в дверь {бросился}, так у него... Раньше шабуры носили с клиньями, клинья зажало {в двери}. Так он шабур в банной двери тут и оставил, между банной дверью. На следующий день пришли – весь этот шабур {банные бабушки} разорвали. <...>

[Рассказывали, что маленького ребенка, если оставить в бане, его там могут подменить.] Банные бабушки, говорят, меняют.

ВЕЖӨМ КАГАЭЗ

43

Кольнытö оз ков кагаоккесö баняс. Мыйкö тай сё шуöны: вежöны пö да. Вежнытö* пö и даже и керкуын вермöны. А вот домовöйыс, вермас сiа керны, потому чтö кагаыс, кöр чужас, колö сэк жö сы дынö пуктыны енок или перна. И чтöбы вöлi нянь краёк. И сiйö нянь краёксö вежлалны колö. Сiа пö эд, домовöйыс, локтö, в первую очередь пö нянь краёксö сёйö и довольнöй кольччö. Нем кö абу, да мунiн, колин, вермас вежны кагатö. Мыйкö кагаыс ненормальнöй лоö, быдмö. Мамöлөн сой... сылөн вöлi. Сся кагаыслөн приступпез лоисö припадöккезөн. Сiдз сiа и олiс годов четырнацетьöдз. Ветлөтны эз пö вермы, сiтан вылас кыскасис мый. Да эсся тай сирөтскöй домö нуöтiсö, да сэтчинка куöма.

[А эз байтö, что сiйö вежöмсö кыздкö туйö бöр корны?] А мыйкö тай шуллiсö, быгьтö пö колö сiйö масьтыны öрйын. А тёткаö шуö: «Ме и öрьяс сiйö пуктылi, масьтi, да эз пö пройдет». Сэтчö эд тожо молитваэз колöны. Песласян öррес эд кöркö деревьяннöйöсь вöлiсö. И сiа сэтчöкан пö... «Ме сiйö, кагасö, водтöтi да öрсö мыйкö, сы вылö кыминьтi». И вот колö пö молитваэз да колö шуллыны мый, öтiк пö мунö керкусö кругөн, öтiк морт да и шуö: «Мый масьтан?» – «Кага масьта». – «Мый масьтан?» – «Кага масьта», – ме пö шулла. А сё ровно эз пройдет. [А сiйö кынымись колö висьталны: «мый масьтансö»?] Куимись пö колö. Куим круг колö керкусö муннытö и.

(Юкseeво Коч., ПАГ, 1941)

44

Висьталiсö, что вот после двенадцети мунан да öтнат, то вермас сiа тэнö вежны. [И мый лоас сэк?] То ли шогалны понан, то ли мылкыдсит öшан.

И öтнат эн миссы сэтчин и кагасö некытчö тэ сiö эн коль. [А кызд тöдiсö, что эта кагаыс вежöм?] Ой! Ме сiö ог тöд. Вежöм, если вот öтö... тожо беспокоицца, кагаыс горзö да мый да да, что вежисö вот сiö. Тожно брызгайтлiсö да мый да баббез дын. Брызгайтлiсö шома ваөн*.

(Кочево, ТНН, 1946)

ПОДМЕНЕННЫЕ ДЕТИ

43

Оставлять-то не надо детишек в бане, {потому что} всё говорят, что подменяют. Подменить, говорят, даже в доме могут. И домовой может сделать, поэтому, когда ребенок родится, нужно тут же ему положить иконку или крестик. И чтоб была краюха хлеба. И эту краюху хлеба нужно менять. Он, говорят, домовой, подходит, в первую очередь краюху хлеба съедает и остается довольным. Если ничего нет и ты ушла, оставила {его}, {домовой} может подменить твоего ребенка. Каким-то ребенок становится ненормальным, {плохо} растет. У сестры моей мамы... такое было. Потом у ребенка приступы стали с припадками. Так он жил до четырнадцати лет. Ходить не мог, на попе «ездил». Потом отдали в детский дом, и там {он} умер.

[А не говорили, что подмененного как-то обратно можно попросить?] Рассказывали, будто бы надо его порубить под корытом. Тетка говорила: «Я и в корыто его клала, рубила, но не прошло». Там ведь тоже молитвы нужны. Корыта для стирки раньше ведь деревянные были. И еще при этом говорят... «Я этого ребенка положила и корыто на него опрокинула». Вот нужно, говорят, молитвы произносить. Один обходит дом кругом, один человек, и спрашивает: «Что рубишь?» – «Ребенка рублю». – «Что рубишь?» – «Ребенка рублю», – она (т. е. тетка) говорила. А все равно не прошло. [А сколько раз нужно это сказать: «что рубишь»?] Три раза, говорят, надо. И три круга нужно вокруг дома обойти.

44

Рассказывали, что вот {если} после двенадцати пойдешь {в баню} и один, то он может тебя подменить. [И что будет тогда?] То ли болеть будешь, то ли ум потеряешь.

И одна не мойся там, и ребенка нигде не оставляй. [А как узнавали, что этот ребенок подмененный?] Ой! Я это не знаю. Подмененный, если вот это... тоже беспокоится, ребенок плачет да что (да), {тогда говорят}, что подменили его. Потом брызгали да что (да) у бабушек. Брызгали водой с угольками.

МӨДІК ЧУДДЭЗ

45

[Гунаэз вөлісө. Эз байтө, что сэтчин кинёнкө эм?] Гуменникыс, кызд жө! [Гуменник?] Гуменник, но. [Кин сія сэтшөмыс?] Тожо покровитель, гумна, наверно.

(Кочево, ТНН, 1946)

46

Ой! Гунна дооньвас* пö страшно кывзисьны*! Сэтчö пö кучик пуктасö да кучиквö öнджа керöны. И сійö пö вадöрдз вермö кыскыны. Öддьон сэтöн, гуннаэзас, страшно кывзисьвыны вöма. [А кин сійö сэтчин гуна вылас кыскö?] А мыйнö, оз ведзö синнэз осьтны, кучаас керасö öнджасö да. Народсö кыскö пö. [Кин кыскö?] Ыджыттэыс. [Киннэз нія?] Дяввеыс. Ну. Вот сія пö гунна дооньвас кывзисьны... [А нія, дяввезыс, олöны кытöн: гуна вылас или ваас?] Гуннаввас, натътö. [То есть, если нія синнэзнысö осьтасö: быдöннысö кыскö вадöрас?] Но, осьтасö, так исся озö, натътö, эд нія кругсö керöны гормыччанöн. А ныöн эд сьöраныс ен. Кытi пырасö, нія эд пырöны, кругсö керасö да, öтiк сьледвöт.

(Конанова Куд., КСК, 1930)

47

Гуна дооннезвас эд одзжык... Дак көркö öтiккез пуксьöмась мöс кучиквö кывзисьнытö, а синнэзнысö эд куньöны, вот этö керöны. Дак кызд сіа?! Öтiк кинкö ештöма синнэсö осьтны. Öвин увтас пö кыскöны, мöс кучикнас. [А сійö киннэз кыскöны?] Чертиыс. Чертёноккес.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

48

Мийö, ми тöкö сплав вылын вöлімö, и сэтчин миян вöлі кызд мельнича жö, ыджыт. И вот сэтöн мельничаас шуч шуисö: суседко пö мельничаас сэтöн эм. Вот мийö кинöскö бы адззылімö, чочкөм чышьяна, чочкөм, и шуисö: «Тi суседка адззылітö». А сэсся эг и адззылö. Вот сэтöн, мельничаас, шуисö, эм пö суседко.

(Демина Коч., МНФ, 1931)

ДУХИ ПРОЧИХ ПОСТРОЕК

45

[Гумна были. Не говорили, что там кто-то есть?] Гуменник, как же! [Гуменник?] Гуменник, да. [Кто это такой?] Тоже покровитель, наверное, гумна.

46

Ой! Около молотильного тока страшно «слушаться»! Туда, говорили, шкуру положат и на нее {сядут}. И ее до реки может стащить. Очень там, у молотильного тока, страшно «слушаться» было. [А кто там на гумне тащит?] Ведь не разрешают глаза открывать, когда в круг {сядут}. Людей тащит, говорили. [А кто тащит?] «Большие». [Кто они?] Дьяволы. Да. Вот на молотильном току «слушались»... [А эти дьяволы где живут: на гумне или в реке?] На гумне, наверное. [То есть, если они (т. е. гадающие) глаза откроют, всех кто-то утащит в воду?] Да, откроют, так потом {не тащит}, наверное, ведь они круг делают (т. е. «очерчиваются») клюкой. И у них с собой ведь икона. Через которое {место} зайдут, когда круг сделают, они ведь заходят по одному следу.

47

На молотильном току ведь раньше {гадали}. Так когда-то одни сели на коровью шкуру «слушаться», гадать, а глаза ведь закрывают, когда гадают. Так как они {успели}?! Один кто-то успел глаза открыть. Под овин, говорят, тащат на коровьей шкуре. [А это кто тащит?] Черти. Чертики.

48

Мы только на сплаве были, и там у нас мельница была большая. И вот на мельнице всегда говорили, суседко на мельнице есть. Вот мы кого-то {как будто} бы видели в белом платке, в белом, и {нам} сказали: «Вы суседку видели». А потом больше не видели. Вот там, на мельнице, говорили, есть суседко.

[А суседконас озö разь шуö?] Суседкоон шуоны а, мукöдыс тай сідз, суседко, шуоны. [А сія кытшöм?] Кытшöмкö, шуоны тай, этшöм учöлик ачыс, но сякö-разнöя сія петö: то чочком, то съöd, коккез чочкомöсь. А эстөн, вон, садикас, Б. К-ыс сторожаис, да ойнас петаöма: «Кытшöмкö съöd, – шуö, – воктö, чочком коккеон дынам. Повзьи, а ся вашöтi». [Мый висьяöма?] «Пет, – пö, – мун!» Но, матьяöм да мый да. (Сералö.)

(Ошиб Куд., КВЛ, 1963)

Техничкээс висьясьвыисö, что повзьöтчыöм Гöрд Тош, Верх-Иньваас вöввöма. Мийö первöй классын веöтчимö, а сія сотчис, вторöй классас мийö веöтчим школаас. Под Новый год как раз. И сія адззыввöмась этна Гöрд Тошсö. Котрасьвöма коридорреöтгяс. Сія двухэтажнöй школаыс вöи, П-образнöй. До пожара сія вöи, а потом школаыс сотчис. Одзжык жö вонтвисö, школаысвөн печкээс вöисö этөн, песөн вонтвисö. Ну, эта Гöрд Тошыс йывись сія сійö... Перед этим сійö несколько лет. Учöтик пö, гöрд тоша, старик, виднö, ли мылли, кин ли сія. Гöрд Тошөн тай пыр шуввисö техничкээс: «Опять, – шуö, – котрасис Гöрд Тошыс».

(Кудымкар, ХМА, 1949)

[А суседко разве не называют?] Суседко называют, некоторые ведь так, суседко, и называют. [А он какой?] Какой-то, говорят, такой маленький сам, но всяко-разно он выходит: то белый, то черный, ноги белые. А здесь вон, в садике, Б. К. сторожил, и ночью выходил {к нему кто-то}: «Какой-то черный, – говорит, – идет ко мне с белыми ногами. {Сначала} испугался, а потом прогнал». [Что сказал?] «Уходи, – говорит, – отсюда!» Ну, обматерил да что (да). (Смеется.)

Технички рассказывали, что пугал Гёрд Тош (т. е. Рыжая Борода), в Верх-Иньве {это} было. Мы в первом классе учились, а она сгорела, {когда} мы в школе учились во втором классе. Как раз под Новый год {она сгорела}. И видели {технички} его, Рыжую Бороду... Бегал по коридорам. Эта школа была двухэтажная, П-образная. До пожара это было, а потом школа сгорела. Раньше же топили, у школы печки были, дровами топили. Ну, это Рыжая Борода... Перед этим {пожаром} за несколько лет. Маленький, говорили, с рыжей бородой, старик, видимо, что ли, кто ли он. Рыжей Бородой ведь всегда называли технички: «Опять, – говорят, – бегал Рыжая Борода».

ЫБ ВЫЛПСЬ ЧУДДЭЗ

51

[Эз баитö, что көр сюис цветитö, оз туй сэтчин ветлötны, оз туй шумитны?] **Оз** пö туй, оз, оз. [Мыля?] **Сia** пö нöбötтö, сьветсö пö нöбötтö. Сьветсö пö нöбötтö **ыджытыс...** Лешакыс. Сьветсö **cia** нöбötтö, **сюус** тожно оз шогмы. **Сia** пö **гожуммезнас**, вот **кöда** рудзöгыс да **мый** да, көр светитö, дак **cia** сы коасöt ветвötтö. **Сia** даже пö **ыббезвас** повзöтчыввöма. <...> Вермас **cia** мый пöрötны сыввö, вермас **сюсö** водtötны быдöс, ну, кöзяинысвись. <...>

Мыйкö тай вуншöрикасö баитвисö, дак **cia** женщина. **Сia** вуншöрикаыс пö **cia** опетö дозирайтö* **сюсö**. <...> А **cia** пö мортыс бур, потому что **cia** **сюсö** кранитö.

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

ДУХИ ПОЛЯ

51

[Не говорили, что, когда хлеб цветет, нельзя там ходить, нельзя шуметь?] Говорят, нельзя, нельзя. [Почему?] Рассказывали, что он уносит, цвет уносит. Цвет уносит «большой»... Лешак. Цвет он уносит, зерно тогда не родится. Он летом, вот когда рожь да что (да), когда цветет, так он в это время ходит. Он даже на полях пугал. <...> Может он что-то повалить на нее (т. е. на зерно), может все зерно положить, ну, у хозяина. <...>

Что-то ведь о полуднице говорили, что она женщина. Эта полудница, говорят, присматривает за зерном. <...> А она, говорят, хороший человек, потому что она зерно охраняет.

ВӨРИСЬ ЧУДДЭЭ

52

Ыджыт, вөрись, и сiа вөрын оо, ну. Сiа пö народсö өддөн повзётвыёма жö. А вот миян дедö висьтасис этйö... Мийö öнi шуамö гектаррез ыббес, а одзжык эд асваныс кажнöйвөн вöи, дак дедö миян асвас пашняөн шуö: «Пашня меам вöи». Сiа мунöма сэтчин видзöтны кöдзöмсö, сюсö. «Ме, – шуö, – бергöтчи, вокта гортö. Одзам морт. Ыджыт. Сiа дзик бы котöртö, котöртö. Ме шуа: “Сто-о-ой! Стой! Стой!” Ме öддөн-öддөн котөрта, сiа ышö öддөнжык одзам котөртö. Токо вопата, – вопата киас, – вопатавас токо этадз нырышшас да чеччöвтöмөн-чеччöвтöмөн. Ме Воскреснöй молитва пондi читайтны – и öшöм». Сiа вөрисьсыс, ну.

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

53

Лешакыс пö вöрас, вöрдядь, ну... Көркö мамö миян покосвас. «Ме, – шуö, – мышкырөн мыйкö кера, – ягöд ли мылли öктöм, – юрöс вебтi, сiа ыджы-ы-ыт мужик бокöттим мунiс кöззес вевдөрөдззис. Ме повзи да повзи».

(Трошева Куд., ПРИ, 1938)

54

Женскöй тай тожо мыччасьвö жö. Каттисяс пö шальён да, ну, мыччасьвö пö. Мейым даки эз а. [А сiйö кыз шуöны?] А лешачика ли мылли. Ог төд. (Сералö.) Миян пермаас, уджаи эстөн мöссез дын, да öтiкыс стороне вöи двoryс, а сэтөн уджаис вот эстiсь Калининасис Паранька нима. Тожо поживая ни вöи. «Пырыштi, – шуö, – кая, воктi да, сiа шальён каттисьöм, пукавö, – пö, – картаввас. По-о-овзи да бö-ö-өр, – шуö, – токо сторожо^вкаас, керкуас ышки-пойки*». – «Парань, мый воис?» – «Пукавö öнджаыс, каттисьöм да, картаввас. Да ме повзи да бөр котөртi». Бöрын каим артильöн* – да некин некытөн тай абу.

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

ДУХИ ЛЕСА

52

«Большой», леший, и он в лесу живет, да. Он, говорят, народ сильно пугал. А вот наш дед рассказывал это... Мы теперь измеряем гектарами поля, а раньше ведь свои {поля} у каждого были, так дед наш своей пашней называл: «Пашня моя была». Он пошел туда посмотреть засеянное зерном {поле}. «Я, – говорит, – повернулся, возвращаюсь домой. Передо мной человек. Высокий. Как будто бы он бежит. Я кричу: “Сто-о-ой! Стой! Стой!” Я очень-очень {быстро} бегу, он еще быстрее передо мной бежит. Только на лопату, – лопата у него в руках, – на лопату только вот так обопрется и вприпрыжку, вприпрыжку. Я Воскресную молитву стал читать – и он исчез». Это лесной, да.

53

Лешак, говорят, в лесу, лесной дядя, да... Когда-то наша мама {была} на покосе. «Я, – говорит, – наклонившись, что-то делаю, ягоды, что ли, собирала, голову подняла – большо-о-ой мужик сбоку {от меня} прошел выше елей. Я испугалась сильно».

54

Женщина тоже показывается. Закутается, говорят, в шаль и, ну, показывается, говорят. Мне так и не {показывалась}. [А ее как называют?] А лешачиха, что ли. Не знаю. (Смеется.) У нас на ферме, я работала здесь с коровами, и один двор в стороне был, а там работала вот отсюда, из Калинино, {женщина} по имени Паранька. Тоже пожилая уже была. «Зашла {во двор}, – говорит, – когда пришла, а она (т. е. лешачиха) в шаль закуталась, сидит в хлеву. Я испуга-а-алась и обратно, – говорит, – в сторожку, в дом, запыхавшись, {забежала}». – «Параня, что случилось?» – «Сидит эта самая и закуталась, в хлеву. И я испугалась и назад побежала». Потом пришли артелью – и никого нигде ведь не было.

Миянлөн соседка олө. Сылөн мужикыс мунас вөрө. Но, и: «Мый, – пө, – меым лоис, ме ачым ог төд. Одзам лоис дядька, сэтшөм ыджыт! Менө шеяөттям кутіс да төкө торс* сэтөн лэптас, да султөтас му бердас, бөра лэптас да өшшө лэптас, да ся ишө: “Мый, – пө, – тэ меам вөрөт и ветлөтан?” Ме мыйкө лоси да өши пө сэтчөдзка! Или, – пө, – ме онмөссьылі, или мый. Синнэөс тай осьті – ме перекрёстоклын сулала». Но и шуө: «Мун гортат! Но дырсө эн ветлөт». Через гөд кулөм. [А сия кин сэтшөмыс вөлі?] А вот шуөны тай лешөйөн. Светавласей-батушкоыс.

Исся мөдік мужик. Бөра пантасьөма мужикыслө вот. Да сылө: «Кыкись сыпинаам сідз, – пө, – эд нопкис». Төжо нем дырна эз и ол – куліс.

Исся бөра старукалө. Тшакьялны мунөма. «Ыджыт полеыс, – пө, – ох-хо-хо, мый ыжда. «И меным сіа паныт лөктіс и лөктіс, и лөктіс». [А кин лөктіс?] Светавласейыс. [А сия кызд вежөртіс, что этө сіа?] А сіа ен төдісь вөлі старукаыс. «Лөктіс, – пө, – тшакөс босьтіс көрзинасим. Этадз пөрөтіс. Менө шеяам кутіс да: “Мун, – пө, – гортат”». Вот, и төжо мыйкө эз дырсө ол – куліс.

(Юкseeво Коч., ПАГ, 1941)

[А вот шуөны, вөрас кинкө олө пө?] Төжө оө пө, пантасьвө вот, токо не каждөйысвө. Умөль одзын да мый да пантасьө пө кинкө, ыджытыс да мый да. А миянвө оз пантасьвы, оз ков төжо.

Өні төжө оз сійө керө, а көркө подаыс ли мөртыс өшас, мунасө вөрас пө одз асывнас, босьтасө нянь да этө, сэтшөмө эшө мыйкө, и мырвө пуктасө. А пуввас мыйкө гижөны пө кытшөмкө, чтобы бөр сійө сеті лешөйыс. Мыйөн жөн? Мыйөнкө гижвөмась сэтшөмөн. [Букваэс сэтшөмөсь жө?] Букваэс сэтшөмөсь жө, саён көда пө гижвөмась, а көда – пурт йывөн. [И отсавлөм сіа?] Отсаввөм, подаыс бөр пө бөртвыөмась.

(Антонова Куд., ЧАА, 1948)

У нас соседка живет. Ее муж пошел в лес. Ну, и {говорит}: «Что со мной случилось, я сам не знаю. Передо мной появился дядька, такой большой! Меня за шею схватил, и только поднимет и поставит на землю, опять поднимет, и опять поднимет, и потом еще {сказал}: “Что ты по моему лесу ходишь?” Я – что-то со мной сделалось – до того растерялся! Или я задремал, или что. Глаза-то открыл – я на перекрестке стою». Ну, и {леший} сказал мне: «Иди домой! Но долго не ходи». Через год он (т. е. муж соседки) умер. [А это кто такой был?] А вот лешим-то и называют. Световласий-батушко.

Потом другой мужик. Опять встретился {леший} мужику вот. {Этот мужик рассказывал}: «Дважды по моей спине ведь ударил». Тоже нисколечко он не прожил – умер.

Потом опять старуха. Она по грибы пошла. «Большое поле, – говорит, – ох-хо-хо, какое большое поле. И он мне навстречу идет, идет, идет». [А кто шел?] Световласий. [А как она поняла, что это он?] А она, старуха, «знающая богов» была. «Пришел, – говорит, – мои грибы взял из корзины. Вот так опрокинул. Меня за шею схватил и {сказал}: “Иди домой”». Вот тоже что-то она долго не прожила – умерла.

[Говорят, в лесу тоже кто-то живет?] Тоже живет, говорят, встречается только не каждому. Перед плохим да что (да) встречается кто-то, «большой» да что (да). А нам не встречался, не надо.

Теперь этого не делают, а когда-то скот или человек пропадет, пойдут в лес, говорят, рано утром, возьмут хлеб да что-то такое и на пень положат. Рассказывали, что на дереве что-то пишут, чтобы обратно его (т. е. скота или человека) отдал леший. Чем же {писали}? Чем-то писали таким. [Буквы такие же?] Буквы такие же, сажей, говорят, некоторые писали, а некоторые – острием ножа. [И помогало это?] Помогало, скот обратно, говорят, возвращался.

Вот **өтiк** **инька** дын **сiа** **воввыома**, дак **инькаыс** **куома** **ачыс** **чожа**. **Шуоны** тай: вот **сыкөт** **пө**, **бытьтө**, **оввөмась** **инькаэс**, ну. Вот, **шуоны**, **лешакыскөт** **сiа** **оома**. Вот **сiа** **женскөйыс** **недыр** **оо**, **куө** **одз**.

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

Кинвө тай **мыччасяс** **пө** да **ыджы-ы-ыт**, **морт**. **Морт**. **Ыджыт**. **Синвыссэс** **абу**. (**Сералө**.) **Сө** тай, **кин** **адззыас** да **висьтасьоны**: **пантасьвисө**, а **синвыссэс** **пө** **абуөс**.

Туйсө **өштөтө**. **Көркө** **меам** **зонө** **РТСас** **оисө**, да **Верк-Иньваас** **кайвас**, **эстис** **сусед** **оө** **Верк-Иньваас** да. **Сывөн** **пө** **нимвун** **вөөм**. **Сывөн** **ойшөрнас** **эз** **ков** **петны** **двенацеть** **часовсө**. **Код** **вөөм** **өддьөн**. «**Ме**, – **шуө**, – **пондi** **РТСас** **мунны**. – **А** **сэтөн** **могульникыс** **миян-то** **рядом**, **РТСыс** **та** **вадöрын**. – **Мунi**, **мунi** – **морт** **ки**». **Сiа** **могульниксө** **кругом** **гöграам** да **гöграам**, да **гöграам**. **Туйсө** **оз** **адззы**. **Туйсө** **гусяөм** **сывись**, **мыля** **ойшөрнас** **мунис-петис**, не **ваасвесьөн***. «**Муна-муна**, **ки** **нюжаам**, **кутышта** – **крес**, а **видзöта**, – **пө**, – **ки**». Вот **сiа** **омөн** **сiйө** **новйөтөм** **вöи** **сэк**, дак **гортас** **пырөм-воктөм** **сыбöрын**, **лягуша** **жө** **кыз** **ва**. **Сывөн** **дружок**, **сывөн** **кувис** да: «**Инми**, **инми** **эд**, – **шуө**, – **видно** **сыө**, **сiа** **могива** **дынө** **ли** **мылли**? **Токо** **пондi** **шуны**: “Вот **давай** **меным** **туйсө** **сет**, **ме** **тэйыт** **ашын** **босьта** **буты**“**ка** и **вокта**, **тэнө** **касьтыва**”, **онвись** **кыз** **сайми**. **Вөлись** **траквас** **петi** да **котöртөмөн** **гортө** **воктi**». Вот **сiа** **сiйө** **новйөтөм** **кыз** **вöи**.

(Важ-Жукова Күд., СФФ, 1935)

Көр **пө** **сiйө** **лешакнас** **шуоны**, дак **сiа** **сiйө** **любитө** **өддьөн**. **Сiа** **пө** **сэк** **чож** **өддьөн**. (**Сералө**.) Вот **шуоны**: «**Лешак**, **лешак**». **Көр** **лешаксө** **касьтасө**, дак **сiа** **пө** **шуө**: «**Менө** **лешакнас** **шуоны**, дак **ме**, – **пө**, – не **өтiк** **гоз** **нинкөммесө** **бырöта** **сы** **коста**, **йöкта**» (**Сералө**.)

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

57

Вот к одной женщине он (т. е. леший) приходил, так женщина умерла вскоре. Говорят, что женщины будто бы жили с ним, да. Вот, говорят, что она с лешим жила. Вот такая женщина недолго живет, умирает рано.

58

Кому-то показывается, говорят, большо-о-ой человек. Человек. Большой. Ресниц {у него} нет. (Смеется.) Кто видел, все рассказывали: встречались {с ним}, а ресниц нет.

Дорогу крадет. Когда-то мой сын в РТСе жил и в Верх-Инью пошел, {потому что} наш {бывший} сосед живет {теперь} в Верх-Иньюе. У него (т. е. соседа), мол, был день рождения. Ему (т. е. сыну) посреди ночи не нужно было выходить в двенадцать часов. Пьяный был очень. «Я, – рассказывает, – в РТС пошел. – А тут кладбище-то у нас-то рядом, а с этой стороны РТС. – Шел, шел – человеческая рука». Он кладбище кругом обошел, и еще обошел, и еще раз – дорогу не видит. Дорогу украл у него {леший}, потому что посреди ночи пошел, не благословясь. «Иду, иду, {чья-то} рука тянется, схвачу – крест, а смотрю – рука». Вот он (т. е. леший) кругом его водил тогда, так домой он (т. е. сын) пришел потом, как лягуша, мокрый. У него друг умер, {и сын рассказывает}: «Попал, попал ведь, – говорит, – видимо, к нему, к этой могиле, что ли? Только я произнес: “Вот мне дорогу дай, я тебе завтра куплю бутылку и приду, тебя помяну”, как ото сна проснулся. Только после этого на тракт вышел и бегом домой пришел». Вот он как его водил.

59

Когда, говорят, его называют лешак, так он это очень любит. Он тогда быстрый очень {становится}. (Смеется.) Вот говорят: «Лешак, лешак». Когда лешего упомянут, так он и говорит: «Меня лешаком называют, так я, – говорит, – не одну пару лаптей изношу в это время, пляшу». (Смеется.)

60

Мукӧдыс тай видвисӧ жӧ: «А, лешакпиян тэ!» А вот сідз-ту лешакпияннас пӧ челядсьӧ оз ков шуны. [А мый лоас, если шуан?] Сіа пӧ вермас нуӧтны. Вот эстӧн Чубаровчыин, мӧдӧрас этійӧ деревняыс, сэтись ӧтік кага вӧи нуӧтӧмась, нывкаокӧс, кӧз увтӧ пуксьӧтӧмась. Мамыс токо видӧма. А видас, мунас уджавны, воктас гортас – кагаыс абу. Кошшасӧ, кошшасӧ, тожно ашынас адззӧмась. Сіа пӧ кӧз увтын пукаӧ. «Менӧ, – пӧ, – старик нуӧтіс». А ӧрсӧ пӧ сіа, ӧрсӧ, пиня туввез*, но, одзжык пиняэз вӧисӧ пуоӧйӧсь, не кӧртоӧйӧсь, дак сіа пӧ сэтшӧмнас ӧрсӧ. «Тэ кага, мыля нӧ этӧн ӧрсан?» – «Эна, – пӧ, – меам кукваэз». Ну, сіа вот думайтӧ, что этійӧ... Дак нывкаыт сіа дыр эз жӧ ов. Кӧдӧ этӧ керас, дак сіа дыр-ту оз жӧ ов.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

61

А вот кӧркӧ пӧ ӧтік женщина тожо кагасӧ этӧ керӧма. Мунӧмась вундыны, зонкаоксӧ съӧрас нуӧтӧм. И мыйкӧ зонкаокыс, виднӧ эдӧ, горзыны ли мылли поніс. Сіа пӧ шуӧ: «Да чомору тэнӧ!» И зонкатӧ нуӧтӧма эд! А потом инькаыт сійӧ адззӧма жӧ, да кагаыс пӧ быдӧс, коккесӧ мый чистӧ, ветвӧтіс да, бытшкаӧм да мый да чисто. [А кин сіа чоморыс?] А чоморыс сіа кыздз вот, видно, лешакысвань жӧ.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

62

[А ӧтӧрас тожо эмӧсь бессэзыс?] Но ӧтӧрас кин? Вӧрисыыс олӧ-ветлӧтӧ, сіа эд ӧтӧрын. [Кӧркӧ пӧ ния уна вӧвлӧмась?] Но, сӧін ӧшыннэсӧ и керлӧмась, ӧбӧссэз ӧшыннэас вӧллӧм, ме сӧӧ ог помнит ни сэтшӧмсӧ. <...> Рытыс локтӧ, шондіыс пуксьӧ, нӧа стукӧтӧны ӧшыннэӧ. <...> Нӧа сэк эз полӧ, потому что механизацияыс эз вӧл. А ӧні видзӧт, кытшӧм механизация! Сіа эд механизациясис полӧ. [А почему они стучали в окна?] А мый стучат? Сейӧны бы! Сӧйныт нем, есси кӧ озӧ видчӧ, озӧ кӧ видчӧ, дак кӧр сӧйнытӧ оз шед. Кин видчӧ сквозь-прокоддэз да мый да... оз ков видчыны, сэк ныӧ оз шед сӧйнытӧ, нӧа сэк оз стукӧтӧ.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

Некоторые ругали: «А, *лешактиян* (т. е. детеныш лешего) ты!» А вот так-то, *лешактиян*, говорят, детей не нужно называть. [А что будет, если назовешь?] Он (т. е. леший), говорят, может увести. Вот здесь, с другой стороны, Чабурова деревня, оттуда одного ребенка унесли, девочку, под ель посадили. Мать отругала ее. Отругала, ушла работать, вернулась домой – ребенка нет. Искали, искали, только на следующий день нашли. Она, рассказывали, под деревом сидела. «Меня, – говорит, – старик увел». А играет она, играет зубьями бороны. Ну, раньше бороны были деревянные, не железные, так она такими играет. «Ты, девочка, почему ими играешь?» – «Это, – отвечает, – мои куклы». Ну, вот она так думает, что это... Так эта девочка не жила долго. Кому так сделают (т. е. «уведут»), так такой {человек} долго не живет.

А вот когда-то одна женщина тоже ребенка это сделала (т. е. отругала). Пошли жать, мальчика с собой взяла. И что-то мальчик, видимо, плакать, что ли, стал. Она говорит: «Да {к} черту тебя!» И мальчика увел ведь! А потом женщина его нашла ведь, и ребенок, говорят, все ноги, ходил он, исколол да что (да все). [А кто такой чомор?] А чомор – он, видимо, вот как леший.

[А на улице тоже есть бесы?] А на улице кто? Лесной живет, ходит, он ведь на улице. [Когда-то, говорят, их много было?] Да, поэтому окна {со ставнями} и делали, двери на окнах были, я уже такое не помню. <...> Вечер наступает, солнце садится, они (т. е. бесы) стучат в окна. <...> Они ведь тогда не боялись, потому что механизации не было. А теперь, смотри, какая механизация! Он (т. е. бес) ведь механизации боится. [А почему они стучат в окна?] А почему стучат? Кушать хотят! Есть-то нечего, если {люди} не ругаются, не ругаются если, так есть-то им нечего. Некоторые ругаются все время да что (да)... Не нужно ругаться, тогда им не попадает кушать-то, они тогда не стучат.

Өтпыр вöрись кань ведзи ойнас. Двенацать часов вöи. Меам кань вöи, гöрд ли мылли, ог тöд каньöс, чочком ли... Ме сійö, ыбöссö осьті, ведзи. Двенацать часов, сэк эд ойшөр! Но, а ыбöссö, виднö, эг крестав осьтікас. Воді. Сія порог увтсиняс кань пырис да и котöртіс кукняс. Вокті, да бисö кусöті, да воді. Сія порог увтсиняс чуш-чуш-чуш* воктіс. Кыа, мужик, ыджыт, этшöм, тарик кодь, этчö занавеска сайсиняс кисö ню-ю-южöтвö. Вот эты вына токо эз вермы ме дынö кисö нюжöтны. Ме тожо сэсь повзи да öддьöн горöті: «Тэйыт, — мыся, — мый ковö?! Мыйвö менö повзётан?» Мыйкö сія меным отвечайтіс, но ме вунöті. [А сія кин вöлі сэтшöмыс?] А лешöйыс, видно, пыраис. Вöровöйыс. (Сералö.)

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

[Василий рытö колö эд крестиккез тэчалны?] Висилий рытас, натьтö, коö, тшöктöны тай. [А сійö мыйлö тэчöны?] А чтоб ыджытыс эз пыр керкуас. [Кин эз пыр?] Ыджытыс, лешакыс. Сіа вермас пырны, ну. Чтобы сіа эз пыр, крестасьöны. А если оз крестасьö, пырас пö. [И мый керас?] А мый, натьтö, керас? Öні ог крестасьвö, да некин тай оз пыр, да ог тöдö. (Сералö.) Одзжык эд сякöйсö баитвисö, а öні мыйкö, öні пö уж лешакыс öтваöн ни мянэкöt ветвöтö, дак öні оз ни поö да.

(Мелюхино Юсёв., ТФФ, 1931)

Однажды лесного кота (т. е. лешего в облике кота) я впустила ночью. Двенадцать часов было. У меня кот был, рыжий, что ли, не знаю, {какой} кот, белый ли... Я дверь открыла и впустила его. Двенадцать часов, а это ведь середина ночи! Ну, а я, видимо, дверь, открывая, не перекрестила. Легла. Из-под порога кот (т. е. леший в облике кота) зашел и побежал на кухню. Я подошла, и свет выключила, и легла. Он из-под порога – *чуш-чуш-чуш** – подошел. Чувствую: мужик, большой, такой, как старик, вот так из-за занавески руку тя-я-янет. Вот столько только не смог до меня дотянуться рукой. Я тоже сильно испугалась и громко крикнула: «Тебе, – говорю, – что нужно?! Зачем меня пугаешь?» Что-то он мне ответил, но я забыла. [А это кто такой был?] А леший, видимо, заходил. Лесной. (Смеется.)

[В Васильев вечер нужно крестики ставить?] В Васильев вечер, наверное, надо, велят ведь. [А их зачем ставят?] А чтоб «большой» не зашел в дом. [Кто не зашел?] «Большой», лешак. Он может зайти, да. Чтоб он не зашел, крестики {нужно ставить над дверью}. А если не {поставят} крестик, зайдет он, говорят. [И что сделает?] А что он, наверное, сделает? Теперь уж не ставим крестики, и никто ведь не заходит, и не знаем {этого}. (Смеется.) Раньше ведь всякое говорили, а теперь что, теперь уже *лешак* вместе с нами ходит, так теперь уже {его} не бояться.

ВАИСЬ ЧУДДЭЗ

65

Ваись, вакуль. [А сы йылісь мый байтлісö?] Но, что петаллö пö кинкö. Блажитчö* ли мылли кыздз. Кыздз сійö шуöны, кöда петö васис? Ваись, вакуль. Кинкö адззылöма. Эсьчин выше, пыжжез дынын, петöма пö и нылка, сыналö пö мыйкöэсö. И сiа сразу мужыкыс гортас каяс, чтö блажитіс пö меным, что ме ог мун рыбачитнытö... лучше гортö бөр кая. Тоыник пö кинкö кыздз пукаліс. И юрси сыналö. [А эз байтö: сiа бур одзын или умöль одзын сэтшöмыс мыччасьö?] А вот умöль одзын, виднö, сiа, потому что гортас бөр мортыс кайöма. «Ме, – пö, – лучше гортö кая, а то вдруг вöя ли мылли».

(Пуксиб Кос., ЯСИ, 1945)

66

Эстісь тай Мишокысвөн айыс одз мунöм ытшкисьны. Дöмөтвöт вуджаввöм. Дöмөт* дынас кыздз воктас, сiа пö нывка пукавö, ку-у-узь чикися, чочкома. Да сысся: «Ваввас матöжык сё, – шуö, – вокта, пова и вокта – да ко-о-ов* – ваас чеччöвтіс, юрсиыс этідз па-а-аськаис, да исся бергöтчи да бөр кайи Петукас». [И кин сiа вöлі?] Васис. [А сійö кыздз шуöны?] Ваись кулюк. <...> Миян айö васис тожо адззыöм, и юаим: «Кыздз, мый адззыин?» Сысся тюрмаас нöбöтісö, да годсö эз тырмы – куис. Эз висьтав. «Вокта, – пö, – да вöлись висьтава». А чтобы эг повö ли мылли? Висьтасис дак... Ме чериаи орöттöг, да эд кузь вунөн, дак эд тожо пован.

(Плешково Куд., РИГ, 1926)

67

Шуввисö, вадöрас этійö, ваиссес эмöсь жö дак, ну. [А нiа киннэз?] А нiа пö морт кодьöсь жö. Вакулёноккез. [Кинкö, поди, адззывліс нійö?] Дак адззывöмась нійö. Сiа пö мыччасьö, вермас пö мыччасьны сiа. Басök нывкаö пö вермас, вермас и юрсиэсö ведзны. Но, сяко мыччасьвöма йöзысвö тожо. [А сiа кыздз морт жö?] Сiа пö мортö жö кыздз. <...> Вот кöда вöяс, дак: «А! Вакулёнокыс сійö кыскöма».

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

ДУХИ ВОДЫ

65

Водяной, водяной черт. [А что о нем говорили?] А что выходит, говорят, кто-то. Кажется, что ли, как-то. Как называют того, кто из воды выходит? Водяной, водяной черт. Кто-то видел {его}. Там выше, у лодок, вышла, рассказывали, девушка, расчесывает что-то. И он, мужчина, сразу домой пошел, потому что, говорит, показалось ему: «Я не пойду рыбачить... лучше домой назад пойду». Молоденькая какая-то как будто сидела. И волосы расчесывала. [А не говорили, перед хорошим или перед плохим она показывается?] А вот перед плохим, видимо, он потому что домой обратно пошел. «Я, – говорит, – лучше домой пойду, а то вдруг, может, утону».

66

Здесьний житель, Мишкин отец, рано {утром} пошел косить. Он по учугу {реку} переходил. На запруду пришел, там, говорит, девушка сидит с дли-и-инной белой косой. А потом: «К воде ближе все, – говорит, – подхожу, боюсь и подхожу – и *ко-о-ов** – она в воду прыгнула. Волосы развева-а-ались вот так. И потом я повернулся и обратно пошел в Петухово». [Это кто был?] {Кто-то} из воды. [А как называли?] Водяной черт. <...> Наш отец «из воды» тоже видел, и мы спросили: «Что видел?» Потом в тюрьму {его} забрали, и года не прошло – умер. Не рассказал {нам}. «Вернись, – говорит, – и потом расскажу». А {не рассказал}, чтоб не боялись, что ли? Если бы рассказал... Я ведь рыбачила все время, так ведь тоже боишься.

67

Говорили, в реке эти водяные есть. [А они кто такие?] А они как люди. Водяные чертята. [Кто-то, может, видел их?] Так видели их. Показываются, могут показываться, говорят. Красивой девушкой может, может и волосы распустить. Да, по-всякому показывались людям тоже. [А они как человек?] Они, говорят, как человек. <...> Вот кто утонет, так {скажут}: «А! Водяной чертенок его утащил».

Челядсё, купайтчынытö пырасö, сэки повзётлісö: «Пыдö эн пыр – кыскас тэнöс». [А если вот вадöрас кинкö вöйис, сэтшöм мортыс йылісь мый байтлісö?] Коліс, значит, вайсылö кинлөккө сіа. На замену ли мылли... Чтö сіа пöрисьмис уже вакульыс, сылö виль колö кинкö, том. Может, сійөн томсö и босьтіс. Сэтшöма байтлісö.

(Пуксиб Кос., ЯСИ, 1945)

Вакульеизлісь... В деревне-то там была öта у нас, мельница, и что, якобы, мельницаыс ултын ніа олісö, этна вакульеыс. Женского рода ніа вöлöмась. И вот после двенадцети часов, когда вот темно уже, эта мельницаыс зарабатывала сама, стала колёса-то сами вертецца. И висьталісö, что этö ніа бöбалöны, вакулле^мс. Вот сійö только кыллі, а сэсся нем эг кыл. Слышала, что они вот ночами жерло öто крутят, значит, и всё. Инькаэз пö. Кешитчисö* пö инькаэз.

(Кочевое, ТНН, 1946)

Кöркö кинкö тай сераисö рыбаккеыс. Кинвöкö пö шедöма вакульыс, а сіа сійö сумкаас чериэнас сюйыштас. А берегöттис пö муна, а мамыс вакульысвö шуö: «Бöдюу-у-у, кытöн, – пö, – тэ, Бöдюу-у-у?» А сіа пö шуö: «Ме, – пö, – та-а-атöн, та-а-атöн...», – сумкасяняс. Да рыбакаыс сумкасö брякйыштас да токо гортас... (Сералö) [А кызд сіа сійö кыйлöма?] А вот сакаöма* да öтваöн сіа шедöм сыö, а чериэнас сюйыштöм öтваö. [А сіа эз вежöрт?] А пемытінас сакасьöны* эд, не вуннас.

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

Детей, {когда} купаться ходили, тогда пугали: «Глубоко не заходи – заташит тебя». [А если на реке кто-то утонул, о таком человеке что говорили?] Нужен был он, значит, водяному какому-то. На замену, что ли... Что он уже состарился, водяной черт, ему нужен новый кто-то, молодой. Может, поэтому молодого и взял. Так говорили.

О водяных чертях... В деревне-то была у нас мельница, и что, якобы, под мельницей они жили, эти водяные черти. Женского рода они были. И вот после двенадцати часов, когда вот темно уже, эта мельница {начинала} сама работать, начинали колеса-то сами вертеться. И рассказывали, что это они балуются, водяные черти. Вот это только слышала, а больше ничего не слышала. Слышала, что они вот ночами жернов крутят, значит, и все. Говорили, {что они} женщины. Дурачились {эти} женщины.

Когда-то ведь смеялись рыбаки. Кому-то, рассказывали, попался водяной черт, а он (т. е. рыбак) его вместе с рыбами в сумку сунул. А по берегу {рыбак} идет, а мать {водяного} водяному черту кричит: «Бэдю-у-у, где, – говорит, – ты, Бэдю-у-у?» А он {водяной} отвечает: «Я зде-е-есь, зде-е-есь...», – из сумки {кричит}. И рыбак сумку бросил, и {быстрей} домой {побежал}. (Смеется.) [А как он его поймал?] А вот при помощи сака ловил {рыбу} и вместе {с ней водяной} попался ему, и с рыбой сунул вместе. [А он не понял, что это не рыба?] А при помощи сака ловят ведь, когда темно, не днем.

КУЛЬ

71

Олѡмась кык келья*. Миян эстѡнка Сизоваын сiа вѡлѡма сiдз. Мужиккеныс мунасѡ тожо кытчѡкѡ, служитны ли, кытчѡ ли мунасѡ. А нiа кольчѡмась и лѡнтѡмась баня. И шуѡны пѡ: «Отирыс, кѡть бы, Криста ради, воллi, да кѡть бы нылiсь чужѡмнысѡ адззылнытѡ». Кык келья баитѡны, да: «Кѡть бы чортыс ни мѡдѡтлы миянлѡ дынѡ». И вот рыт. Пемдѡ. Шѡндi пуксѡ. Пырѡны кык мужик, мужиккеныс пырѡны. Сiа кутас, да сѣйны нылѡ пуксѡтас, вердасѡ. Да сѣсся, сыбѡрын, ѡтiк кельяыс видѡтыштас: коккеыс – вѡл копытаэз. И мѡд сойыслѡ бокас чуткас да и шуѡ: «Пойдѣм, баняыс, натѣтѡ, миян ештiс ни». Сiа босѣтасѡ, петасѡ. Да босѣтасѡ мыйкѡ, заступ, и банясѡ кругѡн чертитасѡ*. Чертитасѡ, молитваэз лыддѣѡтасѡ и кылѡны: петiсѡ нiа и баня дынас пондасѡ локны. Пондасѡ локны баня дынас, локнытѡ оз туй, молитваэныс нылѡн подействовали. И шуѡы пѡ: «Но-о, тi грамотнѡйѡсь, адззан, миянся грамотнѡйжыкѡсь, сумели тi миянѡс этѡ кернытѡ». И ѡшасѡ. [А нiа киннэз вѡлiсѡ?] Сiа нечисыс воллѡма. [Нечистьсѡ одзжык кыз шувлiсѡ?] Бесѡн. Миян татѡн уналѡ миччасьлiсѡ. Исса кулѡны нiа морттэыс.

(Юкseeво Коч., ПАГ, 1941)

БЕС, ЧЕРТ

71

Жили две невестки (т. е. жены двух братьев). У нас здесь в Сизово это было. Их мужья ушли куда-то, служить ли куда ли ушли. А они остались и затопили баню. И говорят: «Люди, хоть бы, Христа ради, пришли, да хоть бы их лица увидеть». Две невестки и говорят: «Хоть бы черт уж к нам {их} отправил». И вот вечер. Темнеет. Солнце садится. Заходят двое мужчин, их мужья заходят. Они спохватились и есть их посадили, накормили. И потом после этого одна невестка посмотрела: {вместо} ног – лошадиные копыта. И другую невестку в бок тычет и говорит: «Пойдем, баня, наверное, у нас уже истопилась». Они и вышли. И взяли что-то, {видимо}, заступ, и вокруг бани круг очертили. Очертили, молитвы прочитали и слышали: вышли они {т. е. черти в облике мужей} и к бане стали подходить. Стали подходить к бане – подойти-то нельзя, их молитва подействовала. И сказали: «Ну-у, вы грамотные, вишь, грамотнее нас, сумели вы нас сделать-то (т. е. уберечься от бесов)». И исчезли. [А кто это был?] Это нечисть приходила. [Нечисть раньше как называли?] Бесами. У нас здесь многим показывались. Потом умирают эти люди.

СВЯТОЧНОЙ ЧУДДЭЗ

72

Вот колядовшики ходят. Ветлөтöны, то ны дынö вермас присобачицца кышöмкö чуд. [А кин сiя чудыс?] Чуднас обычно мийö шуимö чорттэзöс, рогатые такие, шерстяные. (Сералö.) [А нiя чуддэзыс только тöвнас ветлөтöны или гожумнас тожо?] Но мыля жö?! Нiа быдлаын эмöсь. Но чаще, конечно, зимой, потому что летом-то светло.

(Кочево, ТНН, 1946)

73

Чуддэсö эд... öнi машинаыс тальвö, öнi вöвнас оз тальвö, вöвыс эз ни во. Öськинöдз тай кайвыввисö, асывнас пуксясö да, вöввенас, мужиккез, зонкэс. А öнi машинаыс кругом, ой и вун тальö. Öнi оз ков, оз ков тальны.

(Конаново Куд., КСК, 1930)

74

[Ыбöссэз вылас да öшыннэз вылас крестиккез эз тэчлö Василий рытö?] Тэчвам. Чтобы чуддэс эз пырö керкуас. [А если мортыс эз тэч этнö крестиккесö, сылö чуд эд вермас пырны. Мый лоас сэк?] (Серавö.) Нем, видно, оз во. Кöда нем öнi төммес оз зирайтö*. Оз инджа керö. Мийö сё по-старинному, ме крессэз тэча пыр, ыбöсö и воротаö, и сё...

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

СЕЗОННЫЕ ДУХИ

72

Вот колядовщики ходят. {Когда} ходят, к ним могут привязаться какие-то чуды. [А кто такой чуд?] Чудами обычно мы называли чертей, рогатые такие, мохнатые. (Смеется.) [А эти чуды только зимой ходят или летом тоже?] Ну почему же?! Они всюду есть. Но чаще, конечно, зимой, потому что летом-то светло.

73

Чудов ведь... сейчас машина топчет, сейчас лошадьми не топчут, лошадей уже не осталось. {Раньше} до Осипово ездили, утром сядут на лошадей мужики, парни. А теперь машины кругом, день и ночь топчут. Сейчас не нужно топтать.

74

[На двери и на окна крестики не ставили в Васильев вечер?] Ставим. Чтобы чуды не зашли в дом. [А если человек не поставил крестики, к нему чуд ведь может зайти. Что тогда будет?] (Смеется.) Ничего, видимо, не будет. Некоторые молодые теперь ничего не соблюдают. Ничего не делают. Мы все по-старинному, я кресты всегда ставлю, на двери и воротах, и все...

БОБОЛЛЕЗ ДА КАЛЯННЭЗ

75

Сё тай шуисё: «Калян локтас». [А эзё баитё, что сја вермас джагётны, мыйкё мортыслё керны умольё?] **Ог** тёд. «Калян» сё токо баитисё. Челядсё пользётлісё, каляныс что локтас.

(Кочево, КАА, 1938)

76

Вот чудэ^бс да **мый** да – все калян. Калянён пользётлісё: «Он поны кылзисьны – каляныс сёяс тэнё». [А кин сја каляныс?] (Сералё.) Ну, кто-то, или чудо ли, чёрт или. «Каляннэ^бс пышшётасё тэнё. Каляннэ^бс сёясё, час каляннэсё **кора**».

(Кочево, ТНН, 1946)

77

Көр горзыввисё кагаэс, сэк повзётвисё сякёй чудикнас, шуасё: «Чудыс **пырас**», – ли. А ишё оз вод да шуасё... Но, сёйны тшөктасё, да тшыгйөн водан: «Суседкоыс кынөмтё **резётас**».

(Демина Куд., ЧРК, 1950)

78

Суседкоысвань пё сја каляныс, ну. Калянсё сійё тожо баитвисё. Каляннас шуввисё, вот калянсё **кывви**, а кытшөм сја, сійё **ог** тёд. То вот шуасё, кытчё котөртё ли **мый** ли, мунё ли кагаыс, дак: «А, тэнё каляныс **кутас**! Эн мун, эн мун, сэтчин калян, калян сэтчин». (Сералё.)

(Мелюхино Юсёв., ТФФ, 1931)

79

Көр пышшёны, ишо оз вежөртё да пышшёны, дак: «Бобольыс, – пё, – тэнё **кутас**! **Өтөрас** эн пет, тэнё боболь **кутас**!»

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

ДУХИ, КОТОРЫМИ ПУГАЮТ ДЕТЕЙ

75

Всё говорили: «Калян придет». [А не говорили, что он может задушить, что-то плохое человеку сделать?] Не знаю. «Калян» всё только говорили. Детей пугали, что калян придет.

76

Вот чуды да что (да) – все каляны. Каляном пугали {детей}: «Не станешь слушаться – калян тебя съест!» [А кто такой калян?] (Смеется.) Ну, кто-то, или «чудо», или черт. «Калян украдет тебя. Каляны съедят, сейчас каляна позову», – {говорили}.

77

Когда плакали дети, тогда пугали всякими чудиками или скажут: «Чуд зайдет». А еще {если ребенок} не ложится... Ну, поесть {ему} велят, а он {все равно} голодом ложится, тогда скажут: «Суседко твой живот распорет».

78

Калян, он такой же, как и суседко, да. О каляне тоже говорили. Каляном называли, вот калян я слышала, а какой он, этого не знаю. Вот скажут, {если} куда бежит, что ли, идет ли ребенок: «А, тебя калян поймает! Не ходи, не ходи, там калян, калян там». (Смеется.)

79

Когда {дети} убегают, они еще не понимают и убегают, так говорили: «Боболь тебя поймает! На улицу не выходи, тебя боболь поймает!»

ИКОТА

80

[А мыйсянь икотаыс лоё мортислөн?] Шуввисё, что мыйкё сійё кервёмась вот. Митюика старука вёи, Мари ли мылли сыён нимыс вёи... Сія кытёнкё кринкаын пё нійё вёдитвёма... Кинісь сійё вёдитёны? Гутвён сія чолиыс*...Вот тай, назём тай ва керан да понан киськасьны да медбёрын тай кольчёны чо-о-очкомось тай гагоккез бёжаось... А сія кытись нійё, мыйись? Ме мыйён тёда тожо?.. Нем ог тёд. [Сія кыз колдунья вёлі бабыс, кёда сійё керис?] Ну... Кыдзкё эд, натьтё, сійё словами жён, натьтё, вот сурён ли мылли, мыйён сійё удёны?.. Дак эд, натьтё, сійё эд мыйкё выддьёны жё, чтоб именно, чтоб сія мортвё. Ме ог тёд сійё...

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

81

Старушкаёвён, абу жё ни сія, тожо сыён икота. «Меам шапкаа, – шуё, – жолотёй, а чукё – волёбейвёй кодь²³. Менё рудзёгись керисё. Юктаисё, менё рудзёгись ваисё да. – Съёд туссез тай оввёны, вот сюас, – сійён, – шуё, – менё онджа керисё да кёзяйкаёс сійён юктаисё, и вот и ме поні баитны». Сія нимсё висьтавьиис, да вунёті... Кыдзкё и нимсё сія чисто висьтавьиис. «Меам шапкаё на боку да эшо зоотёй, а чукё, – шуё, – меам воробейвён кодь. А кёзяйкаыс көр сёйё, дак ме тожо сёя! Нивава, – шуё, – токо». (Серавё.)

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

82

[Мукёдыс баитёны, что сія вермас ас йылісь висьтасьны: кин сія сэтшёмыс и кытись сія лоис, и кин пё сійё керёма...] Вот сэтшёмсё ме кывви. Сійё вот Миля ли мылли кинкё баитвисё, что кинвён сія вёёма да меам пё вот сэтшём, да менё пё гутісь керисё да ме Гут Гутович ли мылли. Куль его знает! Ме мыйкё сэтшёммезас ог верит да.

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

²³ Информант подражает речи «икоты».

«ВСЕЛЯЮЩИЕСЯ» ДУХИ (ИКОТА)

80

[А от чего икота появляется у человека?] Говорили, что это как-то делали вот. Митюиха (т. е. жена Дмитрия) старуха была, Мария, что ли, у нее было имя... Она где-то в кринке, говорили, их разводила... Из кого их выводят? У мух это личинки... Вот навозную воду когда сделаешь и будешь ей поливать {огород}, и на самом дне-то остаются бе-е-елые червячки с хвостиками... А она откуда их, из чего {делала}? Откуда мне это знать?.. Ничего не знаю. [Она колдунья была, бабушка эта, которая это делала?] Да... Как-то ведь, наверное, это словами же, наверное {делают}, вот пивом, что ли, чем угощают?.. Так ведь, наверное, туда нашептывают что-то, чтоб именно в этого {конкретного} человека {попала икота}. Я этого не знаю...

81

У старушки, нет уже ее тоже, тоже у нее икота {была}. «У меня шапка, – говорит, – золотая, а морда как у воробья. Меня из ржи сделали. Напоили, меня из ржи принесли. – Черные вот зернышки бывают, вот в зерне, – и хозяйку мою этим напоили, и вот я стала говорить». Она имя говорила, да я забыла... Как-то и имя она даже называла. «У меня шапка на боку, да еще золотая, а морда, – говорит, – у меня как у воробья. А хозяйка когда ест, так я тоже ем! Глотаю, – говорит, – только». (Смеется.)

82

[Некоторые говорят, что икота может о себе рассказать: кто она такая, и откуда появилась, и кто ее сделал...] Вот такое я слышала. Это вот Миля, что ли, кто-то говорил, у кого она была: «У меня, говорит, вот такая {икота}. Меня, говорит, из мухи сделали, и я Гут Гутович (т. е. Муха Мухович), что ли». Черт его знает! Я как-то в такое не верю.

Фёква тёткао кёркө, ок-ок, кыз лепкыліс-баитіс! Ой, кыз баитө-лепкө! Ой, кыз баитө! Сійө икөтаэсө керёны, пусьтитёны*, кинкө морт жө, конешно, лэдзалө икөтаэз. [А сия икотаыс вермас мыйкө ас йылісь висьтасьны?] А висьталлөма тёткаөлө быдөс. Ой! Висьталөм. <...>

«Ладно, – пө, – тэ кытшөм сэтшөмыс?» Кык икөта. «Ме, – пө, – паськыт сина эд лягушка, а тэ – шырок». Пондөмась споритны кык икөта. «Тэ, – пө, – паськыт сина лягушка, ме коть шырок». Тёткаөлөн, виднө, не өтікыс вөлөмась. Сиа баитіс. Сиа эд уна висьтасьліс, да ме вунөті ни. Но сиа тёткаөлөн икөтаыс, сылөн вөлі подрушкаа.

(Демина Коч., МНФ, 1931)

Эстөн өтік старукаөн миян кык икота вөөмась. А зон сыөн гортын эз ов, мунөма зоныс дынө гөсьтитны. А ниа одзасьёны да баитёны пө, одзасьёны-баитёны. Сиа любитөма, старукаыс, ювны өддьөн гөрд вина. И зоныс сійө этө керөм: «Счас, – пө, – ме сійө юктаа, икотаэс ась куёны». Кисьтөма стопкаө гөрд винасө и мамсө тшөктас ювны. Мамыс этө стопкасө юас, дак өтік икотаыс шуө: «Ой, ой, ой, чисто, – пө, – папалёкөс сөтітө». (Сералө.) Быль, быль! А мөдыс кольччөм, мөдыс вовья, ну. Пыр сераввисө сійө, пыр сераввисө. Зоныс шуө: «Вот ме сійө кыз веөті». (Сералө.)

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

[Баитёны, что этнө икотаэсө тожо колдуннэз керёны, а кытөн ния нійө видзёны?] Джоджуын, шуёны. Вот сия, Митюикаыс, кытөнкө пө сия джоджуын... Кинкө сійө адззөма, то ли зоныс, то ли мый, да сьвисьнитөм-петкөтөм-шентөм, да кыз пө ния кивзисө! (Сералө.)

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

83

Моя тетка Фекла когда-то, ох-ох, как лепетала-говорила! Ой, как говорила-лепетала! Ой, как говорила! Эту икоту делают, напускают, какой-то человек, конечно, напускает икот. [А эта икота может что-то о себе рассказать?] А рассказывала тетке все. Ой! Рассказывала. <...>

Две икоты {разговаривали}: «Ладно, – говорит, – ты кто такая?» «Я, – говорит, – широкоглазая ведь лягушка, а ты – мышка». Станут спорить две икоты. «Ты, – говорит, – широкоглазая лягушка, а я хотя бы мышка». У моей тетки, видимо, не одна была {икота}. Она (т. е. икота) говорила. Она ведь много рассказывала, я уже забыла. Но у тетки эта икота была с подружкой.

84

Здесь у одной старухи у нас две икоты были. А ее сын дома {с ней} не жил, она пошла к сыну погостить. А они {друг друга} перебивают и говорят, перебивают, говорят. Она любила, старуха, очень красное вино. И ее сын так сделал: «Сейчас, – говорит, – я ее напою, пусть икотки умрут». Налил в стопку красное вино и матери велел выпить. Мать эту стопку выпила, так одна икота сказала: «Ой, ой, ой, совсем п***ёночку сожгли». (Смеется.) Правда, правда! А другая {икотка} осталась, другая живая, да. Всегда смеялись над этим, всегда смеялись. Сын говорит: «Вот как я ее проучил». (Смеется.)

85

[Говорят, что этих икот тоже делают колдуны, где они их держат?] В подполье, говорят, {держат}. Вот она, Митюиха, где-то, говорили, в подполье {держала}... Кто-то их нашел, то ли сын, то ли кто, вынес и быстро вышвырнул, и как, говорят, они визжали! (Смеется.)

Дак икотаыс, **сія** вот меам племянничабён, эстён Сивашорас оё **сія**, дак **төдө сіа, төдө**. Ну, **төдіс** икотаыс, ну. Шуас: «**Сіа дыр эд оз ов, сіа эд куас, куас, куас, ой, куас, куас, куас...**». Ну, **төдө пө сіа**.

Сіа токо неважын поніс баитны. Ну, дак, видно, воввыввёны, видно. Ну, и висьтаё мукёдсё, **төдө**. [Мукёдыс шуёны, что эм немёйёсь икотаэзыс.] А немойыс **сія** оз баит, **сія токо иксё**. А **тожо, есьли бур** одзын, дак уж **көзяйкаыс сіа төдө, мый** одзын **сія икөстө: бур** одзын, нет. [Икотаыс кытись лоё мортыслён?] А вот кин **төдө?** Шуёны, **ведзёны пө, мукёд** ведзаёны пө и лягушаэзись ведзаёны, и тороканнэзись **ведзёны**, и быдваись **ведзёны**, дак кин **сійё** вот **төдө?** Дзөдзыввезись... этө керёны...

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

Меам эд Сюзь-Позьяас Ёксинь сойё вёи. Икотасё ведзёмась көркө, да кенакё* шуё: «**Соня, ашын** ведзчыв сойыт дын Сюзь-Позьяас, икота, – **пө, – понём баитны**». Көдія пө икотаыс перво понас баитны, **сія, бытте, төдө**. Ме ведзчи. А көркө эд мильчик-мельчик* ёрйын песвасян. **Сія** песвасьё. Печка вонтісьё. Икотаыс мисеч, **виднө, Ёксиньсё асьсё баитны апйё***. О-о-ой! **Сія** кытшөм рад воис, печкаввас ва пуктіс, йөв пуктіс, анькытшөвёй кисель пуис, картошкиовёй кисель пуис менө вердны. «**Гёсьтя воктіс! Гёсьтя воктіс!**» Ме сся понді юасьны: «**Кенакө, – мыся, – Ёксинь, иньдіс. Мишу вонө вовья – не вовья?**» – «**Ме разь, – шуё, – мыйкө төда?!** Ме нем ог **төд!** **Миян** көзяйкаыс **миянөс** **видзис** гор **увтын** **туисын...** Ме **гутөк, өддьөн басөк: синнэө** **гоубёйёсь,** **чаркиоккеыс*** **сьөдөсь,** да **ачым** ме **Соня**. Ме, – **шуё, – не төдны...** Нем ог **төдө!** **Мийё токо** гармоння **миянвө коө** **козяйканам**. Ми **токо – ик-ук – ветвамё, сьыам** да **йёктам токо**. Ме не **төдісь**», – висьтаис.

(Конаново Кудым., КСК, 1930)

Так икота, она вот у моей племянницы, здесь в Сивашере {племянница} живет, так она (т. е. икота) знает, знает. Да, знающая икота, да. Скажет {кому-то}: «Она долго ведь не проживет, она ведь умрет, умрет, умрет, ой, умрет, умрет, умрет...» Да, говорят, знает она.

Она недавно только стала говорить. Да, так, видимо, ходят {к ней}, видимо. Да, и говорит (т. е. предсказывает) некоторым, знает. [А вот еще некоторые говорят, что есть немые икотки.] А немая, она не говорит, она только икает. А тоже, если перед хорошим, так уж хозяйка ее знает, перед чем она икает: перед хорошим, нет. [Икота откуда у человека появляется?] А вот кто знает? Говорят, напускают, некоторые напускают и из лягушек {делают и} напускают, и из тараканов {делают и} напускают, и отовсюду напускают. Так кто это знает? Из ящериц делают...

У меня ведь в Сюзь-Позье сестра Оксинья была. Икоту напустили когда-то, и невестка (т. е. жена брата) мне говорит: «Соня, завтра сходи к сестре в Сюзь-Позью, икота, – говорят, – стала {у нее} говорить». Которая, говорят, икота начнет говорить, она, будто бы, знает (т. е. способна предсказывать). Я пошла. А когда-то ведь – *милчик-милчик** – в корыте стирали. Она стирает. Печь топится. Икота, месяц, видимо, саму Оксинью поучает говорить. О-о-ой! Как она обрадовалась, на печь воду поставила, молоко поставила, гороховый кисель сварила, картофельный кисель сварила меня кормить. «Гостья пришла! Гостья пришла!» Я потом стала спрашивать: «Оксинья, – говорю, – невестка отравила. Брат Мишка жив с не жив?» – «Я разве, – отвечает, – что-то знаю?! Я ничего не знаю! Нас наша хозяйка держала под печкой в туеске... Я маленькая муха, очень красивая: глаза голубые, туфельки черные, и сама я Соня. Я, – говорит, – не знать {сделана}... Ничего не знаю! Только гармошка нам нужна с хозяйкой. Мы только – эх-ух – ходим, поем и танцуем только. Я не знающая», – сказала.

Кыськө тай воктө. Меам тай иксө жө, мамөөн пыр иксіс. Да кувны поніс мамө да: «Өмменйтө, – шуө, – чышьяннөн көртавө, чтобы икотажугыс тиянвө эз пыр». Эз байтвы, а горөтвыис токо. Горөтвө, а эз байт, нем эз кер. И вот меам кыс? Киввам вовыс петіс да. Кышөм ни сэтчө чышьян көртаан?! И вот сія меам өні тожо икөстө. Немөй. Мамөөн миян немөй жө вөи, меам тожо немөй.

(Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935)

Так миян сія куліс жө медбөрын, Нинаыс... Сылөн вөлөма сэтшөм этө... Сіа өсөм сійө чөчкөмө. И сійө колө вөлі кутны. Кутлөмась да кытчөкө сійө вөлі пуктөмась, и сіа улетел, пышшө. Кытчөдз? Кин дынө сія пырис? Вот сіа, навернө, пыраліс, поди, ме дынө. Меам тожо эд пондыліс – Вераыс эд төдө – байтны. Можот, сіа ме дынө пырис. Через дорогу олімө. Сіа өсөма, и сыліс кватитас. Сіа пө ловья. И пуктөмась ведрө. Пышшөма. Чөчкөм пө кыздз, чөчкөм, кыздз шыр ли мылли пө. Сійө бы стразу, но, көть пөдты ли мылли. А сійө ведрасө колясө сідзи а, пышшөма вөлі.

(Демина Коч., МНФ, 1931)

Маслозаводка Шура, сія мыйкө сійөн кивзыввис нөштөма, мыйкө сія и кымөртчас рожаввас кызди и сывөн кивзыввис. А сэсся миян дынө, вөи вайөм сія больницаас двесьтиграммовөй стаканын... Мыйкө поныс тай сякөй турунсө да мый да сөяс сякөй-сякөй-сякөйсө да өсас тай, вот мыйкө сія... Ме видзөті. «Вот, – пө, – меам икотаө петіс». Но и сія стаканас сійө пуктөма. И сія вот мыйкө кызди турунсө тшакляан да зэвөтван, сійө вартван*, мыйкө кыздкө гардан, дак мыйкө сэтшөм. А сія былъ ли, не ли, ме мыйөн төда?

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

Откуда-то ведь {икота} приходит. У меня ведь тоже икает, у моей мамы всегда икало. {Когда} мама умирать стала, {она сказала}: «Рты, – говорит, – платком замотайте, чтоб проклятая икота к вам не зашла». Не говорила {у нее икота}, а кричала только. Кричала, а не говорила, ничего не делала. И вот у меня откуда? На моих руках душа {ее} вышла. Какой уж тут платок {успеешь} намотать?! И вот она (т. е. икота) у меня тоже икает. Немая. У нашей мамы тоже немая была, и у меня немая.

Так у нас она умерла уже под конец, Нина... У нее было такое... Она выблевала такую белую {икоту}. И ее нужно было поймать. Поймали и куда-то ее положили, и она улетела, убежала. Куда? К кому она зашла? Вот она, наверное, зашла, может, ко мне. У меня тоже ведь пробовала говорить, Вера ведь знает. Может, она ко мне зашла. Через дорогу мы жили. Она выблевала, и у нее схватил {кто-то икоту}. Она, говорили, живая. И положили в ведро. Убежала. Белая, говорили, белая, как мышь, что ли. Ее хоть бы сразу задушили, что ли. А ее в ведре оставили так, и она убежала.

Маслозаводка Шура, у нее что-то кричало некрасиво, как-то она и сама насупится, {что-то} у нее кричало. А потом к нам принесла в больницу в двухсотграммовом стакане... Что-то {такое} если собака разную траву да что (да) съест, всякое-всякое, и ее стошнит, вот что-то такое... Я посмотрела. «Вот, – говорит, – у меня икота вышла». Ну, и она это в стакан положила. И это что-то вот такое, как если траву в клубок скатаешь и сильно сожмешь, собьешь {в комок}, что-то как-то обмотаешь, как будто что-то такое. А это правда ли, нет ли, я откуда знаю?

И: Ме **ог** кув эш^б. Меам козяйкаыс эш^б два года **овас**. Вот тао семсят пять, семсят **семь** тырас, кувас. А ме гуток эш^б. Вебзя и **б**мас кинв^бк^б пыра. Опять пона **овны**. Семсят сем тырас, кусас, а ме вебзя и **б**тік мортв^б пыра. Опять пона **овны**. Но ме **т**да: женшынав^б пыра. Ме мужыкысв^б **ог** пыр. Ме **т**да, кинв^б пырны.

[А кытись тій^б **т**дат^б?]

И: Кувны понас, ме, кыз **гожум**н, **б**т^брас вебзя, а казява, кинк^б **инька** **во**к^б, и ме **сы**в^б пыра.

[А мыля **инька**л^б?]

И: Мужыкв^б ме **ог** пыр, ме **то**ко женшына^б. Не положено мужыкв^б – женшынав^б **ков** пырны. <...>

А ме нем **ог** кер, ме **то**ко бур^б думайта **быд**с, ме нем **ог** кер. Ме желудокас **пукава**... Ме **с**б^бд эттш^бм **то**ко, вот эттш^бм **с**б^бд. Меам **синок**кез **эм**с^б, **пел**лез **эм**с^б, **ны**р, **б**м, **н**ель **ва**паок, **б**бж^бок **эм**. Меам **пистиш**ок **эм**.

<Адззывин, мый **вись**тас^б.>

И: Ме **то**ко вот **э-э-э**ттш^бм, **с**б^бд. Меам **г**н^быс **блесь**тит, кыз зеркало, **с**б^бд. А козяйкаыс кыз дыр оз **с**б^б, ме **б**ра гор^бта: «Сб^б, **мена**м кын^бм **сима**в^б! А **с**б^бянс^б эн **н**ывав **быд**с^бн: **мен**б **виньд**тан. Ме **к**р **юр**с **бок** пукта, а **т**э сб^б». Суп **паня**ас – **невна** к^б **паня**ыштас, **кашас** **с**б^бяс **тож**б, а **чай**с^б **юан** – **тож**б **невночка** **юы**шта. Ме **то**ко вот эттш^бм, **учи**тик, **с**б^бд, меам **г**н^бб **смольн**бй, **с**б^бд...

[**Инька**с^б **аслыс** **эз** **пондыл** **кошшыны**?]

И: Ме **некин**с **ог** кошшы. Ме **б**тнам **ова** козяйкаыс кын^бмын, желудокас **пукава**. Вот, **кыв**зы, эш^б **вись**тася. **Больница**б **мун**им, и **сы**б **чочком**б **сет**ис^б **ни**вавны, **т**дат? И вот **ни**ваис, **ни**ваис. «Тэ, – **шу**б, – **мен**б **виньд**тан». **То**ко **ки**с^б **той**ыштіс – **ме**ам **быд**с **ки**ссис. А **врачыс** **шу**б: «**Нер**йаха».

²⁴ Текст представляет собой разговор с «подселенным духом»; реплики от лица икоты (И) информант произносил измененным голосом, реплики от собственного лица – обычным голосом, они подаются в угловых скобках.

И: Я не умру еще. Моя хозяйка еще два года проживет. Вот нынче семьдесят пять, {когда} семьдесят семь исполнится, умрет. А я маленькая муха еще. Полечу и в рот кому-нибудь залечу. Опять буду жить. Семьдесят семь исполнится, умрет, а я полечу и в какого-то человека зайду. Опять буду жить. Но я знаю: к женщине зайду. К мужику я не зайду. Я знаю, в кого зайти.

[А откуда вы знаете?]

И: {Когда} умирать будет, я, если летом, на улицу полечу, а увижу, {что} какая-то женщина идет, и я к ней зайду.

[А почему к женщине?]

И: К мужику я не зайду, только к женщине. Не положено к мужику – к женщине надо зайти. <...>

А я ничего не делаю, я только все о хорошем думаю, я ничего не делаю. Я в желудке сижу... Я черненький такой, вот такой черный. У меня глазки есть, уши есть, нос, рот, четыре лапки, хвостик есть. У меня писька есть.

<Видишь, что рассказывает.>

И: Я только вот тако-о-ой, черный. У меня шерсть блестит, как зеркало, черная. А хозяйка, когда долго не ест, я опять кричу: «Ешь, у меня живот еду просит! А еду не глотай полностью, чтобы я не подавился. Я когда голову набок положу, ты ешь». Суп хлебает – немного похлебает, кашу съест тоже, а чай выпьет – тоже немножко выпью. Я только вот такой маленький, черный, у меня шерсть смоляная, черная...

[Жену себе не пробовал искать?]

И: Я никого не ищу. Я один живу у хозяйки в животе, в желудке сижу. Вот, слушай, еще расскажу. В больницу пошли, и ей белое дали проглотить, знаете? И вот глотает, глотает. «Ты, – говорит, – меня давишь». Руку толкнула – у меня все просыпалось. А врач говорит: «Неряха».

<Сія вот желудокѡс видзѡтисѡ, сія горшам этчѡ каис. Ме эг поны вермыны вовавны. Пока желудокѡс видзѡтисѡ, сія вептисис, токо этчѡ раз-пуксис. Потом менѡ, кишкаэзѡс понисѡ видзѡтны, да врачыс менѡ чистѡ видіс: «Нерйаха тэ, – шуѡ, – зачем этѡ высыпала чочкомсѡ, мелсѡ?» А сія: «Менѡ, – шуѡ, – чуть эн виньдѡт. Ме кыски, тойышті кизтѡ».>

[А сія тѡдись тіян, абу?]

И: Ме не тѡдись. Ме висьтава токо сідз, мый тѡда, висьтава, что быдѡс бур, тіянвѡ быдѡс бур воас...

[Кыз шуѡны сійѡ?]

И: Иванок менѡ шуѡны.

[Кин нимсѡ сетіс?]

И: А сія Александра Кузьмовнаысвѡн вѡи Иванок. И вот мамыс куис, ме пыри сыѡ. И через два года понні баитны. Сія поніс горзыны, мамыс куѡ, и ме петі да гутас керси да горшас пыри и вои бѡра. Аннаыс дын два года, два года эг баит.

[Мыля эн баит?]

И: А меам оз туй. Ме жѡ гутѡ пѡри. Меам коѡ сэтчин полностью воны... И вѡлись поні баитны через два года.

(Трошева Куд., ХАХ, 1943)

<Он (т. е. врач) вот мой желудок смотрел, он (т. е. икота) в горло сюда поднялся. Я не смогла дышать. Пока желудок смотрели, он поднялся, сюда сел. Потом у меня кишки стали смотреть, и врач меня сильно наругал: «Неряха ты, – говорит, – зачем это высыпала белое, мел?» А он {икота Иванок} говорит: «Я чуть не подавился. Я вытащил, толкнул твои руки».>

[Он у вас знающий?]

И: Я не знающий. Я говорю только то, что знаю, говорю, что все будет хорошо, у вас все хорошо будет...

[Как зовут его?]

И: Иванок меня зовут.

[Кто имя дал?]

И: А он у Александры Кузьмовны был Иванок. И вот ее мать умерла, я зашел к ней. И через два года стал говорить. Она стала плакать, ее мать умирает, и я вышел, и в муху превратился, и в горло залез, и стал опять. У Анны два года, два года не разговаривал.

[Почему не говорил?]

И: А мне нельзя. Я же в муху превратился. Мне надо там стать полностью... И стал говорить только через два года.

КОЛДУННЭЗ

92

Менам вöлі дед, ме эд токо чуть-чуть помнита. Сто двадцеть пять летöдз олöма дедö. И сiа, миян дедö, öддöн дотошнöй вöлöм, сiа öддöн тöдöма. И сiа меным... Сiö ме помнита, сiа баитлис сiö да: «Ой, матушка, тэ учöt ышö кольчан, учöt, кöбы ыджытжык, дак быдöс и ме бы тэныт коли». Сiö ме бура тöда. И вот книга вот эта сулда вöли, кы-ы-ыз коркаыс вöли. <...> Эг ышö ылöст дзимлясьнытö. Мунi Кудымкарас велötчынытö, а мачекаö кольччис. Мамö вöли, мамö бы подобрала. А сiа, мачекаö, виднö, юис да, можот, сы коста кинкö сдул. Быдöс золотöй букваөн вöли этö коркаыс вылö гижöма, и первöй начало листыс öтiк вöли эттшöм кыз, вот коркаыс, и эшö ултас лист, и сiа быдöс вöли этö золотоөн гижöмыс. Этадз, ме тöда сiö, вот этадз дедö меым шуис: «Гладьöt тэ сiö, гладьöt, гладьöt тэ сiö, гладьöt». Дедö сълепöй, глукöй вöли. Ме сiö кута киöттис да пызан дынас вайöта деда спальняö. И сета чашкасö: «Деда, вот кызди». Сiа этадзкана ачыс öтiк кинас видзö, мöд кинас сёйö. Сiа олöма пö землянкаын. Местаэзас счас строитчöмась ни сэтчин, Кышкаас. Кинлöкö повезло. <...>

[А дедныт мыля землянкаын олис?]
(Шушкö.) Сiа колдун вöлöм... Касьтiсьны мунöм. Пондас локны да öшас, непогодь лоас да. Да усьöм. Тятюö мунас кошшыны да адзас сiö... Сiа пö көзок ултö усьöм, сiö тыртöм сэтчин. Пон адзöм. Да ся тятюö вöлөн-доддöн вöлöм, сiа пуктас, ваяс. Туй вылас пö петi, вöлөн жö милиционер локтö Сэпöль сторонасянь. «Мый нö тэ нöбöтан?» – милиционерыс шуö. Ме вот пö, пö. «А мыйвö, – пö, – тэ сiö нöбöтан? Этчö этö кер да сяс öзтамö да и». Ме пö шуа: «Но! Сiа менö быдтiс, вердiс, юкталiс, ме час понда сiö сотны? Муыс эд, наэрнö, терпитас стариксö».

(Лягаево Коч., МНГ, 1934)

93

Öнi эд веötчöны жö öтамöдсянь, ну. Но öнi сё-таки... Сэк нiа колдуннэс уж öддöн колдуйтiсö, нийö созлöй колдуннэз шуисö. Созлöй сiа колдун уж вöи, сiа уж öддöн тöдiс. Öнi коть эмöс, дак öнi сiдз-ту öддöн-ту оз тöдö. Но, видно, бöбаöны жö народыс коасын кытöнкö.

(Мелюхино Юсёв., ТФФ, 1931)

КОЛДУНЫ

92

У меня был дед, только чуть-чуть {его} помню. До ста двадцати пяти лет прожил мой дед. И он, наш дед, очень «дотошный» был, он очень {много} знал. И он мне... Это я помню, он говорил: «Ой, матушка, ты еще маленькая останешься, маленькая, если бы старше, так все я бы тебе оставил». Это я хорошо помню. И вот книга такой величины была, то-о-олстая корка была. <...> Я еще не понимала прибрать-то. Уехала в Кудымкар учиться-то, а мачеха осталась. {Если бы} мама была, мама бы «подобрала». А мачеха, видимо, выпивала, может, в это время кто-то спер. Все золотыми буквами было на этой корке написано, и первый начальный лист один вот такой толстый, вот корка, и еще снизу один лист, и это все было золотом написано. Я помню это, вот так дед мне говорил: «Гладь ты ее, гладь, гладь ты ее, гладь». Дед слепой, глухой был. Я его возьму за руку и к столу поведу в его спальню. И дам чашку: «Деда, вот так». Он вот так сам одной рукой держит, другой рукой ест. Он жил, говорят, в землянке. На том месте сейчас построили {дом} там, в Кышке. Кому-то повезло. <...>

[А ваш дед почему в землянке жил?] (Шепчет.) Он был колдуном... Он на поминки пошел. Стал возвращаться и потерялся, так как непогода была. И упал. Мой отец пошел искать и нашел его... Он, рассказывали, под елку упал, его там и замело. Собака {его} нашла. И мой отец был с лошадей, запряженной в сани, он положил его {на сани}, привез. На дорогу, говорит, вышел, на лошади милиционер едет с Сепольской стороны. «Что же ты везешь?» – спрашивает милиционер. Я, говорит, вот и вот. «А зачем, – говорит, – ты его везешь? Сюда это сделай, и сейчас сожжем». Я, говорит, ему отвечаю: «Он меня растил, кормил, поил, а я сейчас его буду сжигать? Земля ведь, наверное, стерпит старика».

93

Теперь ведь тоже учатся друг от друга, да. Но теперь все-таки {не так, как раньше}. Тогда колдуны уж очень колдовали, их злыми колдунами называли. Злой колдун он был, он очень {много} знал. Теперь тоже есть, но теперь так-то очень сильно не знают. Ну, видимо, балуются же где-то меж людей.

Көркө отамөдсинь веѳтчөмась. А кин перво веваис? Кытчө колдунась? А сыбөрын отамөднысө веѳтвөмась. А өні сякөй литератураыс пө эм вевөтчыны колдунась и, знахарас и. [Кызд отырыс төдөны, что сја мортыс төдісь?] Кыздкө тай деревняс төдвыисө, что сја төдісь пө. Сывись туйсө оз ков поперегавны, сыкөт оз ков, кытчө муна, пантасьны, старайтчыны не пантасьны да мый да. [А мый сја мортыс вермас керны?] Дак сёровно, видно, мыйкө молитваэзөн, мыйкө словоэзөн ли мылли шуасө: вот колдуныс, колдунняыс пыраис да бөрсиняс эшо көс росөн пө коө чышкыны следдэсө, чтобы нем эз кер. (Сералө.) Мый керө? Мыйөн? Ог төд. [Эмөсь ли морттэс, көдна лечитөны?] Тожо эмөсь пө, ния лечитөны. Ния... шуөны лекаррез, төдіссез пө. [А төдісь и колдун – сја өтік морт?] Ния и вермасө пө өтікөсь воны. Мукөдыс пө бурсө керө и умөльсө керө... Вермасө, көда токо умөльвас төдө, а бурвас оз төд, көда бурвас төдө – умөльвас оз төд.

(Антонова Куд., ЧАА, 1948)

Захароваас ме көр локті сэтчин в семсят четвёртом году, меным шуөны: «Эстөн – а деревняыс ыджыт вөвви, школа и быдөс, сякөйыс вөлісө, и шуөны – уна колдуннэз, сорок шесть человек колдуннэс». Кызд сіө берегитчыны?! А медичка вөлі, сја покойнөй ужө, сја шуө: «Вот эта колдун». «Кызд, – мыся, – тэ сіө төдан?» «А меным, – шуө, – сја пантасис, а ме чуннеөс вот этадз кери – фигушкаэз кыкнан киэс – и карманам суюышті этадз и муна». Колө пө сэтчө шулны: «Колдун, лихорад, супостат, если верман ассит нювны...» Нювны ассит, но, вежөртті, мый нювны? «Значит и менө пө верман колдунавны».

{И медичка одзлань шуө}: «И вот ме этадз муна, этадз кери и сіө (т. е. заговорсө) шувва: “Колдун, лихорад, супостат... Если тэ верман ассит нювны, менө верман колдунавны”». И вот сја, этаыс, пө шуө: «Ивановна, мый нө тэ ме йывись умөльө думайтан?» Вот сја эд даже эз этө кер, а сја мортыс чувствуйтө, видно.

(Егорова Куд., НЛБ, 1955)

Когда-то друг у друга учились {колдовству}. А кто сначала научился? А после уже друг друга учили. А теперь всякая литература есть учиться и на колдуна, и на знахаря. [Как люди знают, что этот человек знающий?] Как-то ведь в деревне знали, что он знающий. Ему дорогу не нужно переходить, с ним не надо, куда идешь, встречаться, стараются не встречаться да что (да). [А что такой человек может сделать?] Так все равно, видимо, какие-то молитвы, какие-то слова, что ли, говорят: вот колдун, колдунья заходила, и после нее еще сухим веником, говорят, нужно подмести следы, чтобы ничего не сделала. (Смеется.) Что {колдун} делает? Чем? Я не знаю. [Есть ли люди, которые лечат?] Тоже есть, говорят, они лечат. Они, говорят, лекари, знающие. [А вот знающий и колдун – это один человек?] Они, говорят, могут одни {и те же} быть. Который, говорят, хорошее делает, и плохое делает... А может быть, что который только на плохое знает – на хорошее не знает, а который на хорошее знает – на плохое не знает.

Когда я приехала в Захарово в 1974-м году, мне сказали: «Здесь – а деревня большая была, школа и все было, {мне} сказали – много колдунов, сорок шесть человек колдунов». Как тут уберечься?! И медичка была, она покойная уже, она говорит: «Вот этот {человек} колдун». «Откуда, – спрашиваю, – ты это знаешь?» «А мне, – говорит, – она (т. е. колдунья) встретилась, и я пальцы вот так сделала – фигушки на обеих руках – и в карман сунула так и иду». Нужно, говорят, тогда сказать: «Колдун, еретник, лихорад, супостат, если можешь у себя облизать...» Облизать у себя, ну, поняли, что облизать? «Значит, и меня сможешь наколдовать».

{И «медичка» продолжает:} «И я так иду, так сделала и это произношу: “Колдун, лихорад, супостат... Если ты можешь у себя облизать, меня сможешь наколдовать”». И вот она, эта {колдунья}, {ей} говорит: «Ивановна, что же ты обо мне плохо думаешь?» Вот она ведь даже ничего не сделала (т. е. ничего ей не сказала), а этот человек чувствует, видимо.

Миян деревнян, Трапезникас, тожо вѳи старичок, сѳйѳ шуисѳ тѳдѳсьѳн. И вот сѳя моодѳжыс решили проверитны: кыввѳмась, что, если сѳя тѳдѳсь, значит пѳ проверитамѳ. Сѳтѳмась сывѳ, старикиत्वѳ, и нырсис вирыс пондѳм петны, и сѳя пѳ, прямо вот вирыс ѳддѳн бура вирыс ведзѳѳ. И сѳя пѳ прямо мусѳ ѳтваын вирнас бѳр сѳйѳ. Сѳя пѳ колдунысвѳн сѳдз: вирсѳ пѳ не должен сѳя ѳштыны и сѳя сѳйѳ сѳйѳ. Вот сѳйѳ помнита, сѳйѳ ѳддѳн бура баитвисѳ.

Фельшерысвѳн, сывись папсѳ тожо шувыввисѳ. <...> Трапезникас вѳѳма свадьба, и сѳя (т. е. сѳя, кин вѳлѳ свадьба вылын) шуѳ: «Свадѳбаввас пырасѳ быдѳс ѳтирыс, пызан саяс пуксясѳ и решили проверитны, эмѳсь ли абу тѳдѳссес. И ыбѳс вевдѳрас мѳртасѳ ножница, и, если тѳдѳсьыс эм, значит, сѳя керкусис петны ѳз вермы. Петасѳ быдѳс ѳтирыс, а сѳя, П-ыт петны ѳз вермы, но сяко, – пѳ, – пондыас шагнѳвтны порѳгсѳ, но ѳз вермы». И сѳя действительно ѳтѳ, убедились, видно, что сѳя мыйкѳ тѳдѳ.

(Трапезники Куд., БНП, 1955)

[А кызкѳ туйѳ керны, чтоб колдуныс пырис керкуас и сѳсся ѳз вермы петны?] Туйѳ. «Как я шью, так и, дверь, зашивайся». Вот сѳя пырас, пуксяс да ся ачыт тѳкѳ, ачыт эн пет керкусис, а сѳя сѳк ѳз вермы петнытѳ. Ачыт кѳ петан, сѳк петас. А эн пет! Лунтыр пукалас! И лунтыр пукав, эн пет, и сѳя ѳз пет. Вот и всѳ, сѳк понан тѳдны, колдуння.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

Колдуннѳс керасѳ, дак вермас повзѳѳтчыны. Вон старушкаысвѳн, керѳмась сыись вѳи. ѳстѳн женщинаыс ѳис, куис ни ѳнѳ. Сѳя мыйкѳ керис, и ми пукаамѳ вуннас, а сѳя сѳтенаѳттяс прямо кызд ризьѳтѳ-мунѳ, быдѳс дзик чѳгѳ, сѳтенаыс потвасьѳ. Вуннас пукаамѳ ми сыкѳт кыкѳн, и сѳя токо – ризь-вазь*, ризь-вазь, ризь-вазь. Ме шуа: «Таню, мый тѳкѳт, мый тѳат сѳтенакѳт воис?» – «А вот, – шуѳ, – до двенаццати вечера меам вот ѳтадзи пыр керѳ». Вермѳны сякѳйсѳ керны...

(Демина Куд., СЛВ)

У нас в деревне, в Трапезниках, тоже был старичок, его называли знающим. И вот молодежь решила проверить: слышали {о таком}, что знающего {можно} проверить. Ударили его, старика, и из носа кровь у него потекла, вот прямо вот кровь так сильно течет. И он, говорят, вместе с землей эту кровь ест. Это, говорят, у колдунов так: кровь он не должен терять, и он ее ест. Вот это помню, это много обсуждали.

Отца фельдшера тоже называли {знающим}. <...> В Трапезниках была свадьба, и он (т. е. кто-то, кто был на свадьбе) рассказывает: «На свадьбу зашел весь народ, за стол сел и решил проверить, есть или нет знающие {среди них}. И над дверью воткнули ножницы, и, если есть знающий, значит, он выйти из дома не сможет. Вышел весь народ, а он, П., выйти не может, ну, по-всякому, — говорит, — пытается порог переступить, но не может». И действительно, убедились, видимо, что он что-то знает.

[А как-то можно сделать, чтоб колдун зашел в дом, а потом не мог выйти?] Можно. {Надо сказать}: «Как я шью, так и {ты}, дверь, зашивайся». Вот он зайдет, сядет, и потом ты сама только не выходи из дома, а он (т. е. колдун) тогда не сможет выйти-то. Сама если выйдешь, тогда выйдет. А ты не выходи! Целый день просидит! И ты целый день сиди, не выходи, и он не выйдет. Вот и все, тогда будешь знать, {что она} колдунья.

Колдуны делают {так}, что {дом} может пугать. Вон у старушки, сделали ей. Здесь женщина жила, умерла уже теперь. Она (т. е. колдунья) что-то сделала, и мы сидим днем, а по стене прямо как хрустит, все словно ломается, стена трескается. Днем сидим мы с ней вдвоем, и оно только — *ризь-вазь**, *ризь-вазь*, *ризь-вазь*. Я говорю: «Таня, что с тобой, что с твоей стеной стало?» — «А вот, — говорит, — до двенадцати вечера у меня вот так всегда делается». Могут всякое сделать {колдуны}...

Колдуннэс, нiа эд эшö вот керку строитöны, если кинвö пособиtöны да мый да, дак мукöдыс пö даже кукваэз пуктöны, аканнез, керасö дак. Да сiа пö вот öддьöн повзöйтчö. Вот мийö веöтчимö, миян километра три, натътö, гөгөр шкоаö ветвыввимö. Да деревняас сэтчö воктам, деревня дынас, сэтөн вот öтiк керку вöи, вот сэтчö вöи строитiкас пуктöмась куквасö, дак сiа пыр горзiс. Горзö прямо, горзö.

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

Колдуннэс, тöдiссез, нiа уна сякöйсö вермасö керны. Ме видзи мöс. Мöс меам вöи нармальной, шесись йöвсыввис. А öтiкыс тожо говноввас токо пö сiа, татiсь женщинаыс öтö вöи. «Мыйнö, мöстö эн ли мылли высьты?» – йöрас нöбöта да. Сiа ведзис жö мöссö, ме ведзи жö. Сыөн одзас мунiс, меам бöрсинис мöсыс. Мыся: «Кыдз жö мöс, высьтытöм мöс, ведзан? Высьтi». – «А вöраыс тай öддьöн басöк». – «Но, – мыся, – мый басöк? Абу басöк». – «Уна, натътö, йöвсö ваяс». Мыся: «Мый? Тымö». Вот эттшöм басьни вöи. Рытнас воктiс – мöсысвөн вöраыс абу. Вöраыс абу! Литра-два ваис, ашынас асывнас меньше, рытнас меньше. За неделю вöраыс косьмис – некытшöм йöв эз во. <...> Ветви сы дынö бөр. «Римма, – мыся, – мыйвö сiдз керин? Мый ме тэйт умöльсö кери?» – «Эг-эг-эг, эг, нем эг кер». – «Кер, – мыся, – бөр». – «Эг ме нем кер».

Мöс сдaiтi. Арнас жö сдaiтi. За неделю вöраыс косьмис. Вот тэйт мöс. Колдун. Сэтшöм морттэсис, шуöны, опасайтчыны пö коö. Көркö бабö байтыввис: «Булавкасö пыр новйöт дынат, чтоб булавка пыр вöи. Булавкасö оз вермы сiйö этö керны». [Колдуйтны?] Ну. Да öшö тай сё шуасö: куаккетö зэвöт, колдуныс бокöт мунан да. [А тöдiсь и колдун – этö öтiк и сiа жö морт?] Öтiк, но колдунсö шуöны, сiа умöльсö токо керö, а тöдiсьыс и вермас лечитны невна.

(Демина Куд., СТВ, 1948)

Колдуны, они ведь еще, вот {когда} дом строят, если кому-то помогают да что (да), так некоторые, говорили, даже кукол кладут, кукол делают. И она (т. е. кукла) очень пугает. Вот {когда} мы учились, мы примерно за три километра, наверное, в школу ходили. К деревне подойдем, там был один дом, вот там при строительстве {дома} куклу подложили, так она всегда плакала. Плачет прямо, плачет.

Колдуны, знающие, они много всякого могут сделать. Я держала корову. Корова у меня была нормальная, шесть раз телилась. А одна тоже на говно только, говорят, {делала}, отсюда эта женщина была. «Что ино, корову не доила, что ли?» – {колдунья говорит}, когда веду в загон {корову на выпас}. Она выпустила корову, я тоже. У нее {корова} шла впереди, моя корова {шла} позади. Говорю: «Как же корову недоеной выпустишь? Доила». {Она мне:} «А вымя-то очень красивое». – «Ну, – отвечаю, – почему оно красивое? Некрасивое». – «Много, наверное, молока дает». А я ей: «А что? Хватает». Вот такой разговор был. Вечером пришла – у коровы вымени нет. Вымени нет! Литра-два дала, на следующее утро меньше, вечером {еще} меньше. За неделю вымя высохло – никакого молока не стало. <... > Сходила к ней снова. «Римма, – говорю, – зачем так сделала? Что я тебе плохого сделала?» – «Нет-нет-нет, нет, ничего я не делала». «Сделай, – говорю, – обратно». – «Ничего я не делала».

Корову я сдала. Осенью же сдала. За неделю вымя высохло. Вот тебе и корова. Колдунья. Таких людей, говорят, опасаться надо. Когда-то моя бабушка говорила: «Булавку всегда носи при себе, чтобы булавка всегда была. Булавку {носи, тогда} не могут это сделать». [Наколдовать?] Да. И еще всё говорили: кулаки сожми, когда с колдуном рядом проходишь. [А колдун и знающий – это один и тот же человек?] Один, но о колдуне говорят, {что} он плохое только делает, а знающий может и лечить немного.

[Эз баитö, что сiя вермас этö свадебшанасö пöртны кöиннэзö, ошшезö?] **Одзжык** пö пöртвыёмась, вот гедö* **миян** висътасьвис. **Сiа** **миян** висътасьвис этiйö, öтiк свадьба сiдз-ту керöмась. Но **женщина**ыс пö сьöкыт вööма, и сiйö адззöмась öвинiсь. **Одзжык** öвиннэз эд вöисö, ну. **Увтас** кыöны пö, кага горзö, кага горзö. Кыдз **пырасö**, сiа пö уж **выввысис** паськöмыс, кöда вöом сыön эд мöдöтчаныс, сiа сiсьмöма, токо куш **йа**ыс кольчöма **инька**ысвөн. И **вапаэз** пö кыздз кöинвөн. **Кагатö** вайöм уж öвин увтас ни. И вот сiйö вöи этö керöмась, токо Воскреснöй молитваэзön да **мый** да, дак куöма жö. [Кагаыс кулiс жö?] **Ачыс** куöма и. Висътасьöм: öддöн пö **коккез** кынмыввисö. Öддö пö кынмыввис, да заврёткаэз* пö сёйвыимö, кынöмным пö симаö да. Заврёткаэз – этö доддез тай да огобляэсö бергöтвöны... Лёмовöй сiа вöи.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

Сырсканын вöи öтiк колдун, мужык. Ме шковаын вевöтчи. И ме сывись туйсö поперегаи. И **миян** этчö, кок коасам, кишка кыздз ведзчисис. **Мамö** дынö воктi. «Мама, – мыся, – ме **ог** вермы ветвöтны». – «А **кин** тэныт, – шуö, – **пантасис?**» **Мыся:** «**Сырскансис** **Прокоп**». И сiя менö... Ме сывись туйсö поперегаи, сiя **меым** кива* öшöтiс. Тэ понимашь! Да мамö кайöтвис **Аразайö** вöвөн. Да **инька**окыс, **старука**ыс, менчим чертитiс. **Меам** кытчöкö мунiс сiя, вöсяис. «**Мыйвö**, – шуö, – **Прокопыс**вись тэ туйсö поперегаин?» А сiя, колдуныс, **оз** вермы терпитны. **Ковö** **мортыскöт** **пантасьны**, сё **ковö** колдунитны* **мыйкö**. Да мамö менö кайöтвис **Аразаяс** **кыкись**. **Старушка**ыс чертитiс, и **меам** чуваис. Тэ понимаешь? Чуваис! Сiя **морттэсö** токо колдунитiс. Сiя токо, **кин** **пантасяс**, **сыö** **мый**-нибудь да **керас**. **Мортысвö** **умöль** воас. А **меым** кива öшöтвис. Сiя, виднö, тöдiс быдöс.

(Трошева Куд., ХАХ, 1943)

[Не говорили, что он может свадебжан превратить в волков, в медведей?] Раньше, говорят, превращали, вот наш дед рассказывал. Он у нас рассказывал, {что} одну свадьбу так сделали. Но женщина (т. е. невеста) беременная была, и ее нашли в овине. Раньше овины ведь были, да. Снизу слышат: ребенок плачет, ребенок плачет. Как зашли {туда}, у нее, рассказывали, одежда, которая была на ней праздничная, сгнила, только голое тело осталось у женщины. И лапы, говорят, как у волка. Ребенка родила уже под овином. И вот ее сделали (т. е. отчитывали) Воскресной молитвой да что (да), но она умерла. [Ребенок тоже умер?] И сама она умерла. Она рассказала: очень ноги мерзли. Очень они мерзли и завертки ели, когда голодали. Завертки – это чем сани и оглобли соединяют... Черемуховые они были.

В Сырсане был один колдун, мужик. Я в школе училась. Я ему дорогу перешла. И у меня сюда, между ног, как кишка опустилась. Я пришла к маме. «Мам, – говорю, – я не могу ходить». – «А кто тебе, – спрашивает, – встретился?» Отвечаю: «Из Сырсана Прокоп». И он меня {сделал}... Я ему дорогу перешла, он мне *килу* повесил. Ты понимаешь! И мама меня увезла в Аразай на лошади. {Одна} женщина, старуха, меня чертила (т. е. лечила «зачерчиванием»). У меня куда-то ушло это, прошло. «Зачем, – говорит, – ты Прокопу дорогу перешла?» А он, колдун, не может терпеть. {Ему} надо с человеком встретиться, все надо колдовать. И мама меня возила в Аразай дважды. Старушка чертила, и у меня прошло. Ты понимаешь? Прошло! Он «колдовал» людей. Он, {если} только кто встретится, что-нибудь да сделает. Человеку плохо станет. А мне *килу* наслали. Он, видимо, знал все.

103

Этчин деревняын колдуныс вёома. Дак өтік женщина, нывка ёшө сіа вёом, сіа сыись токо то ли туйсё поперегаом, то ли мый ли. Дак сіа пö шуö: «Ме сійö сідз кера, сіа не өтік стопа* идзас сісътас». И эта нывкайт горбасяёма и век горба вёома. Вот ніа пö вермöны сійö керны.

(Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931)

104

Овисё кык сой, Овдя да... И нія, дедö мыля абу босьтöм инькаввас, мамöись мамсö босьтöма, и сіа сійö, дзöдзыв öктас и дзöдзыв пизьнас юктавас. Ырöш юöма сыись, быгъя эд пö ырöшыс. И сіа дзöдзыввес сэсся кынöмас понасö быдмыны. Вот нійö тожö шуисö колдуннэзöн. И сэсся арнас тшакъявны каяс. Сіа каяс, да сыön кынöмыс совсем ыждас, понас джоджөттис кыскасьны. Дзöдзыввес понасö öмөт и пельөт – быдваөт петны, öмөт, нырөт – омөн понасö петны. Сэсся дедö ведзчөтöма сійö телегаön. И сійö нія, дзöдзыввес, пöдтісö. А мамövö полгод токо. А потом этна, вöи чистö пыктöмась, чистö <...> кикок* быдöс и кынöм, и чистö сэтön потвасьöмась, быдöс куш вир токо вöи. Да сэтön и шуöны: «Вот, колдуньяэз, мортсö виит, дак асьныт, тожö небура куат».

(Демина Куд., СМН, 1949)

105

Степаникаön шуввисö, сіа мыйкö девяносто леттэöдз оис, дыр и дыр, и дыр оис. И висътасьыввис, что өтпыр женщина понöма беременной кызд воöма, кынöмыс дундö и дундö, и дундö. Но женщинаыт пö вёома уже в годах. И через какое-то время эта женщинаытвön мыйкö воас сэтшöм совсем уже невомоготу, и сіа в домашних условиях, видимо, решила вот ваяс, кага пö ваяс. Но сывön пö кагаыс понöма через задний проход петны дзодзув. Дзодзувыс уна и уна петіс, быдса таз пö петіс. И мийö сё пукаам и кывзам, и шуамö: «Кызд сіа дзодзувыс? Эд кынöмас коö сыö вовасьны?» И сіа, Степаникаыт, шуö: «Кагаэз, тійö тöдатö, миян вöи морт, и сіа этö дзодзувсö кутаас вöрсис. Сіа сэтісё керö пизь и öрöшас сіа, юаннэас, тожө сійö ведзö. И кöдыс юас, – пö, – и сывön кынöмас...». Насколько правда, ме сійö ог тöд...

(Трапезники Куд., БНП, 1955)

103

Там в деревне колдун был. И одна женщина, девушка она еще была, она у него только то ли дорогу перешла, то ли что. И он, рассказывали, говорил: «Я ей так сделаю, у нее не одна копна соломы сгниет». И эта девушка {стала} горбатой и всю жизнь горбатая была. Вот они (т. е. колдуны), говорят, могут это сделать.

104

Жили две сестры, Овдя и... Так как мой дедушка не взял их в жены, а взял у моей мамы маму, они ящериц поймали и мукой из ящериц ее напоили. {Моя бабушка} квас выпила у нее (т. е. колдуны), пенистый ведь квас. И эти ящерицы потом в животе стали расти. Вот их (т. е. сестер) тоже называли колдунами. И потом осенью {бабушка} за грибами пошла. Она пошла, и у нее живот сильно увеличился, стал по полу волочиться. Ящерицы стали изо рта и из ушей – отовсюду выходить, изо рта, из носа – отовсюду стали выходить. Потом дедушка привез ее на телеге. И ее ящерицы задушили. А моей маме полгода только {было}. А потом эти {колдуны} совсем опухли <...> руки-ноги, все, и живот, и все там потрескалось, все в крови было. И {люди} говорили: «Вот, колдуны, человека вы убили, так сами тоже нехорошо умрете».

105

Степанихой (т. е. женой Степана) ее называли, она до девяноста лет жила, долго-долго жила. И она рассказывала, что однажды женщина стала как беременная, живот растет и растет. Но женщина была уже в годах. И через какое-то время этой женщине стало совсем уж немоготу, и она в домашних условиях, видимо, решила вот рожать, ребенка {как будто} рожать. Но у нее ребенок стал через задний проход выходить – ящерица. Ящериц полным-полно вышло, целый таз, говорит, вышло. И мы все сидим и слушаем его (т. е. рассказ Степанихи) и спрашиваем: «Как это ящерицы {там жили}? Ведь нужно им было в животе {чем-то} дышать?» И она, Степаниха, ответила: «Дети, вы знаете, у нас был человек, и он этих ящериц ловил в лесу. Он из них делал муку, и в квас, в питье, тоже это пускал. И кто выпьет, у него в животе...» Насколько правда, я этого не знаю...

Сеня дядьё, сiа тюрмаын пукаис да сэтчин сiа кытшöмкö мужиккöt велöтчылöм. Дак сiа сыкöt занят вöлöм. Дак висьталöм вöли: «Менчим бось, – Анна Фёдоровнаыс мужикыс дынö, – менчим бось сiöс». А, видзöt, кулны, старик жö ни, дак лöсьöтчö, виднö. Дак: «Черыт тыр лoас». – «Ме, – пö, – сэтшöмас oг занимайтчы, меным сiа оз ков». – «Абу, – пö, – эд ылын. Мунан этчö?». Шорыс тай котöртö этчин, лун вылас поннан мунны. Сэтöн шор велдöрас, шор дорас двукöтажнöй керку, сэтöн пö сiа олö. Дак вот, сiа старикыс кулöм... Кулис да некинвö эз вермы сетны тöкö. Сiö пö сетöны, кин сiön занимайтчö, а мийö сiön страмнас oгö сiön занимайтчö, миянлö на чорт сiа нужен. Мед Ен сiö оз шу. Дак сiа мыйкö кулöм да кайсис Красноярскö (?) олнытö, зоныс дынö. Керкусö сё гöгралö, öшыннэас стукötö. Кин стукötö? Сiа и стукötö. Кин ся? Эз вермы некинлö сетнытö дак. А сiа тай татчö жö дзевисö. [А сiа сьöкыта кулис? Кокнита?] Эз, мучитчис. Эз вермы сетны, дак мый нö, ся сiа мучитчö сэтшöмыс. <...>

Колдуныслөн вот бессэыс и эмöсь помошниккеыс. [А нiа учöтикöсь?] Нiа вöрыс сулдаöсь. Сеня дядьöлөн... Сiа кытöнкö, виднö, сэтчин лун вылас олöма, да кыт местасö ытшкылöмась. Сiа öтик местас сэтчö понöм ытшкыны, иньыс шедöма куртнытö да кымöрöдззис петöм чечкöм морт и всё. Сiа ся мöдыс мунöм мужикыс дынö, висьталöм: этадз-этадз. «Тэ, – пö, – мыйлö сэтчö локтiн?! Мыйлö локтiн?! Тэнö кин корис?!» Сiö жö вартлис да сiö öшö эсся, иньсö <...> баняö иззэсвö пуксьöтлöм, каджжесö гладь сотлис мужикыс... Вот сiа мый сiö керис, мыля сiа сiö... <...> Сiа сыкöt связаннöй вöлöма, сiа сыкöt олöма, женшына сылөн вöлöма. Вот, кинлөн – женшына, кинлөн – мужиккез...

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

Колдунняас сiа пöртчö. Мыйкö баняö нуötас пö сiöс, мортсö, кöдö сетö бы мортыслö, сiö шыкötчыны* тöжö. Дак сiа эттшöм пö пон петö сэтчинись, и сiа öмö сэтчö öмас пырас, петас сiтанöттис и колдуння лoас. Но, сэтшöм понсö ме кыллi.

(Иванчино Гайн., ГАИ, 1930)

Мой дядя Сеня в тюрьме сидел и там с каким-то мужиком выучился {на колдуна}. Так он с ним (т. е. с лешим) знался. И он (т. е. дядя Сеня) сказал: «Моего возьми, – к мужу Анны Федоровны {обращается}, – моего возьми». А он уже был старик, так, видимо, умирать готовился. И {продолжает}: «Рыбы у тебя полно будет». – «Я, – отвечает, – таким не занимаюсь, мне это не нужно». – «Недалеко ведь, – говорит. – Пойдешь туда?» Ручей вон там бежит, на южной стороне. Там, над ручьем, на краю двухэтажный дом, там, говорят, он (т. е. леший) живет. Так вот, этот старик умер... Умер и никому не смог передать. Это, говорят, передают, кто этим занимается, а мы этим срамом не занимаемся, нам на черта он не нужен. Чтоб Бог нам не сказал. Так он умер, и {муж Анны Ф.} переехал в Красноярры жить, к сыну. Дом все по кругу обходит, в окна стучит. Кто стучит? Он (т. е. умерший колдун) и стучит. Кто больше? Потому что не смог никому передать. А ведь здесь же {его} и похоронили. [А он тяжело умирал? Легко?] Нет, мучался. Не смог передать, такой {человек} ведь мучается потом. <...>

У колдуна-то вот бесы и есть помощники. [А они маленькие?] Они как лес. У моего дяди Сени {было}... Он где-то, видимо, там, в южной стороне, жил, и в тех местах они косили. Там в одном месте он стал косить, и его жена пошла туда грести. И вышел белый человек ростом до неба, и все. Она потом пошла к мужу, рассказала: так и так. {Он ей говорит}: «Ты зачем туда ходила?! Зачем ходила?! Тебя кто звал?!» Ее избил и потом еще <...> в бане на камни посадил, зад {ей} весь обжег муж... Вот что он ей сделал, так как она... <...> Он с ней (т. е. с лешачихой) знался, он с ней жил, у него женщина была. Вот, у кого-то – женщина, у кого-то – мужчина...

Колдуньей она становится. В баню приведет, говорят, человека, которому отдать хочет, {чтоб тот мог} «портить» тоже. Так это такая собака выходит оттуда, и он (т. е. человек) в этот рот войдет, выйдет через задний проход и колдуньей станет. Да, о такой собаке я слышала.

Төдіссез... злые люди... Но, что нія вермасё умөльё мыйкё керны мортывё. Нія кыз бы мортё колдуют. Ну, например, сія вермас сійё колдуйтны, и мортывё мыйкё умөль воё. Зло желает.

Сійё пё, колдуныс если куас, сы дын оз туй павкөтчыны, сія сійё передаёт кинвөкё, колдовствосё. Если сія колдун, то сыё, кин сы бердө пё павкөтчас, сы дын сія перейдёт.

(Демина Куд., СГА, 1951)

Знающие... злые люди... Ну, они могут что-то плохое сделать человеку. Они как бы человека «портят». Ну, например, он (т. е. колдун) его «испортит», и человеку как-то плохо становится. Зла желает.

Говорят, колдун если умрет, к нему нельзя прикасаться. Он передает кому-то колдовство. Если он колдун, то кто к нему прикоснется, ему он (т. е. колдун) и передает.

ЗНАХАРРЕЗ

109

Меым токо кувны ни вѳи, нѳбѳтисѳ. И вовзьѳтисѳ стенокардиянас.

Меым вѳи сорок пять лет сѳк... Меам быдѳс отказало: меам геморрой, эстѳн доймѳ, меам печеням каменнез, сѳя кѳждѳй неделя меам приступ... Вот нѳль болезнь. Но, кувны и кувны... и тѳда, что ужѳ Т-ысвѳн мамыс лечитчис сѳтчин Юсьваас, ме муна жѳ, но ме ог вермы мунны. Вот сѳя уж сѳдз керасѳ, видимо: он вермы мунны. И кыдзкѳ эд М-ыс вѳи Конансис. «Кага, – шуа – тѳ эд безгрешнѳй, некыт ни ме ог вермы петны туйвас, туйсѳ ни ме ог адззы. Ветвам жѳ». И мунѳм, М-ыскѳт мунѳм. Вот и сы дын ме, знахаркаыс дын, пыри... Гавинчиись сѳя Машаыт, ме тай сѳдз шуа, а сыѳн фамиллѳ эм, и отчество эм, конешно, но сѳйѳ ог тѳд. Тѳдѳсьѳн шуѳны. Кокыс сыѳн абу, восемнащети лет коксѳ орѳтасѳ. Мунас малинавѳ да коксѳ мыррес коасын ѳштас... Но, и этчѳ ен одзас менѳ сувтѳтис, этчѳ меым иконкасѳ пуктис (мыччалѳ кымѳс вылѳ) и... «И ме, – шуѳ, – молитваэсѳ выддя, а тѳ суав». И ме некѳр ог горзы, меам синва некѳр абу, синваѳ меам шорѳйѳн пондѳс котѳртны, меам кѳждѳй клеткаѳ кыдз дзодзувѳн пондѳс вѳрны. Сѳя шуѳ: «Ой, тѳнѳ тай кувны керѳмась, тѳнѳ эд отвевайтѳмась покойникѳн. Ѳддѳн срашнѳй тѳыт керѳмась. Но, ме ог тѳд, кучисьва лечитны». Дак раз пять ме сы дын ветви.

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

110

Нѳйѳ лекаррезѳн шуѳны. [А нѳя кыдз лечитѳны?] А вот кыдз лечитѳны? Вот, например, тѳ сейчас шогаан, висьѳ тѳат, быдваѳть тѳат висьѳ, мукѳдыс матегавны*... Кѳда матегавѳ, кѳда мыйкѳ туруннѳзѳн да мый да этѳ керѳны.

(Мелюхино Юсьв., ТФФ, 1931)

ЗНАХАРИ

109

Мне только умереть уж оставалось, {когда} увезли {в больницу}. И помогли со стенокардией-то.

Мне было сорок пять лет тогда... У меня все отказало: у меня {был} геморрой, здесь болело, у меня камни {были} в печени, у меня каждую неделю {был} приступ... Вот четыре болезни. Ну, умирать так умирать... И знаю, что у Т-и мать лечилась там, в Юсьве, я тоже {решила} пойти, но я не могу идти. Вот это уж так сделают, видимо: не можешь идти. И была М-а из Конанова. «Дитятко, – говорю, – ты ведь безгрешная, никак уж я не могу выйти на дорогу, дорогу я не вижу. Давай сходим». И пошли мы с М-ей, пошли. Вот к знахарке я зашла... Из Гавина эта Маша, я-то так {ее} зову, а у нее фамилия есть, и отчество есть, конечно, но я их не знаю. «Знающей» называют. Ноги у нее нет, в восемнадцать лет ногу отрезали. Пошла за малиной и ногу между пнями потеряла... Ну, сюда перед божницей меня поставила, сюда мне иконку приложила (показывает на лоб)... «Я, – говорит, – молитву прочитаю, а ты стой». И я никогда не плачу, у меня слез никогда нет, {но тут} слезы у меня ручьем потекли, у меня каждая клеточка, словно ящерица, стала двигаться. Она говорит: «Ой, тебе, оказывается, на смерть сделали, тебя ведь отпевали с покойником. Очень страшное тебе сделали. Ну, я не знаю, попробую вылечить». Так раз пять я к ней ходила.

110

Их лекарями называют. [А они как лечат?] А вот как лечат? Вот, например, {если} ты сейчас болеешь, болит у тебя, везде у тебя ноет, некоторые {лекари умеют} делать массаж при помощи мыла... Кто-то делает массаж при помощи мыла, кто-то что-то травами да что (да) делает (т. е. лечат).

Миян көзиян уджаліс өддөн бур вөлөн. Ме уджалі вөрын ни, раньше рубкалө каим, а сіа өшө гортын вөлі. Сіа гортсянь мунас мамө өрдө Шоршаас. Вөл эттшөм здоровй, мый и лоас, туй вылын вөл поніс пө усьны, усьны, усьны. Но сійө шувлісө мыжаөн*... И сіа гортөдз локтас, карта вылө вөл йөртас. И вөл сэсся наплас сө куйлө – оз чеччы. И сылө уколлэсө и винаөн мыйкө юкталөмась. А ме вөрын, тожно висьталісө, что вот-вот, Космачөн шуисө, мыйкө пө сылө лоөма. Сэсся сылө өтік женщина миян, сяс абу ни, сіа сійө черөшланаліс*. И сійө, виднө, черөшланөлсө көрталіс, и сіа ашынас чеччөма. И конюкыс миян лэдзчас, и: «Мелехин, вөлыт, – пө, – чеччис и – “ө-гө-гө” – гөрдлө». <...>

Аслам менам вөлі, дак вот сіө верма висьталны. Менам ки пондіс висьны, и матшкаө* өшө. «Мыйнө, – мыся, – киө ни лоис? Висьө и висьө, и висьө». Меным тожо шуисө: «Колө черөшланалны». А меам Шоршаас вөлі тётка, и матшкаө: «Сэтчин мун, – пө, – өшлыны».

Өшлынытө ме тёткаө дынө муні. Сіа этадз пуктіс зыр комас и сэтчө черөшлан*, сійө тагөксө өшөтіс. И сіа пондіс лыддьөтны. А мый, ме том, да мый ме ылөста?! Сіа лыддьөтіс, лыддьөтіс, лыддьөтіс, и сіа төкө этадз бергөтчыштіс, еныс. Шуө: «Инми». [Сэтчө кытшөмкө эшө ен өшөтлісө өтлаөн?] Ну, өшөтіс черөшлан вылас, черөшлансө этадз ниткасө, сійө тагөксө. И сэтчө, виднө, енсө ли мылли жө. Ме кысь төда? Кыдзкө видзөтіс: кызд инмас – кин мыжйис, дак сэк сіа бергөтчө пө.

Сіа эд ылын вөлі сы дынсянь. Адззылі, что сіа вөрзис. Шуө: «Инми. Матшкайтлө висьтав, – матшкаөлөн вөлі мужик, сылөн первөй мужиксө, шуис, Степан нима вөлі, – сы вылө усис». А кызд сіа? Ме сійө эг төд, сіа менө эз төд. Кыдз бытытө сіа менө вермис мыжйыны? Гортө локті, мыся: вот-вот, тёткаө мый шуис. Да матшкаө кызд обедок* керліс, ся киө веськаліс тожно.

(Демина Коч., МНФ, 1931)

Наш хозяин (т. е. муж) работал на очень хорошем коне. Я уже работала в лесу, {мы} раньше на рубку пошли, а он (т. е. муж) еще дома был. Он из дома поехал к моей маме в Шоршу. Конь такой здоровый был, и что-то с ним случилось, по дороге стал, говорит, падать, падать, падать. Это называли «мыжа»... И он (т. е. муж) до дома дошел, в хлев коня загнал. И конь потом все лежал пластом – не вставал. Ему и уколы {делали}, и водкой как-то поили. А я в лесу {была}, потом сказали {мне}, что вот и вот, Космач {коня} звали, что-то с ним случилось. Потом одна женщина у нас, сейчас {ее} нет уже, ему «черешлан» сделала. И этот, видимо, «черешлан» «привязывали», и он (т. е. конь) на следующий день встал. Наш конюх пришел и {говорит}: «Мелехин, твой конь встал и – “и-го-го” – ржет». <...>

У меня у самой было, так вот это могу рассказать. У меня рука стала болеть, а свекровь еще {жива была}. «Что же, – говорю, – с рукой стало? Болит, и болит, и болит». Мне тоже сказали: «Нужно “черешлан” сделать». А у меня в Шорше была тетка, и свекровь {говорит}: «Туда (т. е. в Шоршу) сходи вешать».

Вешать я к тетке пошла. Она вот так положила лопату на кухне и туда «черешлан», этот хмель привязала. И она стала читать. А я молодая, что я пойму?! Она читала, читала, читала, и она только так повернулось, икона. Говорит: «Попало». [Туда какую-то икону еще вешали вместе?] Да, вешала {икону} на «черешлан», на «черешлан» вот так нитку, этот хмель. И туда, видимо, икону, что ли, {вместе} же. Я откуда знаю? Как-то она смотрела: как попадет, {если} кто покарал, так тогда он (т. е. «черешлан») поворачивается.

Она ведь далеко была от него. Я видела, что он сдвинулся {с места}. Говорит: «Попало. Свекрови скажи, – у моей свекрови был мужчина, у нее первый муж, она говорила, был по имени Степан, – на него упало». А почему он? Я его не знала, он меня не знал, как будто бы он мог меня покарать? Домой пришла, говорю: вот и вот, что тетка мне сказала. Моя свекровь поминки сделала, и только тогда моя рука прошла.

КУЛӖММЕЗ

112

Вот дедӧ вӧи куӧма Сиби́рас. А вонӧ эта, М. Л.-ыс, сӧя воктас, виднӧ, эшӧ токо училищеас веӧтчас ли мылли, Кудымкарас, эшӧ учӧт вӧӧма, да мунас кино́ввӧ. Кӧркӧ эд кино́эз мыччаввисӧ. А времё́йс, адззан: кино́йс деветь пондӧ́тчӧ, одинна́цеть кончайтчӧ. А мамӧ пукаӧма гор дорын, печко́м. А дедӧвӧн вӧӧма кӧртӧвӧй бедь, тростка, натьтӧ, сӧя. Сӧя сэтчин ыбӧ́сыс пӧ о́ссис, и вы́мсӧ пырьзӧ́тома. Некы́тшӧм вы́м пӧ абу пырьзӧ́тӧм – сэ́сся сӧя кы́дзи проверитас. Кинкӧ – ярс-ярс-ярс-ярс-ярс* – муніс и керку ыбӧ́свас – трин* – и всё. «Ме, – пӧ, – кы́дзи повзи и пукаа. Но! Эз тайнӧ керкуас пыр!» Но, и сэ́сся сідз жӧ точно М.-ыс ярс-ярс-ярс – воктас и керкуас пы́рас, через кытӧ́нкӧ пять минут. «М.-а, ме, – пӧ, – эд тӧнӧ шуи, кинкӧ тайнӧ тэ моз жӧ муніс». «Но́ко, – пӧ, – мы́мда времё́йс, мам». И вот видзӧ́тасӧ – кытӧ́нкӧ сколько-то минут двена́цетоо, а пятоо марта. И сэ́сся письмо́йс дедӧсянь воктас: куас пятоо марта в двена́цатом часу...

(Ошиб Куд., КРЛ, 1952)

113

Кӧркӧ гооднӧй годдэ́ас наро́дыс мы́мда куис! Кереникавӧн вӧӧас петна́цатилетьнӧй ны́в. Чики́сьыс пӧ ӧ́ддӧн ку́зь вӧӧма. Э́тадз пуксяс, сӧ́тан увтас сюрӧ́м. И сӧя Чу́кыль шаття́дззис кы́ссяс да ягӧ́дсӧ сё́яс. Да Чу́кыль шаття́с и ку́ас, да сӧ́йӧ некы́тчӧ э́з и дзебӧ́, натьтӧ́. Чики́сьӧ́ттис пӧ бы́дса гожум поннэ́йс ю́рсӧ кы́скаамась Виль Чу́кыля́с э́стӧн. И сӧя вот сӧя места́ын, пы́р сӧя места́ис, сӧ́я шаття́ис и чочком ны́вкасӧ адззы́вӧны. Сы́вӧн во́йс, натьтӧ́, ко́лис сэтчӧ́, и вот чочком ны́вка́йс, сӧ́я и мы́ччасьӧ. Ме сӧ́йӧ пы́р шуа: сы́ӧн э́д во́йс вевдо́рас ко́лис.

(Конаново Куд., КСК, 1930)

УМЕРШИЕ

112

Вот дед умер в Сибири. А брат этот, М. Л., он {тогда} {домой} приехал, видимо, только еще в училище учился, что ли, в Кудымкаре, еще подросток был, и ушел в кино. Тогда ведь {в деревенских клубах} фильмы показывали. А время, видишь: кино в девять начинается, в одиннадцать заканчивается. А мама сидела у печи, пряла. А у деда была металлическая палка, это, наверное, тросточка. Там {во дворе} дверь открылась, и снег {кто-то} оттряхнул. Никаких следов, {что кто-то снег} оттряхнул, нет, потом она проверила. Кто-то – *ярс-ярс-ярс-ярс-ярс** – прошел и в входную дверь – *трин** – и все. «Я, – говорит, – испугалась и сижу. Ну! Никто не зашел в дом!» Ну, и потом точно так же М. – *ярс-ярс-ярс* – прошел и в дом зашел, через пять минут примерно. «М., я, – говорит, – ведь на тебя думала, кто-то, как будто бы ты, прошел». «Ну-ка, – говорит, – сколько времени, мама?» И вот посмотрели – где-то сколько-то минут двенадцатого, пятое марта. И потом письмо от деда (т. е. от его родственников) пришло: умер пятого марта в двенадцатом часу...

113

Когда-то в голодные годы народу сколько умерло! У Кереники (т. е. жены Терентия) была пятнадцатилетняя дочь. Коса, говорят, очень длинная была. Вот так сядет, под попу {коса} попадала. И она до Чукулевской рощицы доползет и ягоды ест. И у Чукулевской рощицы и умерла, и ее нигде и не похоронили, наверное. Рассказывали, {что} за косу все лето собаки голову таскали здесь, в Виль Чукулевой. И вот в этом месте, всегда в этом месте, в этой молодой рощице, белую девушку видят. Ее душа, наверное, осталась там, и вот белая девушка показывается. Я всегда говорю: ее душа ведь на земле осталась.

Меам, вот пондісö водопрөводсö нюжөтны, и могилаыс петіс. Летнөй кухня понім гарйыны – сэтчин яма, чикись петіс. Но, нылка вöлөма. И сісся сіа мыйкө, көзяинө сэтчин поніс улыны, сіа сылө пö локтас да сё шуö: «Дедушка, ме бы сёя. Дедушка, ме бы сёя». Ме эсся пона, этадз страпайта, и петкөтны, петкөтны понді. Сэтчин пондімө сёйны, касьтисны – успокоилась. И эта миян чистö вöлөм могильник.

(Юксеево Коч., ПАГ, 1941)

Уджалі скорөйын, и миян вöлі больница. Я фельшер. Кузь и кузь коридор, но биэз быдлаын сотчисö, а ме пукалі вот этчин, угöлас, и лыддьöті книга. А време^мс вöлі, ме уджаллі до часу, и време^мыс ужö пол первово ни вöлі. Кыла, миян сэтчин кык ыбöс вöлісö, и кык ыбöс, и ёна өддьөн шваткөтісö. Первөй ыбөссö кинкө осьтіс – шват* токо игналіс! Мөд ыбөссö осьтіс – шват токо игналіс! И кыла, кирзөвөй сапоггез, начит, – тарс-тарс, тарс-тарс, тарс-тарс. Локтіс ме дынөдз, этчö ыбөсыс дынөдз локтіс, пуксис дзурк-вирк. Миян вöлісö сиденнеэз сэтшөмөсь, дзурк-вирк. Ме пукала, и, начит, шуа, мыся: «Кин нө?» Пукті книгасö, ачым пукала, шуа, мыся: «Мый нө?» Книгасö пукті, ог ни лыддьөт. Мыся: «Кин нө оз пыр? Пырö, локтітö дак». Ачым пукала. Тишина-а. «Но! – мыся, – Мый нө? Кинкө роч я мый я пырис? По-русски говорю? Заходите». Тишина-а. «Но! – мыся. – Кин нө сэтчин, татарин ли мылли ни пырис?» Петі – некин абу. Но ме сэтчөдз ползи, потому что менö пользөтлісö ни сэк, көркө вундалісö кулөммесö өткляын, вот сэтөн угöлас жö, коридорас. Ме книгаос этадз бөсьті и бөрөн-бөрөн, бөрөн-бөрөн петі и пыри стационарö сэтчин. Шофёр скорөйсис шуö: «Мый нө, Нина, ползөмат тай». Мыся: «Эг». – «А видзөт жö рөжаыт кытшөм чочком»²⁵.

(Кочево, ТНН, 1946)

²⁵Далее рассказ продолжается на русском языке: «И что это было, вот я щас не... Или книгу я читала, или чуть-чуть, может быть, уснула, или когда-то слышала, что здесь, значит, покойников резали, может быть что-то это <...>. Слышали вот в этом, значит, где я работала на скорой, в окнах видели мертвых. Те, значит, мужчины или женщины, которые уже умерли, они показывались в окнах, которых тут резали, якобы. Но я этому, конечно, не верила. Слышалась музыка: гармошка, значит, играла, пляски какие-то. Вот это говорили».

У меня, вот стали водопровод проводить, могила вышла. Для летней кухни стали копать {яму для фундамента} – там в яме коса вышла. Ну, девушка была {похоронена}. И потом она что-то – муж стал там ночевать – она к нему, говорил, приходила {во сне} и все просила: «Дедушка, я есть хочу. Дедушка, я есть хочу». Я потом стала, когда постряпаю, выносить, выносить стала. Там (т. е. на кухне) стали есть, поминать – успокоилась. И этот {населенный пункт} у нас весь был {построен} на кладбище.

Я работала в скорой помощи, и у нас была больница. Я фельдшер. Очень длинный коридор, но свет везде горел, а я сидела вот там, в углу, и читала книгу. А время уже, я работала до часу, времени уже половина первого было. Слышу, у нас там две двери были, и две двери эти очень сильно хлопали. Первую дверь кто-то открыл – хлоп! – потом закрыл! Другую дверь кто-то открыл – хлоп! – потом закрыл! И слышу: кирзовые сапоги, значит, – *тарс-тарс**, *тарс-тарс*, *тарс-тарс*. Дошел до меня, сюда до двери дошел, сел – скрип-скрип. У нас были сидения такие, скрип-скрип. Я сижу и, значит, говорю: «Кто {там}?» Положила книгу, сама сижу, говорю: «Что {там}?» Книгу положила, уже не читаю. Говорю: «Кто не заходит? Заходите, если пришли». Сама сижу. Тишина-а. «Ну! – говорю, – Что же? Кто-то русский, что ли, зашел? По-русски говорю? Заходите». Тишина-а. «Ну! – снова спрашиваю. – Кто же там, татарин, что ли, уже зашел?» Вышла – никого нет. Но я до того испугалась, потому что меня пугали уже тогда, когда-то резали здесь умерших в одном месте, вот там в углу, в коридоре. Я книгу вот так взяла и попятилась, и задом вышла, и зашла в стационар. Шофер скорой говорит: «Что-то ты, Нина, испугалась?» Отвечаю: «Нет». – «А посмотри, лицо у тебя какое белое».

УКАЗАТЕЛЬ МОТИВОВ К ПУБЛИКУЕМЫМ ТЕКСТАМ

Данный указатель решает две задачи: он позволяет показать коми-пермяцкие мифологические представления, отраженные в корпусе публикуемых текстов, в более формализованном структурированном виде, и тем самым помогает исследователю быстрее найти нужные мотивы. Разделы указателя сформированы по персонажному принципу, каждый раздел делится на более частные рубрики, отражающие набор функций, типичных для этих мифологических персонажей. Подобный подход ранее не раз использовался при составлении указателей к русской сказочной прозе [Айвазян, Якимова 1975] и мифологическим текстам, представляющим отдельные (этно)региональные традиции: восточносибирскую [Зиновьев 1987], полесскую [Виноградова, Левкиевская 2010 и 2019] и др.

При выделении и формулировании мотивов, насколько это было возможно, соблюдается персонажно-предикатный принцип. Мотив понимается как «одноактный микросюжет, основной которого является действие» [Мелетинский 1983: 118]. Действие – предикат, от которого зависят субъект, объект, их число и характер, – и мотив должен охватывать эту структуру целиком [Там же: 118] (например, «Баннные духи подменяют ребенка, оставленного в бане без присмотра»). Однако подход этот в указателе выдерживается не всегда: в ряде случаев мотивы объединяются в более крупные повествовательные структуры либо, напротив, из них выделяются более мелкие элементы. Это объясняется желанием учесть удобную и ставшую популярной схему описания мифологических персонажей, разработанную (на материале славянской демонологии) представителями московской этнолингвистической школы [Виноградова, Толстая 2000: 60–67]. Так, в указателе выделяются локусы, в которых обитают / появляются мифологические персонажи («Дух бани сидит в банном углу, выходит из угла», «Дух леса живет / встречается в поле»), характеризуются особенности их речевого поведения («Домовой отвечает шепотом», «Икота бывает «немая»: кричит, “икает”»), перечисляются обереги и т. д.

При составлении отдельных разделов оказался полезным опыт исследователей, разработавших подробные указатели мотивов, связанных с конкретными мифологическими персонажами или группами персонажей. В частности, блок «Люди с магическими свойствами (колдуннэз, знахаррез)» составлен с учетом указателя к архангельским текстам о «знатках, ведунах и чернокнижниках» [Петров 2013], блок ««Вселяющиеся» духи (икота)» – с учетом рабочей версии указателя, посвященного этому мифологическому персонажу в традиции Верхокамья [Христофорова: электрон. ресурс].

Основная структура указателя такова:

I. НЕЧИСТАЯ СИЛА (ЧУДДЭЗ)

I.A. Духи дома и двора (керкуись чуддэз)

I.B. Духи бани (баняись чуддэз)

I.B. Подмененные дети (вежѳм кагаэз)

I.G. Духи прочих построек (мѳдік чуддэз)

I.D. Духи поля (ыб вылісь чуддэз)

I.E. Духи леса (вѳрись чуддэз)

I.Ж. Духи воды (ваись чуддэз)

I.З. Черти, сезонные духи (куллез, святочнѳй чуддэз)

I.И. Духи, которыми пугают детей (боболлез да каляннэз)

I.K. «Вселяющиеся» духи (икота)

II. ЛЮДИ С МАГИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ (КОЛДУННЭЗ, ЗНАХАРРЕЗ)

III. УМЕРШИЕ (КУЛѳММЕЗ)

Эта структура соотносится, хотя и не полностью совпадает, с разделами, по которым распределены публикуемые тексты.

Применительно к коми-пермяцким персонажам низшей демонологии – духам пространства решено было отказаться от устоявшихся обозначений, используемых при работе с русскими мифологическими текстами. Такие персонажи обозначены по основному месту обитания / появления: не «домовой и дворовой», а «духи дома и двора», не «леший», а «духи леса», не «водяной» и «русалка», а «духи воды», и т. д. Хотя соответствующие русские обозначения знакомы коми-пермякам – носителями традиции, более частотными и типичными в коми-пермяцких мифологических рассказах являются другие названия, как

заимствованные из русского языка (например, *суседко*), так и собственные (*вакуль* ‘водяной черт’). Кроме того, обозначения по принадлежности к пространству позволяют учесть всех персонажей, появляющихся в данных локусах: в поле ходит не только полудница, но и *лешак*, в доме может хозяйничать не только домовый, но и подброшенная колдуном кукла (*акань*), а в заброшенном жилище – *чуд*.

Некоторые группы мифологических персонажей разграничены с известной долей условности. В живой традиции размыта грань между чертом/бесом и сезонными (святочными) духами. Домовой и водяной фигурируют и в актуальных верованиях, и в текстах для запугивания детей. Нередко смешиваются колдун, знахарь и прочие магические специалисты, называемые в быличках общим словом *тöдiсь* ‘знающий’. В указателе эти персонажи разнесены по разным разделам для удобства поиска нужных мотивов.

Блоки описания в разделах и подразделах выделены в соответствии с логикой выбранной аналитической модели и самих текстов. Большая часть публикуемых записей относится к быличкам (сюжетным повествованиям), однако в сборник включены и поверья – несюжетная вербализация «общего знания» носителей традиции. Номинации мифологических персонажей не выделены отдельно, но сохранены в формулировках мотивов и набраны курсивом (*лешак*, *лешачиха*, *вöрись*, *вöровöй*). В кавычки заключены непереводимые на литературный язык понятия и выражения, в том числе те, для которых при переводе найдены эквиваленты, сложившиеся в русской народной речи (дух леса «водит», колдун «делает на смерть»). Некоторые мотивы, тесно связанные друг с другом, попали в разные разделы, они снабжены специальными ссылками: → см. Указ. (далее следует обозначение мотива по данному указателю).

Также в некоторых случаях для сравнения даются отсылки к указателям мотивов русских и восточнославянских быличек. Учтены следующие издания: «Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» С. Айвазян – [Айв.]; «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В. П. Зиновьева к восточносибирским записям – [Зин.]; «Указатель

сюжетов-мотивов быличек» К.Э. Шумова и Е. Преженцевой [Шумов, Преженцева 1993: электрон. ресурс] к пермским, севернорусским и сибирским текстам – [Шум.]; указатель Н. В. Петрова к сборнику «Знатки, ведуны и чернокнижники» с архангельскими материалами – [Петр.]; «Указатель сюжетов и мотивов мифологических текстов об икоте» О.Б. Христофоровой к верхокамской традиции – [Хр.]; «Указатель мифологических мотивов» к сборнику «Народная демонология Полесья. Т. 1» – [Полес.І], «Народная демонология Полесья. Т. 4» – [Полес.ІV]. Отсылки оформляются так: → ср. Айв.; ср. Зин.; ср. Шум.; ср. Петр.; ср. Хр.; ср. Полес.І; ср. Полес.ІV (далее следует номер соответствующего мотива).

І. НЕЧИСТАЯ СИЛА (ЧУДДЭЗ)

І.А. Духи дома и двора (керкуись чуддэз)

І.А.1. Внешний вид духов дома и двора

- І.А.1.1. Домовой невидимый (28)
- І.А.1.2. Домовой маленького роста (1)
- І.А.1.3. *Домовик* большой – размером с ребенка (14)
- І.А.1.4. Дух дома – мохнатый человек (14); бывает и голый, и мохнатый (16)
- І.А.1.5. *Суседко* – мужского пола: когда давит, садится попой на руки, у него мохнатые яички (20)
- І.А.1.6. *Суседко* черного цвета (20)
- І.А.1.7. *Суседко* имеет вид черной кошки (15)
- І.А.1.8. Духов дома несколько: у каждого члена семьи свой *суседко* (3)

І.А.2. Места обитания / появления духов дома и двора

- І.А.2.1. Дух дома живет в подполье (3, 4, 5, 14) → Ср. Полес.ІV 3в
- І.А.2.1.а. *Домовик* живет в подполье, а *суседко* – в доме (26)
- І.А.2.2. Домовой живет в углу у дверей, возле порога (16)
- І.А.2.3. Домовой не может жить в передней части избы, потому что там иконы (16)
- І.А.2.4. Дух дома и двора обитает в конюшне, в хлеву (24, 26); *картаусь* – покровитель хлева (25)
- І.А.2.5. *Чуд* живет в пустом доме (31)

І.А.3. Действия духов дома и двора

- І.А.3.1. Дух дома прядет (6, 7, 8, 9, 26) → ср. Айв. Б.І.5.д; Шум. 2.7; Полес.ІV 5ф, 8э

- I.A.3.1.a. *Суседко* прядет плохо, комкает кудель (7)
- I.A.3.1.б. *Суседко* во время прядения издает звуки: шумит веретеном: *шы-ы-ыр* (9); крутит веретено по полу: *тор-р-р тор-р-р* (8)
- I.A.3.1.в. *Суседко* прядет перед несчастьем (8, 9).
- I.A.3.1.г. Чтоб дух дома не прят, надо перекрестить прялку, кудель, веретено (6, 7) → ср. Шум. 5.10
- I.A.3.2. *Суседко* моет посуду – слышен звук: *жиль-жоль* (10)
- I.A.3.3. Домовой ходит по полу: *чуш-чуш* (10, 16)
- I.A.3.4. Дух дома роняет и ломает вещи, прячет их (12, 16); сбрасывает с божницы иконы (4)
- I.A.3.5. Дух дома пугает
- I.A.3.5.a. Дух дома стаскивает со спящего человека одеяло, трясет за плечи (2, 12)
- I.A.3.5.б. Дух дома давит спящего: тянет к нему руку, ложится на край кровати (14); сжимает, гнет – у человека ломит кости (19); садится на человека, его ноги или руки – тот цепенеет, не может шевелить ногами и руками, дышать, кричать (13, 15, 16, 17, 18, 20)
- I.A.3.5.в. Женщине снится, что *домовик* ее давит, гонится за ней, хочет задушить; она в испуге просыпается – никого нет (14)
- I.A.3.5.г. Дух дома пугает, если его не кормят (2, 14) → см. Указ. I.A.4.1
- I.A.3.5.д. *Чуд*, живущий в пустом доме, издает стук, гладит вошедшего (31)
- I.A.3.5.е. Кукла (*акань*), подложенная колдуном при строительстве дома, плачет (99) → см. Указ. II.B.4.1 → ср. Зин. BIV7a, BIV2
- I.A.3.6. Дух дома предсказывает будущее
- I.A.3.6.a. Дух дома выдает свое присутствие, пугает – предупреждает о несчастье, болезни (2, 4, 12)
- I.A.3.6.б. Дух дома может давить и к добру, и к худу (16, 17)
- I.A.3.6.в. Дух дома давит перед несчастьем: жену – перед смертью мужа (20); мужчину – перед сильной болезнью (19), перед призывом на войну, откуда он возвращается калекой (18)
- I.A.3.6.г. Дух дома давит молодую женщину – к беременности (15)
- I.A.3.7. Дух дома общается с жильцами
- I.A.3.7.a. Дух дома отвечает на вопрос, к добру или к худу он появился (16, 17, 18, 19); отвечает только перед чьей-то смертью (9) → ср. Зин. B19a; Петр. XIII.Г.1.4

I.A.3.7.б. Домовой грубит в ответ на вопрос, материт спрашивающего (18, 19)

I.A.3.7.в. Домовой отвечает шепотом (16)

I.A.3.8. Домовой, если его не кормят, может подменить оставленного без присмотра младенца (43) → см. Указ. I.A.4.2; I.B → ср. Айв. Б.І.11

I.A.3.9. Дух дома путает волосы, плетет женщинам косы (12, 21, 22, 23) → ср. Зин. БІ29

I.A.3.9.а. Коса, сплетенная духом дома, называется *суседко балича* ('коса суседки') (23)

I.A.3.9.б. Косу, которую сплел дух дома, невозможно распутать (23)

I.A.3.9.в. Косу, которую сплел *суседко*, нельзя обрезать, иначе случится несчастье, смерть (22) → Ср. Полес. IV 7з

I.A.3.10. Дух дома и двора воздействует на домашний скот

I.A.3.10.а. Дух дома и двора плетет лошадям косички, спутывает хвост и гриву (24, 26) → ср. Зин. БІ8б, БІ8и

I.A.3.10.б. Дух дома и двора (*картаись, дед*) катается на лошадях, обижает их – они становятся беспокойными, потными (24, 25)

I.A.3.10.в. Чтобы дух дома и двора не обижал лошадей, его надо кормить (25)

I.A.4. Действия людей по отношению к духам дома и двора

I.A.4.1. Духов дома и двора нужно кормить: приглашать с собой к столу (2), оставлять еду (1, 5, 14, 25, 43)

I.A.4.1.а. Домовому оставляют конфеты, хлеб с солью, воду (1, 14, 43)

I.A.4.1.б. Еду для домового оставляют в подполье, на столе (1, 5, 14), ничем не накрывают (1)

I.A.4.2. Маленького ребенка защищают, чтоб его не подменил дух дома: кладут рядом икону и крестик, оставляют еду для домового (43) → см. Указ. I.B

I.A.4.3. Духа дома и двора прогоняют

I.A.4.3.а. Домового могут прогнать поп, монашка (10)

I.A.4.3.б. *Суседку* можно прогнать *Воскресной молитвой* (11)

I.A.4.3.в. *Суседко* в доме хозяин, его нельзя прогонять: начнутся несчастья (11)

I.A.4.4. Духа дома и двора зовут с собой в новый дом (27, 28)

I.A.4.4.а. Домового зовут с собой, открыв дверцу подполья (29)

I.A.4.4.б. Человек, который зовет домового, должен держать посуду с квашней (30)

І.А.4.4.в. Если домового оставить в старом доме, он будет баловаться, сделает что-нибудь плохое (30)

І.А.5. Словесные формулы

І.А.5.1. Вопрос духу дома, когда он давит: «(Тэ) бур одзын или умоль одзын?» («(Ты) перед хорошим или перед плохим?») (15, 16, 20); «Бур одзын – не бур одзын тэ менё уморочитан?» («Перед хорошим {или} не перед хорошим ты меня давишь?») (19); «Бур одзын, не?» («Перед хорошим, нет?») (17); «Кудё или добро?» («Худо или добро?») (18)

І.А.5.2. Приглашение к трапезе: «Домовушка-батьюшко, сохранит, спаси меня и подойди ко мне, я тебе гостинцы положу. Аминь, аминь, аминь» (1); «Суседку, суседку, клёб, нянь-сов; суседку, суседку, клёб, нянь-сов» («Суседко, суседко, хлеб, хлеб-соль; суседко, суседко, хлеб, хлеб-соль») (5)

І.А.5.3. Приглашение к переезду в новый дом: «Лок миянкёт отлаён тожо, пондё олны» («Пойдем тоже с нами вместе, начинай {с нами} жить») (27); «Суседку, лок, мунам ся» («Суседко, пойдем, пойдем») (28); «Вок, вок, домовик, пет, пет, эн кольччы отнат, мунамё отваён, ог коль ме тэнё» («Пошли, пошли, домовик, выходи, выходи, не оставайся один, пошли вместе, не оставляю я тебя») (29); «Но, суседко-батьюшко, давай мунамё, петамё виль керкуё» («Ну, суседко-батьюшко, давай пойдем, перейдем в новый дом») (30)

І.Б. Духи бани (баняись чюддэз)

І.Б.1. Внешний вид духов бани

І.Б.1.1. Дух бани маленького роста (33, 36)

І.Б.1.2. Дух бани – старик: маленький и очень старый (33); *баницик* – зеленый старик с большими глазами (32)

І.Б.1.3. Дух бани с рогами: рогатый *бес*, *чёрт* (40); банник – маленький мохнатый человечек, рогатый, ушастый, со светящимися глазами (36)

І.Б.1.4. Банные бабушки (*баня-бабушкаэз*) показываются в виде девушек, у них коровьи ноги (42)

І.Б.2. Место обитания / появления духов бани

І.Б.2.1. Дух бани сидит в банном углу, выходит из угла (33, 36)

І.Б.2.2. Дух бани выходит из-под полки, поднимая доски (40)

І.Б.3. Действия духов бани

І.Б.3.1. Дух бани выдает свое присутствие, пугает

- І.Б.3.1.а. Дух бани показывается в виде старика, потом исчезает (33)
- І.Б.3.1.б. Дух бани выходит из-под полки – человек убегает (40)
- І.Б.3.1.в. Дух бани насылает угар: показывается человеку – тот теряет сознание (36)
- І.Б.3.1.г. В бане, где живут *банные бабушки*, слышны пение и пляска (42)
- І.Б.3.1.д. *Банные бабушки* показываются парню в виде девушек – он узнает их по коровьим ногам и убегает; они разрывают его одежду (42)
- І.Б.3.2. Дух бани наказывает человека за нарушение правил → ср. Зин. Б.ІІ.2, Шум. 5.5, 5.7
- І.Б.3.2.а. Банник, которому не оставили воды, сбрасывает на пол таз и ковш, уходит из бани, может сделать так, чтоб человек угорел (34)
- І.Б.3.2.б. Дух бани пугает тех, кто пришел мыться в «третий жар» (32)
- І.Б.3.2.в. *Баннный чуд*, *калян* пугает тех, кто пришел мыться в полночь (35, 37)
- І.Б.3.2.в.1. *Баннный чуд* пугает женщину, которая стирает в бане ночью: у нее под ногами поднимается пол, она убегает (38)
- І.Б.3.3. Дух бани губит человека
- І.Б.3.3.а. Банные духи могут задушить (40, 41)
- І.Б.3.3.а.1. *Банные бабушки* душат тех, кого невзлюбят (41)
- І.Б.3.3.б. *Чуды*, *банные бабушки* засовывают в печь человека, который моется поздно вечером один (39, 41)
- І.Б.3.4. Дух бани подменяет человека → см. Указ. І.В → ср. Зин. VI16
- І.Б.3.4.а. Банные духи подменяют ребенка, оставленного в бане без присмотра (42, 43, 44).
- І.Б.3.4.б. Дух бани подменяет взрослого человека, который моется после полуночи: он сильно болеет, сходит с ума (44)

І.В. Подмененные дети (вежѡм кагазз)

І.В.1. Особенности подмененных детей

І.В.1.1. Ребенок, которого подменила нечистая сила, беспокоится и плачет (44); плохо растет, не может ходить, становится ненормальным, у него бывают припадки (43) → см. Указ. І.А.3.8; І.Б.3.4

І.В.2. Магическое воздействие на подмененных детей

І.В.2.1. Если подмененный в бане ребенок плачет, нужно, чтобы *бабушка* побрызгала его водой с угольками (44) → см. Указ. ІІ.Ж

I.B.2.2. Чтоб вернуть настоящего ребенка, нужно «рубить» подмененного под корытом, произнося специальные слова (43)

I.B.3. Словесные формулы

I.B.3.1. Ритуальный диалог для замены подмененного ребенка настоящим: «Мый масьтан?» – «Кага масьта». – «Мый масьтан?» – «Кага масьта. – «Мый масьтан?» – «Кага масьта» ('Что рубишь? – Ребенка рублю. – Что рубишь? – Ребенка рублю. – Что рубишь? – Ребенка рублю') (43)

I.Г. Духи прочих построек (мөдік чүддээ)

I.Г.1. Внешний вид, имена и место обитания духов построек

I.Г.1.1. *Суседко*, живущий на мельнице, показывается в белом платке (48)

I.Г.1.2. *Суседко*, живущий в детском саду, маленького роста, весь белый или с черными ногами (49)

I.Г.1.3. Нечистый дух, живший в школе, – маленький старик с рыжей бородой (50)

I.Г.1.4. На гумне живет *гуменник* – покровитель этого места (45)

I.Г.1.5. На гумне живут «большие» / *дьяволы* (46)

I.Г.1.6. Нечистый дух, живший в школе, имеет личное имя / прозвище: *Гэрд Тош* (*Гөрд Тош* – 'Рыжая борода')

I.Г.2. Действия духов построек

I.Г.2.1. Дух постройки показываются человеку (48)

I.Г.2.1.а. Сторожу показывается *суседко*, тот его прогоняет, материт – *суседко* исчезает (49)

I.Г.2.2. Дух постройки предсказывает будущее: показывается перед несчастьем

I.Г.2.2.а. Нечистый дух, живущий в школе, пугает, бежит по коридорам – школа сгорает (50)

I.Г.2.3. Духи построек взаимодействуют с гадающими → см. Указ. I.3

I.Г.2.3.а. Люди гадают возле молотильного тока, сидя на шкуре – «большие» / *дьяволы* / *черти* тащат их к реке, под овин (46, 47).

I.Г.2.3.б. Чтобы нечистая сила не утащила гадающих возле гумна или молотильного тока, нужно начертить клюкой круг, войти в него след в след, взять с собой икону (46)

I.Д. Духи поля (ыб вылісь чүддээ)

I.Д.1. Внешний вид духов поля

I.Д.1.1. Полудница (*вуншөрика*) – женщина (51)

І.Д.2. Места обитания / появления духов поля

І.Д.2.1. Полудница (*вуншѳрика*) живет в хлебном поле (51)

І.Д.2.2. «Большой» / *лешак* ходит по цветущему хлебному полю, пугает людей (51)

І.Д.3. Действия духов поля

І.Д.3.1. Полудница (*вуншѳрика*) ухаживает за зерном (51)

І.Д.3.2. «Большой» / *лешак* может «унести цвет», повредить зерно в колосьях, если во время цветения хлебного поля ходить и шуметь там (51)

І.Е. Духи леса (вѳрись чуддэз)

І.Е.1. Внешний вид и имена духов леса

І.Е.1.1. Дух леса высокого роста → ср. Айв. А.І.1.д; Петр. XIII.А.3.2.3; Полес.ІV 2а

І.Е.1.1.а. Леший – большой человек, мужик «выше елей» (52, 53, 55, 56, 58, 63); *бесы* «как лес» (106)

І.Е.1.1.б. *Лешачиха* – белый человек высотой «до неба» (106)

І.Е.1.2. Леший – старик (60, 63)

І.Е.1.3. У лешего нет ресниц (58)

І.Е.1.4. Леший меняет обличье: показывается животным, потом человеком (63)

І.Е.1.5. Леший принимает обличье кота (63)

І.Е.1.6. *Лешачиха* – женщина, закутанная в шаль (54)

І.Е.1.7. У духа леса есть личное имя: *Световласий-батюшко* (55)

І.Е.2. Места обитания / появления духов леса

І.Е.2.1. Дух леса живет / встречается в лесу (52, 55, 60), на покосе (53, 106)

І.Е.2.2. Дух леса живет над ручьем в двухэтажном доме (106)

І.Е.2.3. Дух леса живет / встречается в поле (55), на дороге у поля (52)

І.Е.2.4. Леший «водит» человека по кладбищу (58)

І.Е.2.5. *Лешачиха* показывается на ферме: сидит в хлеву (54)

І.Е.2.6. Лесной (*вѳрись*) после захода солнца заходит в поселение, стучит в окна (62)

І.Е.2.7. Дух леса может войти в дом (64)

І.Е.2.7.а. Лесной (*вѳровѳй*) выходит ночью из-под порога в виде кота (63)

І.Е.3. Действия духов леса

І.Е.3.1. Дух леса показывается человеку, пугает

- І.Е.3.1.а. Женщина собирает ягоды – *лешак* / лесной дядя (*вөрдыдь*) проходит мимо (53)
- І.Е.3.1.б. Лесной (*вөрись*) бежит впереди; увидевший его читает *Воскресную молитву* – тот исчезает (52)
- І.Е.3.1.в. Женщина открыла ночью дверь и не перекрестила ее – в дом проник лесной (*вөрвой*), напугал хозяйку (63)
- І.Е.3.2. Дух леса предсказывает будущее
- І.Е.3.2.а. Дух леса показывается, пугает перед несчастьем (56)
- І.Е.3.2.б. Леший пугает перед смертью: хватает человека за шею, поднимает от земли, ударяет по спине, опрокидывает корзину с грибами, прогоняет из леса домой: «*Мый тэ меам вөрөт и ветлөтан?*», «*Мун гортат*» (‘Что ты по моему лесу ходишь?’, ‘Иди домой’) – человек вскоре умирает (55)
- І.Е.3.3. Леший «крадет дорогу», «водит» (58)
- І.Е.3.3.а. Леший «крадет дорогу» у человека, который вышел ночью без благословения (58)
- І.Е.3.4. Дух леса забирает и возвращает скот (56).
- І.Е.3.5. *Лешак* сожительствует с женщиной (57)
- І.Е.3.5.а. Женщины, с которыми сожительствует *лешак*, рано умирают (57)
- І.Е.3.6. *Лешачиха* сожительствует с колдуном (106) → см. Указ. II.В.1
- І.Е.3.7. Лесной (*вөрись*) вечером стучит в окна домов – просит есть; окна нужно закрывать ставнями (62)
- І.Е.3.7.а. Лесному / *бесам* попадает еда из того дома, где люди ругаются (62)
- І.Е.3.8. Лесной / *бесы* перестали ходить по улицам и стучать в окна, т. к. бояться «механизации» (62)
- І.Е.3.9. Теперь лешие ходят вместе с людьми, их не бояться (64)
- І.Е.3.10. Дух леса слышит, когда его упоминают
- І.Е.3.10.а. Когда упоминают лешака, ему это нравится: он становится быстрым, пляшет так, что изнашивает лапти (59)
- І.Е.3.11. Дух леса уводит ребенка, которого ругает, проклинает мать (60, 61) → ср. Айв. А.І.7; Зин. АІ7, АІ7а; Петр. ХІІІ.Е.9.2
- І.Е.3.11.а. Девочка, которую увел леший, сидит под елкой, играет «куклами» – деревянными зубьями от бороны (60)
- І.Е.3.11.б. Дети, которых уводил леший, не живут долго (60)

1.Е.4. Действия людей по отношению к духам леса

1.Е.4.1. Если теряется скот или человек, лешему несут в лес еду (56)

1.Е.4.1.а. Хлеб для лешего оставляют на пне (56)

1.Е.4.2. Если теряется скот или человек, пишут лешему послание, чтоб найти пропажу (56) → ср. Петр. VI.Н.2.3

1.Е.4.2.а. Послание для лешего пишут особым образом: на дереве, сажей или ножом (56)

1.Е.4.3. Человеку, которого «водит» леший, видится чья-то рука; он оказывается у могилы друга, обещает помянуть его бутылкой водки – сразу находит дорогу (58) → см. Указ. III.Б.4

1.Е.4.4. Чтоб дух леса не мог зайти в дом, нужно перекрестить дверь (63); в Васильев вечер над дверями надо начертить крестики (64) → см. Указ. I.Ж.4.3

1.Е.4.5. Чтоб дух леса исчез, надо прочитать *Воскресную молитву* (52)

1.Е.5. Словесные формулы

1.Е.5.1. Ругательства и проклятия, после произнесения которых ребенка уводит леший: «А, лешакпян тэ!» («А, лешакпян ты!»; лешакпян – «детеныш лешака») (60)

«Да чомору тэно» («Да к черту тебя!») (61)

1.Ж. Духи воды (ваись чуддэз)

1.Ж.1. Внешний вид и имена духов воды

1.Ж.1.1. Духи воды – женщины (69)

1.Ж.1.1.а. Дух воды показывается в виде девушки (65), с длинной белой косой (66), с распущенными волосами (67)

1.Ж.1.2. У водяного черта есть личное имя: *Бэдю (Бёдю)* (70)

1.Ж.2. Места обитания / появления духов воды

1.Ж.2.1. Водяной дух живет в реке (67), выходит из воды (65), показывается на запруде (66)

1.Ж.2.2. Водяные черти (*вакуллез*) живут под мельницей – ночью колеса вертятся сами (69)

1.Ж.3. Действия духов воды

1.Ж.3.1. Водяной / водяной черт (*ваись / вакуль*) в виде девушки расчесывает волосы (65) → ср. Зин. АП4

1.Ж.3.2. Водяные черти в виде женщин ночью крутят жернова на мельнице: дурачатся (69)

1.Ж.3.3. Дух воды предсказывает судьбу

1.Ж.3.3.а. Водяной показывается не к добру (65)

I.Ж.3.3.а.1. Мужчина увидел существо «из воды» – его посадили в тюрьму, где он умер (66)

I.Ж.3.3.а.2. Рыбак, которому показался водяной, не пошел рыбачить: испугался, что может утонуть (65)

I.Ж.3.4. Водяной чертенок (*вакулёнок*) утаскивает человека – тот тонет (67)

I.Ж.3.4.а. Когда водяной / водяной черт (*ваись, вакуль*) становится старым, то забирает кого-то себе на замену – тогда тонет молодой человек (68)

I.Ж.3.5. Дух воды попадает к рыбаку

I.Ж.3.5.а. Рыбаку вместе с рыбой попался водяной черт (*вакуль*); рыбак услышал его разговор с матерью и выбросил сумку с уловом (70)

I.Ж.3.5.б. Мать водяного черта и ее сын, выловленный рыбаком, разговаривают друг с другом: «Бёдюу-у-у, кытён тэ, Бёдюу-у-у?» – «Ме та-а-атён, та-а-атён...» ('Бэдю-у-у, ты где, Бэдю-у-у? – Я здесь, здесь') (70)

I.3. Черти, сезонные духи (куллез, святочнóй чуддэз)

I.3.1. Внешний вид чертей и сезонных духов

I.3.1.1. Чуды – черти, мохнатые, с рогами (72)

I.3.1.2. Бесы принимают облик отсутствующих мужей, их опознают по коровьим ногам (71)

I.3.2. Место обитания / появления чертей и сезонных духов

I.3.2.1. Сезонные духи (*чуддэз*) находятся на улице (72, 73)

I.3.2.2. Черти и сезонные духи могут войти в дом (71, 74)

I.3.3. Действия чертей и сезонных духов → см. Указ. I.Г.2.3

I.3.3.1. Чуды могут пристать к колядовщикам, когда они ходят по домам (71)

I.3.3.2. Черт приходит, если его упомянуть → ср. Айв. В.1.4

I.3.3.2.а. Жены двух отсутствующих братьев просят, чтоб черт послал им людей (их мужей) – приходят бесы в облике супругов (71) → Ср. Зин. В147; Полес. IV 8к

I.3.4. Действия людей по отношению к чертям и сезонным духам

I.3.4.1. Женщины спасаются от *бесов*: очерчивают баню вокруг, заходят внутрь, читают молитвы – те не могут к ним подойти (71) → ср. Зин. В16д

I.3.4.2. Люди прогоняют сезонных духов

І.3.4.2.а. Раньше *чудов* «топтали» мужики и парни на лошадях – сейчас их день и ночь «топчут» машины (72)

І.3.4.3. Чтобы *чуды* не вошли в дом, в Васильев вечер на воротах, дверях и окнах нужно ставить кресты (72) → Указ. І.Е.4.4

І.3.5. Словесные формулы

І.3.5.1. Упоминание нечистой силы, после которого она приходит: «Отирыс, коть бы, Христа ради, воллі, да коть бы нылісь чужёмнысё адззылнытё. Коть бы чортыс ни мёдотлы миянлё дынё» (‘Люди, хоть бы, Христа ради, пришли, да хоть бы их лица увидеть. Хоть бы черт уж к нам {их} отправил’) (71)

І.И. Духи, которыми пугают детей (боболлез да каляннэз)

І.И.1. Пугают *суседкой*

І.И.1.1. Старшие дети пугают младших: изображают, что *суседко* съел еду, зовет из подполья, выходит оттуда (5)

І.И.1.2. *Суседко* распорот живот, если не поесть вечером, лечь спать голодным (77)

І.И.2. Водяной, водяной черт (*ваись, вакуль*) затащит в воду, если зайти глубоко (68)

І.И.3. *Калян* придет в дом, поймает, украдет, съест, если не слушаться старших (75, 76, 78)

І.И.4. *Чуд* зайдет в дом, если плакать (77)

І.И.5. *Боболь* поймает на улице, если выйти из дома без взрослых (78)

І.К. «Вселяющиеся» духи (*икота*)

І.К.1. Происхождение икоты

І.К.1.1. Колдун / колдунья изготавливает икоту

І.К.1.1.а. Делает из насекомых: тараканов (86), мух (82), личинок мух – беленьких червячков (80) → ср. Хр. Б.І.1

І.К.1.1.б. Делает из ящериц, лягушек (86)

І.К.1.1.в. Делает из черных зерен ржи (81)

І.К.1.2. Колдун / колдунья выращивает икоту в посуде в укромном месте: под печкой в туюске (87), в кринке (80), в подполье (85)

І.К.1.3. Колдун / колдунья распространяет икоту

І.К.1.3.а. Подает с пивом (80)

І.К.1.3.б. В напиток, с которым подают икоту, нашептывают специальные слова, чтоб она попала к нужному человеку (80)

І.К.1.4. Икота сама переходит от умирающего человека к другому (88, 89, 91)

I.K.1.4.a. Икоте можно заходить только в женщину, не положено в мужчину (91)

I.K.1.4.б. Икота попадает к новому человеку через рот (88, 91)

I.K.2. Внешний вид и имена икот

I.K.2.1. Внешний вид при вселении в человека

I.K.2.1.a. Залетает в рот в виде мухи (91)

I.K.2.2. Внешний вид при выходе из человека

I.K.2.2.a. Выблеванная икота похожа на белую мышь (89)

I.K.2.2.б. Вышедшая из женщины икота похожа на комок травы, выблеванный собакой (90)

I.K.2.3. Внешний вид внутри человека

I.K.2.3.a. Имеет зооморфный облик

I.K.2.3.a.1. Икота – муха с голубыми глазами, в черных туфельках (87)

I.K.2.3.a.2. У икоты морда, как у воробья, на боку золотая шапка (81)

I.K.2.3.a.3. Икота – маленькое существо с блестящей черной шерстью, у нее есть глаза, нос, рот, уши, четыре лапки, хвостик и половой орган (91)

I.K.2.3.a.4. Одна икота выглядит как мышка, другая – как широкоглазая лягушка (83)

I.K.2.4. В человеке живут две икоты (83, 84)

I.K.2.5. У икоты есть личное имя: *Гут Гutowич* ('Муха Мухович') (82), *Соня* (87), *Иванок* (91) → ср. Хр. Г.III

I.K.3. Действия икоты

I.K.3.1. Ест и пьет вместе с человеком, в котором сидит (81, 91)

I.K.3.2. Развлекается вместе с женщиной, в которой сидит: обе любят петь и плясать под гармонь (87)

I.K.3.3. Не дает есть и пить то, что ей не нравится

I.K.3.3.a. Икоте не нравится лекарство, она толкает руку хозяйки, в которой сидит, – та все проливает, рассыпает (91)

I.K.3.4. Перемещается внутри тела: сидит в желудке, поднимается в горло (91)

I.K.3.5. Вызывает дискомфорт, боль: поднимается в горло – человек не может дышать (91)

I.K.3.6. Покидает тело человека

I.K.3.6.a. Выходит перед смертью человека (91), со рвотой (89) → ср. Хр. Д.IV.1.б

I.K.3.6.б. Выходит по неизвестной причине – человек остается жив (90)

I.K.3.7. Умирает от алкоголя, выпитого человеком, в котором сидит (84)

I.K.4. Речевое поведение икоты

I.K.4.1. Икота бывает «немая»: кричит, «икает» (86, 88, 90) → ср. Петр. VI.B.1.1

I.K.4.2. Икота может разговаривать (81, 82, 83, 84, 86, 87, 91)

I.K.4.2.a. Икота начинает разговаривать, когда вырастает внутри человека до своего размера (91)

I.K.4.3. Икота рассказывает о себе

I.K.4.3.a. Сообщает, как ее сделали и вырастили, от кого и как перешла к человеку, как перейдет к следующему, что любит, как выглядит, как ее зовут (81, 82, 83, 87, 91) → ср. Хр. Г.V.3

I.K.4.3.б. Рассказывает о своей реакции на медицинские процедуры, лечение (91)

I.K.4.3.в. Жалуется, что женщина, в которой сидит икота, выпила много вина – сожгла ей половые органы (84)

I.K.4.3.г. Две икоты в одном человеке разговаривают, спорят друг с другом (83, 84) → ср. Хр. Г.V.6

I.K.4.4. Икота предсказывает судьбу → ср. Хр. Г.V.5

I.K.4.4.a. «Немая» икота «икает» к хорошему или к плохому (86)

I.K.4.4.б. Икота может быть «знающей»: отвечает правду, предсказывает смерть (86, 87, 91)

I.K.4.4.в. «Знающей» бывает икота, которая недавно начала говорить (87)

I.K.5. Действия людей по отношению к икоте

I.K.5.1. Чтобы икота не перешла от умирающего человека, нужно оберегаться: закрыть себе рот платком (88)

I.K.5.2. К «знающей» икоте приходят, чтобы погадать (86, 87)

I.K.5.3. Человек уничтожает икоту

I.K.5.3.a. Сын находит у матери-колдуньи икот и выбрасывает на улицу – они громко визжат (85)

I.K.5.3.б. Сын хочет погубить икот, сидящих в матери, дает ей красное вино – одна икота умирает, другая остается в живых (84)

I.K.5.4. Люди не могут уничтожить икоту: ловят и кладут ее в ведро – она улетает, убегает (89)

I.K.5.5. Женщина приносит вышедшую из нее икоту в больницу (90)

II. ЛЮДИ С МАГИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ (КОЛДУННЭЗ, ЗНАХАРРЕЗ)

II.A. Социальный статус и признаки колдунов и знахарей

- II.A.1. Колдун – родственник: дедушка (92), дядя (106)
- II.A.2. Знахарка – родственница: тетка (111)
- II.A.3. Колдун – старик (96)
- II.A.4. Знахарка – старушка (102)
- II.A.5. Колдун живет долго: до ста двадцати пяти лет (92)
- II.A.6. Колдун живет один: в землянке (92)

II.B. Магическое знание и его передача

- II.B.1. Колдуны учатся по книгам → ср. Петр. VII.Д; Полес. I 2.5
- II.B.1.1. У колдуна была специальная книга: толстая, с золотыми буквами на обложке; после смерти хозяина ее украли (92)
- II.B.1.2. Теперь учеба на колдуна и знахаря стала доступной, есть «всякая литература» (94)
- II.B.2. Колдуны учатся друг у друга (93, 94, 106)
- II.B.2.1. Колдун не может передать знание внучке, т. к. она еще маленькая (92)
- II.B.3. Передача магического знания происходит в бане: ученик должен зайти в пасть собаки и выйти через задний проход – тогда сможет колдовать (107)
- II.B.4. Умиравший колдун передает колдовство через прикосновение (108)
- II.B.5. «Знающие» (*tödissez*) могут или только причинять вред, или помогать, или умеют и то, и другое (94, 100, 108) → ср. Петр. III.Б

II.B. Действия колдуна / колдуньи

- II.B.1. Колдун знается с нечистой силой → ср. Полес. I 2.4
- II.B.1.1. У колдуна имеются помощники – *бесы* (106)
- II.B.1.2. Колдун «знается» с лешим или *лешачихой* – у него всегда много рыбы (106)
- II.B.1.3. Колдун сожительствоует с *лешачихой*, наказывает жену, которая ее увидела (106)
- II.B.2. Колдуну необходимо встречаться с людьми, чтобы колдовать, причинять им вред (102)
- II.B.3. Колдун / колдунья чувствует, когда человек использует оберег, упрекает за это (95)
- II.B.4. Вредоносные действия колдуна / колдуньи

- П.В.4.1. Насылает порчу на дом – дом пугает → ср. Петр. VI.Б.4.7
- П.В.4.1.а. Днем в доме слышен хруст, будто стена трескается (98)
- П.В.4.1.б. При строительстве подбрасывает куклу (*акань*) – в доме слышится плач (99) → ср. Зин. ГП13а
- П.В.4.2. Портит домашний скот: хвалит вымя у соседской коровы – молоко пропадает, вымя высыхает (100) → ср. Зин. ГПЗ; Полес. I 3.1
- П.В.4.3. Насылает порчу на свадьбу: превращает свадебжан в волков (101) → ср. Петр. VI.В.4; Полес. I 2.14.а
- П.В.4.3.а. Невеста, превращенная в волчицу, родила ребенка под овином; их отчитывали *Воскресной молитвой*, но не спасли (101)
- П.В.4.4. Насылает порчу на человека
- П.В.4.4.а. Может наказать, если ему перейти дорогу (94)
- П.В.4.4.а.1. Девушка перешла дорогу колдуну – он ей «повесил» *килу* (102), сделал ее горбатой (103)
- П.В.4.5. Способы и последствия порчи
- П.В.4.5.а. Женщине «делают на смерть» – «отпевают с покойником» (109)
- П.В.4.5.б. Колдунья использует для наведения порчи сушеных ящериц (104, 105)
- П.В.4.5.б.1. Женщина выпивает квас с растолченными ящерицами – у нее растет живот; вместо ребенка рождаются ящерицы (105); ящерицы выходят через нос, уши, горло – жертва задыхается (104)

II.Г. Смерть колдуна / колдуньи → ср. Зин. ГП17, ГП17; Полес. I 2.20, 2.21, 3.3

- П.Г.1. Перед смертью колдун должен передать магические знания, лешего-помощника (106)
- П.Г.2. Колдун умирает «нехорошей» смертью: теряется в дороге и замерзает под елкой (92); умирает мучительно (106)
- П.Г.2.1. У сестер-колдуний, погубивших человека, опухают и трескаются до крови живот, руки, ноги (104)
- П.Г.3. Колдун не может успокоиться после смерти: ходит вокруг дома и стучит в окна к человеку, который не перенял колдовство (106)

II.Д. Действия людей по отношению к колдуну

- П.Д.1. Используют обереги от колдуна
- П.Д.1.1. Если колдун заходил в помещение, его следы нужно подмести сухим веником (94)

II.Д.1.2. При встрече с колдуном нужно сделать фи́ги на обеих руках, сжать кулаки (95, 100)

II.Д.1.3. Нужно носить при себе булавку (100)

II.Д.2. Выявляют колдуна

II.Д.2.1. Разбивают нос колдуну – он ест землю со своей кровью, т. к. ему нельзя терять ее (96) → ср. Петр. VI.В.5.5

II.Д.2.2. Втыкают ножницы над дверью – «знающий» (*tödics*) не может выйти (96)

II.Д.2.3. Произносят специальные слова – колдун не может выйти, пока первым не выйдет другой человек (97)

II.Д.3. Предлагают не хоронить тело колдуна, а сжечь его (92)

II.Е. Действия знахаря / знахарки

II.Е.1. *Бабушка* может успокоить подмененного в бане ребенка: брызгает его водой с угольками (44) → см. Указ. I.В → ср. Петр. VI.Д.3.6

II.Е.2. Знахарка лечит порчу

II.Е.2.1. *Старушка* с помощью зачерчивания вылечила *килу*, «повешенную» колдуном (102)

II.Е.2.1. «Знающая» (*tödics*) излечивает женщину, которой было «сделано на смерть» (109)

II.Е.3. Знахарка определяет *мыжу* (наказание со стороны умершего) и помогает исцелить ее

II.Е.3.1. «Привязывает» *черешлан* (*черёшлан*) больному коню – конь выздоравливает (111)

II.Е.3.2. «Вешает» *черешлан* (*черёшлан*) для больной женщины и определяет умершего, которому нужны поминки (111)

II.Е.4. Способы лечения

II.Е.4.1. «Знающая» (*tödics*) лечит с помощью иконы и молитвы (109)

II.Е.4.2. *Лекарь* лечит с помощью трав, массажа с мылом (110)

II.Е.4.3. Знахарка определяет *мыжу*, используя *черешлан* (*черёшлан*): подвешивает на нитке к хлебной лопате икону и хмель (111)

II.Ж. Словесные формулы

II.Ж.1. Формула невозможного – оберег от колдуна: «Колдун, лихорад, супостат, если верман ассит нювны... значит и менö пö верман колдунавны» ('Колдун, лихорад, супостат, если ты можешь у себя облизать... значит и меня сможешь наколдовать') (95)

П.Ж.2. Выявление колдуна: «Как я шью, так и {ты}, дверь, зашивайся» (97)

III. УМЕРШИЕ (КУЛӖММЕЗ)

III.A. Внешний вид и места появления умерших

III.A.1. Невидимый умерший появляется в доме (112), в больнице (115)

III.A.2. Душа умершей от голода появляется на месте смерти в облике белой девушки (113) → ср. Зин. ГП16

III.A.3. Умершие, которых вскрывали в больнице, появляются в больничных окнах в виде живых людей (115)

III.A.4. Девушка, чью могилу вскрыли при строительстве кухни, снится хозяину дома (114)

III.B. Действия умерших

III.B.1. Умерший сообщает о своей смерти: женщина слышит скрип двери и шаги – в это время в Сибири умирает ее родственник (112)

III.B.2. Умершие выдают свое присутствие, показываются, пугают живых (112, 113, 115)

III.B.2.1. Душа умершей девушки показывается, т. к. тело не похоронили – она осталась на земле (113)

III.B.2.2. В больнице, где вскрывали умерших, играет гармошка, слышится пляска (115)

III.B.3. Умершая, чью могилу вскрыли, снится и просит есть (114)

III.B.4. Умерший помогает живому за обещание помянуть: того перестает «водить» леший, он находит дорогу (58)

III.B.5. Умерший наказывает родственницу *мыжей* – болезнью; его нужно помянуть (111) → см. Указ. П.Е.3

III.B. Действия людей по отношению к умершим

III.B.1. Люди поминают умерших

III.B.1.1. Хозяйка дома, стоящего на могиле, стала помянуть умершую во время еды, выносить для нее пищу – девушка перестала сниться (114)

III.B.1.2. Свекровь помянула первого мужа – у невестки прошла *мыжа*: перестала болеть рука (111)

СЛОВАРЬ НАЗВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Банник. *Дух бани.* Сія ѳтнас, банник, банникѳн и шуѳны да. (Он один, банник, банником и называют ведь.) (Ошиб Куд.).

Банщик. *То же, что банник.* Керкуас домовик, а сѳтчин банщик. (В доме домовик, а там банщик.) (Лягаево Коч.).

Баня-БаБУШКА. *То же, что банник.* Баняыс повзѳѳтчывѳма. Сѳтчин опѳть баня-бабушкаѳз вѳисѳ. А нѳа неморттѳз, неморттѳз нѳа. (В бане пугало. Там опѳть банные бабушки были. А это нелюди, нелюди они.) (Мелюхино Юсѳв.).

Баня ЧУД. *То же, что банник.* Баня чудыс, шуѳны, тожѳ ѳд сякѳйсѳ пѳ керѳ. После двенаццати тай шуѳны, баняас пѳ ѳн мун или ровно двенаццатьсѳ. Баняас пѳ тѳнѳ мыйкѳ присѳтейтас. (Банный чуд, говорят, тоже ведь всякое делает. После двенадцати-то, говорят, в баню нельзя ходить или ровно в двенадцать. В бане тебя пугает.) (Демина Куд.).

БЕС. 1. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Бесѳн. Мѳян татѳн уналѳ мѳччасѳлѳсѳ. Исся кулѳны нѳа морттѳыс. (Бесами. У нас здѳсь многим показывались. Потом умирают эти люди.) (Юксеево Коч.). 2. *То же, что банник.* Баняат бессѳыс да, сѳтчин ѳзѳ. Сюра бессѳз, баняас ѳд черти олѳны. (В бане бесы, и там не {рожали}. Рогатые бесы, в бане ведь черти живут.) (Иванчино Гѳйн.). 3. *Нечистая сила, подвластная колдуну; дух-помощник колдуна; леший.* Колдуныслѳн вот бессѳыс и ѳмѳсь помѳшниккеыс. Нѳа вѳрыс сулдаѳсь. (У колдуна-то вот бесы и ѳсть помѳшники. Они как лес.) (Иванчино Гѳйн.).

БОБОЛЬ. *Дух, которым пугают детей.* Кѳр пышшѳны, ишо ѳз вежѳртѳ да пышшѳны, дак: «Бобольыс, – пѳ, – тѳнѳ кутас! ѳтѳрас ѳн пет, тѳнѳ боболь кутас!». (Когда {дѳти} убегают, они ѳще не понимают и убегают, так говорили: «Боболь тебя поймает! На улицу не выходи, тебя боболь поймает!») (Важ-Жукова Куд.).

БѳДю. *Личное имя водяного.* А берегѳттѳс пѳ муна, а мамыс вакульысѳ шуѳ: «Бѳдюу-у-у, кытѳн, – пѳ, – тѳ, Бѳдюу-у-у?» (А пѳ берегу {рыбак} ѳдет, а матѳ водяному черту кричит: «Бѳдю-у-у, где, – говорит, – ты, Бѳдю-у-у?») (Ошиб Куд.).

ВайСЬ КУЛюК. *То же, что **ваись**.* Дёмѳ дынас кыдз вѳктас, сѳя пѳ нывка пукавѳ, ку-у-узѳ чикися, чѳчкама. Ваись кулюк. (На запрудѳ пришел, там, говорит, девушка сидит с дли-инной белой косой. Водяной черт.) (Плешково Куд.).

ВайСЬ, ВаиСЬ. *Дух воды.* Петаллѳ пѳ кинкѳ. Блажитчѳ ли мылли кыдз. Ваись, вакуль. Кинкѳ адззылѳма. Эсьчин выше, пыжжез дынын петѳма пѳ и нылка, сыналѳ пѳ мыйкѳэсѳ. (Выходит, говорят, кто-то. Кажется, что ли, как-то. Водяной, водяной черт. Кто-то видел {его}. Там выше, у лѳдок, вышла, рассказывали, девушка, расчесывает что-то.) (Пуксиб Кос.) Шуввисѳ, вадѳрас этѳйѳ, ваиссес эмѳсь жѳ дак, ну. А нѳа пѳ морт кодѳѳсь жѳ. (Говорили, в реке эти водяные есть. А они как люди.) (Мелюхино Юсѳв.).

ВАКУЛѳНОК. *То же, что **ваись**.* Шуввисѳ, вадѳрас этѳйѳ, ваиссес эмѳсь жѳ дак, ну. А нѳа пѳ морт кодѳѳсь жѳ. Вакулѳноккез. Басѳк нывкаѳ пѳ вермас, вермас и юрсисѳ ведзны... (Говорили, в реке эти водяные есть. А они как люди. Дети водяного черта. Красивой девушкой может, может и волосы распустить.) (Мелюхино Юсѳв.).

ВАКуЛЬ. *То же, что **ваись**.* В деревне-то там была ѳта у нас, мельница, и что, якобы, мельницаыс ултын нѳа олѳсѳ, этна вакульыс. Женского рода нѳа вѳлѳмась. (В деревне-то была у нас мельница, и что, якобы, под мельницей они жили, эти водяные черти. Женского рода они были.) (Кочево). Кинвѳкѳ пѳ шедѳма вакульыс, а сѳя сѳйѳ сумкаас черизнас сѳйыштас. (Кому-то, рассказывали, попался водяной черт, а он его вместе с рыбами в сумку сунул.) (Ошиб Куд.).

ВѳРДѳДѳ. *То же, что **вѳрись**.* Лешакыс пѳ вѳрас, вѳрдѳдѳ. (Лешак, говорят, в лесу, лесной дѳдѳ.) (Трошева Куд.).

ВѳРИСЬ. *Дух леса.* Вѳрисьыс олѳ-ветлѳтѳ, сѳа эд ѳтѳрын. (Лесной живет, ходит, он ведь на улице.) (Иванчино Гѳйн.). Ыджыт, вѳрись, и сѳа вѳрын оѳ, ну. Сѳа пѳ народсѳ ѳддѳѳн повзьѳтвыѳма жѳ. («Большой», леший, и он в лесу живет, да. Он, говорят, народ очень он пугал.) (Мелюхино Юсѳв.).

ВѳРОВѳЙ. *То же, что **вѳрись**.* А лешѳйыс, видно, пыраис. Вѳровѳйыс. (А леший, видимо, заходил. Лесной.) (Важ-Жукова Куд.).

ВУНШӨРКА. *Дух поля.* Сіа вуншөрикаыс пö сіа опеть дозирайтö сүсö. А сіа пö мортыс бур, потому что сіа сүсö кранитö. (Эта полудница, говорят, ухаживает за зерном. А она, говорят, хороший человек, потому что она зерно охраняет.) (Мелуихино Юсьв.).

ГӨРД ТОШ. *Нечистый дух, дух-предсказатель, появившийся перед пожаром в Верх-Иньвенской школе.* Техничкээс висьтасьвыисö, что повзьöтчыöм Гөрд Тош, Верх-Иньваас вöввöма. До пожара сіа вöи, а потом школаыс сотчис. (Технички рассказывали, что пугал Гөрд Тош (т. е. Рыжая Борода), в Верх-Иньве {это} было. До пожара это было, а потом школа сгорела.) (Кудымкар).

ГУМЕННИК. *Дух гумна.* Гуменникис, кызд жö! Тожо покровитель, гумна, наверно. (Гуменник, как же! Тожо покровитель, наверно, гумна.) (Кочево).

ГУТ ГУТОВИЧ. *Имя вселяющегося по воле колдуна духа, сообщаемое им во время приступа «икоты».* Менö пö гутіс керисö да ме Гут Гutowич ли мылли. (Меня, говорит, из мухи сделали, и я Муха Мухович, что ли.) (Ошиб Куд.).

ДОМОВЙ. 1. *Дух дома и двора.* Домовй, домовйыс сіа. Миян тятюö, көр поніс войнаыслö мунны, босьтісö вот тятюös, мийö öшö учöтöсь вöлімö дак мый, дак сылö морос вылас пуксьылöм. (Домовой, домовой это. Наш отец, когда на войну пошел, взяли вот моего отца, мы еще маленькие были да что, так ему на грудь садился.) (Иванчино Гайн.). 2. *То же, что банник.* Треттьöй жарас оз пö, сэк пö домовйыс этö керö. (В третий жар не {ходят в баню}, тогда домовой это делает.) (Лягаево Коч.).

ДОМОВИК. *То же, что домовй.* Джоджуас кин оö? Домовикыс. Домовик! Енповкавысис тай еннэсö öні шентаввис. (В подполье кто живет? Домовик. Домовик! С божницы-то иконы раскидал сейчас.) (Плешково Куд.). А сідз сіа и, натте, домовик и шусьö. Ме эшö синнэзнам эг адззыввы. А сіа кинвö мыччасяс, дак морт кодь жö пö, гöна. (А так он, наверно, домовик и называется. Я еще своими глазами не видела. А он кому-то показывается, как человек, мохнатый.) (Важ-Жукова Куд.).

ДОМОВЙ-СУСЕДКО. *То же, что домовй.* А домовой-суседкосö... Одзжык эд вöввез вöисö народысвön, дак картаэзас

гöняйтвöма вöввезнас, чикиссесö кыйвöма, ну. (Домовой-суседко... Раньше ведь кони были у людей, так в хлеву {суседко} катался на лошадях, косы заплетал, да.) (Мелюхино Юсьв.).

ДОМОВУШКА-БАТЮШКО. *Обращение к духу дома.* «Домовушка-батушко, сохранит, спаси меня и подойди ко мне, я тебе гостинцы положу» (Лягаево Коч.).

ДЯВ. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Народсö кыскö пö. [Дак кин кыскö?] Ыджыттэыс. [Киннэз ния?] Дяввеыс. Ну. Вот сiя пö гунна дооньвас кывзiсьны... [А нiя дяввеыс овöны кытöн: гуннаввас или ваас?] Гуннаввас, натьтö. (Людей тащит, говорили. [А кто тащит-то?] «Большие». [Кто они?] Дьяволы. Да. Вот это на молотильном току «слушались»... [А эти дьяволы где живут: на гумне или в реке?] На гумне, наверное.) (Конаново Куд.).

ЕН ТÖДiСЬ. *Человек со сверхъестественными свойствами, букв. «знающий богов».* Сiя ен тöдiсь вöлi старукаыс (А она, старуха, «знающая богов» была.) (Юксеево Коч.).

ЗНАХАР. *Народный целитель; знахарь.* А öнi сякöй литератураыс пö эм вевöтчыны колдунас и, знахарас и. (А теперь всякая литература есть учиться и на колдуна, и на знахаря.) (Антонова Куд.).

ЗНАХАРКА. *Народная целительница; знахарка.* Вот и сы дын ме, знахаркаыс дын, пыри... Тöдiсьöн шуöны. (Вот к ней, к знахарке, я зашла... «Знающей» называют.) (Ошиб Куд.).

ИВАНöК. *Имя вселяющегося по воле колдуна духа, сообщаемое им во время приступа «икоты».* Иванок менö шуöны. (Иванок меня зовут.) (Трошева Куд.).

ИКОТа, ИКÖТа. *Вселяющийся по воле колдуна дух.* Сiйö икöтаэсö керöны, пусьтитöны, кинкö морт жö, конешно, лэдзалö икöтаэз. (Эту икоту делают, напускают, какой-то человек, конечно, напускает икот.) (Демина Коч.).

КАЛЯН. 1. *Дух, которым пугают детей.* Калянöн пользöтлiсö: «Он поны кылзiсьны – каляныс сёяс тэнö». (Каляном пугали {детей}: «Не станешь слушаться – калян тебя съест!») (Кочево). 2. *То же, что банник.* Вермас пö калян пользöтны. Баянас кинкö калян олö. (Может, мол, калян напугать. В бане какой-то калян живет.) (Кочево).

КАРТаИСЬ. *Дух двора.* Картаись. Мукѳдыр вѳллэз да мый да, видимо, гожумнас жѳ мошкаыс да мый да сѳйѳ, нѳа ѳддѳѳн беспокѳйнойѳсь. И вот висѳталѳсѳ, чтѳ конѳховкасис пѳ бѳра дедыс обѳжайтѳ вѳллѳнымѳс. (Картаись. Иногда кони да что (да), видимо, летом мошка да что (да) ведь {их} ест, они очень беспокѳйные. И вот говорили, что в конѳюшне опѳть дед обѳжает наших коней.) (Кочево).

КОЛДун. *Человек со сверхъестественными свойствами, использующий свои знания и умения обычно для причинения вреда.* Эстѳн – а деревняыс ыджыт вѳвви, школа и быдѳс, сѳкѳйыс вѳлѳсѳ, и шуѳны – уна колдуннэз, сорок шесѳ человек колдуннэс. (Здесь – а деревня большая была, школа и все было, {мне} сказали – много колдунов, сорок шесѳ человек колдунов.) (Егорова Куд.). Сѳк нѳа колдуннэс уж ѳддѳѳн колдуйтѳсѳ, нѳйѳ созлѳй колдуннэз шуисѳ. (Тогда колдуны уж очень колдовали, их злыми колдунами называли.) (Мелюхино Юсѳв.).

КОЛДунНЯ, **КОЛДунЬЯ.** *Женщина со сверхъестественными свойствами, использующая свои знания и умения обычно для причинения вреда.* Колдунняас сѳа пѳртчѳ. Мыйкѳ банѳѳ нуѳтас пѳ сѳѳс, мортсѳ, кѳдѳ сетѳ бы мортыслѳ, сѳѳ шыкѳтчѳны тѳжѳ. (Колдуньей она становится. В баню приведет, говорят, человека, которому отдать хочет, чтобы тот мог портить тоже.) (Иванчино Гѳйн.). Вот, колдуньяэз, мортсѳ виит, дак асьныт, тѳжѳ небура куат. (Вот, колдуны, человека вы убили, так сами тоже нехорошо умрете.) (Демина Куд.).

КУЛЬ, бранное. *Злой дух, черт.* Куль его знает! (Черт его знает!) (Ошиб Куд.).

ЛеКАР. *Народный целитель; знахарь.* Тѳжѳ эмѳсь пѳ, нѳа лечѳтѳны. Нѳя... шуѳны лекаррез, тѳдѳссез пѳ. (Тѳже есть, говорят, они лечат. Они, говорят, лекари, знаѳющие.) (Антонова Куд.).

ЛЕШАК. *То же, что вѳрьись.* Кѳр пѳ сѳйѳ лѳшакнас шуѳны, дак сѳа сѳйѳ любѳтѳ ѳддѳѳн. Сѳа пѳ сѳк чѳж ѳддѳѳн. (Когда, говорят, его называют лѳшак, так он это очень любит. Он тогда быстрый очень.) (Мелюхино Юсѳв.). Лѳшакыс пѳ вѳрас, вѳрдѳдѳ (Лѳшак, говорят, в лесу, лесной дѳдѳя.) (Трошева Куд.).

ЛЕШАКПѳян, бранное. Букв. «*детеныш лѳшего*». Мукѳдыс тѳй видвисѳ жѳ: «А, лѳшакпѳян тѳ!» А вот сѳдз-ту лѳшакпѳяннас

пö челядьсö оз ков шуны. (Некоторые ругали: «А, лешакпян (т. е. детеныш лешего) ты!» А вот так-то, лешакпян, говорят, детей не нужно называть.) (Мелюхино Юсьв.).

ЛЕШАЧика. *Дух леса.* Женскöй тай тожо мыччасьвö жö. Каттисяс пö шальбн да, ну, мыччасьвö пö. Мейым даки эз а. Лешачика ли мылли. (Женщина тоже показывается. Закутается, говорят, в шаль и, ну, показывается, говорят. Мне так и не показывалась. Лешачиха, что ли.) (Важ-Жукова Куд.).

Лешöй. 1. *То же, что вöрись.* А пуввас мыйкö гижöны пö кытшöмкö, чтобы бöр сийö сеті лешöйыс. (Рассказывали, что на дереве что-то пишут, чтобы обратно его отдал леший.) (Антонова Куд.). А лешöйыс, видно, пыраис. Вöровöйыс. (А леший, видимо, заходил. Лесной.) (Важ-Жукова Куд.). А вот шуöны тай лешöйöн. Светавласей-батушкоыс. (А вот лешим-то и называют. Световласий-батушко.) (Юкseeво Коч.). 2. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Баняыс повзöтчыввöма. Сэтчин опять баня-бабушкаэз вöйсö. А нia неморттэз, неморттэз нia. Шуввисö тай лешöез да мый да сё шуввисö, но. (В бане пугало. Там опять банные бабушки были. А это нелюди, нелюди они. Говорили, вот лешие да что, говорили, да.) (Мелюхино Юсьв.).

Нечись. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Сia нечисьыс воллöма... Бесөн. Миян татöн уналö миччасьлісö. Исса кулöны нia морттэыс. (Это нечисть приходила. Бесами {называли}. У нас здесь многим показывались. Потом умирают эти люди.) (Юкseeво Коч.).

СВЕТАВЛасЕЙ-БаТЮШКО. *Имя духа леса.* А вот шуöны тай лешöйöн. Светавласей-батушкоыс. (А вот лешим-то и называют. Световласий-батушко.) (Юкseeво Коч.).

СОНя. *Имя вселяющегося по воле колдуна духа, сообщаемое им во время приступа «икоты».* Ме гуток, öддьöн басöк: синннö гоубöйöсь, чаркиоккеыс сьöдöсь, да ачым ме Соня. (Я маленькая муха, очень красивая: глаза голубые, туфельки черные, и сама я Соня.) (Конаново Кудым.).

СУСедКА, СУСедКО, СУСедКУ. 1. *То же, что домовöй.* Суседкаöн шуллисö, суседко уморочитö. (Суседко называли, суседко давит.) (Демина Коч.). Дак кудель, кыз понан печканнас кольны, вот рытнас водны, да чöрссö, дак пызан саяс вабичвас пуктан, креставан сийö, чтобы суседкоыс эз печкы. (Так кудель,

как станешь прялку оставлять, вот вечером ложиться, и веретено так за столом на скамейку положишь, перекрести ее, чтоб суседко не прят.) (Мелюхино Юсьв.). Суседко пö ляпкөтö, ме сійö тожö тöда. (Суседко, говорят, давит, я это тоже знаю.) (Трошева Куд.). Во эстөн Комьяковыс оис, дак сја поннöм мунны, дак: «Суседку, лок, мунам ся». (Вот здесь Хомяков жил, когда он стал переезжать, {сказал}: «Суседко, пойдем, пойдем».) (Иванчино Гайн.). 2. *Дух иных построек, близкий по функциям к домовому*. И вот сэтөн мельничаас шуч шуисö, суседко пö мельничаас сэтөн эм. (И вот на мельнице всегда говорили, суседко на мельнице есть.) (Демина Коч.). Суседкоён шуöны а, мукöдыс тай сідз, суседко, шуöны. Кытшöмкö, шуöны тай, этшöм учöлик ачыс, но сякö-разнöя сја петö: то чочком, то сьöд, коккез чочкомöсь. А эстөн, вон, садикас, Б. К-ыс сторожаис, да ойнас петаöма. (Суседко называют, некоторые ведь так, суседко и называют. Какой-то, говорят ведь, такой маленький сам, но всяко-разно он выходит: то белый, то черный, ноги белые. А здесь вон, в садике, Б. К. сторожил, и ночью выходил {к нему кто-то}.) (Ошиб Куд.). 3. *Дух, которым пугают детей*. Но, сёйны тшöктасö, да тшыгйөн водан: «Суседкоыс кынöмтö резьötас». (Ну, поестъ велят, а он голодом ложится, тогда скажут: «Суседко твой живот распорет».) (Демина Куд.).

СУСЕДКО-БАТЮШКО. *Обращение к домовому*. Но, суседко-батьюшко, давай мунамö, петамö виль керкуö». (Ну, суседко-батьюшко, давай пойдем, перейдем в новый дом.) (Мелюхино Юсьв.).

ТöДІСЬ, ТöДіСЬ. 1. *Человек со сверхъестественными свойствами, использующий свои знания и умения как для причинения вреда, так и для оказания помощи людям; «знающий»*. Колдунсö шуöны, сја умöльсö токо керö, а тöдісьыс и вермас лечитны невна. (О колдуне говорят, {что} он плохое только делает, а знающий может и лечить немного.) (Демина Куд.). 2. *То же, что колдун, колдунья*. Тöдіссез... злые люди... Но, что нія вермасö умöльö мыйкö керны мортысвö. (Знающие... злые люди... Ну, они могут что-то плохое сделать человеку.) (Демина Куд.). 3. *То же, что знахар*. Тожо эмöсь пö, нія лечитöны. Нія... шуöны лекаррез, тöдіссез пö. (Тоже есть, говорят, они лечат. Они, говорят, лекари, знающие.) (Антонова Куд.).

ТӖДіСЬ ИКОТа. *Дух, «вселяющийся» по воле колдуна, обладающий способностью предсказывать будущее, сообщать то, что неизвестно, во время приступа «икоты».* Дак икотаыс, сіа вот меам племянничайӧн, эстӧн Сивашорас оӧ сіа, дак тӖдӧ сіа, тӖдӧ. Ну, тӖдісь икотаыс, ну. Шуас: «Сіа дыр эд оз ов, сіа эд куас, куас, куас, ой, куас, куас, куас...». Ну, тӖдӧ пӧ сіа. (Так икота, она вот у моей племянницы, здесь в Сивашере она живет, так она (т. е. икота) знает, знает. Да, знающая икота, да. Скажет {кому-то}: «Она долго ведь не проживет, она ведь умрет, умрет, умрет, ой, умрет, умрет, умрет...» Да, говорят, знает она.) (Мелюхино Юсьв.).

ЧЕРТӖНОК. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Ӗвин увтас пӧ кыскӧны, мӧс кучикнас. Чертиыс. ЧертӖноккес. (Под овин, говорят, тащат на коровьей шкуре. Черти. Чертики.) (Мелюхино Юсьв.).

ЧӖРТ [чорт], мн. **черти.** 1. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Ӗвин увтас пӧ кыскӧны, мӧс кучикнас. Чертиыс. ЧертӖноккес. (Под овин, говорят, тащат на коровьей шкуре. Черти. Чертики.) (Мелюхино Юсьв.). 2. *То же, что банник.* Баняат бессэыс да, сэтчин эӧ. Сюра бессэз, баняас эд черти олӧны. (В бане бесы, и там не {рожали}. Рогатые бесы, в бане ведь черти живут.) (Иванчино Гайн.). 3. *То же, что чуд* 2. Вот колядовщики ходят. Ветлӧтӧны, то ны дынӧ вермас приспособица кышӧмкӧ чуд. Чуднас обычно мийӧ шуимӧ чорттэӧс, рогатые такие, шерстяные. (Вот колядовщики ходят. {Когда} ходят, к ним могут привязаться какие-то чуды. Чудами обычно мы называли чертей, рогатые такие, мохнатые.) (Кочево).

ЧОМОР. *Злой дух, нечистая сила, черт.* А вот кӧркӧ пӧ ӧтік женщина тожо кагасӧ этӧ керӧма. Мунӧмась вундыны, зонкаоксӧ сьӧрас нуӧтӧм. И мыйкӧ зонкаокыс, виднӧ эдӧ, горзыны ли мылли поніс. Сіа пӧ шуӧ: «Да чомору тӧнӧ». И зонкатӧ нуӧтӧма эд! А чоморыс сіа кызд вот, видно, лешакысвань жӧ. (А вот когда-то одна женщина тоже ребенка это сделала (т. е. отругала). Пошли жать, мальчика с собой взяла. И что-то мальчик, видимо, плакать, что ли, стал. Она говорит: «Да {к} черту тебя!» И мальчика увел ведь! А чомор – он, видимо, вот как леший.) (Мелюхино Юсьв.).

ЧОЧКОМ НЫВКА. *Неупокоенный дух умершей девушки.* Сывӧн воыс, натьтӧ, колис сэтчӧ, и вот чочком нывкаыс, сіа и мыччасьӧ. (Ее душа, наверное, осталась там, и вот белая девушка показывается.) (Конаново Куд.).

ЧУД. 1. *То же, что банник.* Баня горас пö чуддэс суйыштöмась. (В банную печку, говорили, чуды засунули.) (Демина Куд.). 2. *Дух, появляющийся во время Святков.* Чуддэсö эд... öнi машинаыс тальвö, öнi вöвнас оз тальвö, вöвыс эз ни во. (Чудов ведь... сейчас машина топчет, сейчас лошадьми не топчут, лошадей уже не осталось.) (Конаново Куд.). Вот колядовшики ходят. Ветлötöны, то ны дынö вермас присобачицца кышöмкö чуд. Чуднас обычно мийö шуимö чорттэзöс, рогатые такие, шерстяные. (Вот колядовщики ходят. {Когда} ходят, к ним могут привязаться какие-то чуды. Чудами обычно мы называли чертей, рогатые такие, мохнатые.) (Кочево). 3. *Дух, которым пугают детей.* Көр горзыввисö кагаэс, сэк повзётовисö сякöй чудикнас, шуасö: «Чудыс пырас», – ли. (Когда плакали дети, тогда пугали всякими чудиками или скажут: «Чуд зайдет».) (Демина Куд.).

ЧУДИК. *Дух, которым пугают детей.* Көр горзыввисö кагаэс, сэк повзётовисö сякöй чудикнас, шуасö: «Чудыс пырас», – ли. (Когда плакали дети, тогда пугали всякими чудиками или скажут: «Чуд зайдет».) (Демина Куд.).

ЫДЖЫТ, ЫДЖЫТ. 1. *То же, что вöрись.* Умöль одзын да мый да пантасьö пö кинкö, ыджытыс да мый да. А мянвö оз пантасьвы, оз ков тожо. (Перед плохим да что (да) встречается кто-то, «большой» да что (да). А нам не встречался, не надо.) (Антонова Куд.). Ыджыт, вöрись, и сiа вöрын оö, ну. Сiа пö öддьön жö этö керöма, народсö öддьön сiа повзётвыöма жö. («Большой», леший, и он в лесу живет, да. Он, говорят, очень это делал, народ очень он пугал.) (Мелюхино Юсьв.). 2. *Злой дух, нечистая сила, черт.* Öддьön сэтön, гуннаэзас, страшно кывзiсьвыны вöма. [А кин сiйö сэтчин гуна вылас кыскö?] А мыйнö, оз ведзö синнэз осьтны, кучаас керасö öнджасö да. Народсö кыскö пö. [Кин кыскö?] Ыджыттэыс. [Киннэз нiя?] Дяввеыс. (Очень там, у молотильного тока, страшно «слушаться» было. [А кто там на гумне тащит?] Ведь не разрешают глаза открывать, когда в круг {сядут}. Людей тащит, говорили. [А кто тащит?] «Большие». [Кто они?] Дьяволы.) (Конанова Куд.).

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ

Апйыны (лит. *авйыны*) – понимать, разбираться, смыслить; наставлять

Артиль – артель; группа людей

Балича – коса (у замужней женщины); *суседко балича* – спутанные волосы, букв. «коса домового»

Балябёж – тонкая коса, букв. «овечий хвостик»

Блажитчыны – казаться

Бобавны – заниматься колдовством, букв. «играть»

Ваасвесь – благословясь

Вартвыны (лит. *вартлыны*) – бить, сбить в плотный ком

Вежны – подменить

Гед – дед

Гладьётны – гладить

Гунна доонь (лит. *гуна долонь*) – молотильный ток

Дозирайтны – присматривать за чем-л., за кем-л.

Дёмёт – загородка, запруда (на реке для ловли рыбы), учуг

Заврётка – завертка, веревочная петля или кольцо из прутьев для прикрепления оглобеля к саням

Зирайтны – соблюдать что-л.

Казьмётчыны – предвещать что-л.

Касьтны – упомянуть

Келья (лит. *кевя*) – невестка (жена брата)

Кенак – жена брата; невестка

Кешитчыны – потешаться, дурачиться

Кива (лит. *кила*) – грыжа, пупочная или паховая; *ошётны кива* (букв. «повесить килу») – вызывать грыжу, опухоль

Кикок – конечности, букв. «рука-нога»

Колдунитны (лит. *колдуйтны*) – колдовать

Кывзісьны – «слушаться»; о святочном гадании, при котором гадающие очерчивают круг, садятся внутрь на шкуру, прислушиваются к звукам и затем интерпретируют их

Лэдзалны (лит. *лэдавны*) – пускать, выпускать; *лэдзалны икотаэз* – напускать икот («вселяющихся» духов)

Мао-део – мало-мальски, букв. «мало-дело»

Матегавны – делать массаж при помощи мыла (о способе народного лечения)

Матишка – мать мужа, свекровь

Мыжа – кара; заболевание человека, болезнь или пропажа домашней скотины, которые понимаются как наказание, посланное умершим за отсутствие поминовения

Мый-ненабудь – что-нибудь

Обедок – небольшая поминальная трапеза

Өтпöлöсөн (лит. *өтпöвсөн*) – без верхней одежды; голышом

Пиня – борона; *пиня туввез* – зубья бороны, букв. «гвозди бороны»

Посьледовок – после того как

Присьтейтны – пугать (о действиях злого духа)

Пустьитны – напускать; *путьитны икотаэз* – напускать икот («вселяющихся» духов)

Сак – рыболовная снасть в виде мешкообразной сетки, прикрепленной к длинной жерди

Сакасьны – ловить рыбу при помощи сака

Стопа – укладка чего-либо в определенном порядке

Треkitны (лит. *трекйыны*) – трести

Уморочитны – давить, душить (о действиях домового)

Чарки – женская кожаная обувь без голенища

Черöшлан – гадание и одновременно способ народного лечения; обряд, при котором устанавливается имя умершего, наставшего кару (мыжу)

Черöшланалны – производить обряд черöшлан

Чертитны, чертитны – чертить; способ народного лечения, при котором знахарка «зачерчивает» больное место при помощи какого-л. предмета, произнося заговор или молитву

Чоли – личинка насекомого; головастик, *гувöн чоли* – личинка мухи

Шабур – верхняя одежда, мужская и женская, наподобие длиннополого кафтана, обычно из домотканого холста

Шома ва – вода с угольком, употребляемая для снятия сглаза у маленьких детей

Шыкöтчыны (лит. *тишыкöтчыны*) – причинять вред при помощи колдовства

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

быг: быг керышитны – крутить что-л.

дзурк-вирк – подражание скрипу

жиль-жоль – подражание звуку, издаваемому при мытье посуды

ко-о-ов – подражание звуку плеска воды

милычик-милычик – подражание звуку, издаваемому при стирке
вручную

ризь-вазь – подражание треску

тарс-тарс – подражание звуку, издаваемому при ходьбе

тор-р-р – подражание звуку крутящегося веретена

торс: торс сувётны – подражание стуку, топоту

трин – подражание стуку чего-л. о что-л.

чуш-чуш – подражание звуку тихой ходьбы

шват – подражание закрывающейся с хлопком двери

шы-ы-ыр – подражание звуку крутящегося веретена

ышки-пойки – подражание тяжелому прерывистому дыханию

ярс-ярс – подражание хрусту снега под ногами

ВАРИАНТЫ КАЛЕНДАРНЫХ ПОЛНЫХ ИМЕН И ПРОЗВИЩА

Кереника – прозвище жены по имени мужа Терентий

Мари – Мария

Маслозаводка Шура – прозвище женщины по имени
Александра, работавшей на «маслозаводе»

Митюика – прозвище жены по имени мужа Дмитрий

Мишок – Михаил

Овдя – Авдотья

Оксинь – Акусьня

Паранька – Прасковья

Степаника – прозвище жены по имени мужа Степан

Фёква – Фекла

Филька Васька – Василий Филиппович

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аразай – д. Аразаева Верх-Иньвенского сельского поселения (далее – с. п.) Куд. р-на

Виль Чукуль – д. Виль-Чукулева Ошибского с. п. Куд. р-на

Верк-Иньва – с. Верх-Иньва Куд. р-на, центр с. п.

Гавинчи – бывшая д. Гавина Юсьв. р-на

Захарова – д. в Ошибском с. п. Куд. р-на

Калинина – д. Верх-Иньвенского с. п. Куд. р-на

Конан – д. Конанова Ошибского с. п. Куд. р-на

Красноярск (?) – д. Краснояры (или Красный Яр) Гайн. р-на

Кудымкар – город, административный центр Коми-Пермяцкого округа

Кышка – д. Кышка Коч. с. п. Коч. р-на

Нёльсин – д. Нельсиново, сейчас входит в состав д. Артамоново Юсьв. района

Оськин – д. Осипова Ошибского с. п. Куд. р-на

Петук – д. Петухова Ошибского с. п. Куд. р-на

Сэпöль – д. Сеполь Кочевского с. п. Коч. р-на

Сивашор – д. Сивашер Юсьв. с. п. Юсьв. р-на

Сизова – д. Юксеевского с. п. Коч. р-на

Сырскан – бывшая д. Сырсан Куд. р-на

Сюзь-Позья – д. в Ошибском с. п. Куд. р-на

Трапезник – д. Трапезники в Ошибском с. п. Куд. р-на

Чукуль – д. Чукулева Куд. р-на

Чукуль шаття – место, поросшее молодыми березками, возле деревни Чукулева Куд. р-на

Шорша – д. Коч. с. п. Коч. р-на

Юсьва – село, административный центр Юсьв. муниципального р-на

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ

Гайн. – Гайнский район

Кос. – Косинский район

Коч. – Кочевский район

Куд. – Кудымкарский район

Юсьв. – Юсьвинский район

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Материалы лаборатории региональной лексикологии и лексикографии Пермского государственного национального исследовательского университета²⁶

Важ-Жукова Куд., СФФ, 1935 – жен., 1935 г. р., род. в д. Дзугыль Куд. р-на, затем проживала в д. Важ-Жукова. Неграмотная. Зап. в 2019 г. А. В. Кротова-Гарина.

Демино Коч., МНФ, 1931 – жен., 1931 г. р., род. в д. Шорша Коч. р-на, после замужества проживала в Лобозово. Образование: 2 класса. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

Егорова Куд., НЛБ, 1955 – жен., 1955 г. р., род. и проживала до 15 лет в с. Кочево. Образование: Куд. пед. училище. С 1974 г. проживает в Куд. р-не. Зап. в 2017 г. А. В. Кротова-Гарина.

Иванчино Гайн., ГАИ, 1930 – жен., 1930 г. р., род. в д. Иванчино Гайн. р-на. Образование: 4 класса. Зап. в 2016 г. М. А. Унру (Томилиной), И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток.

Конанова Куд., КСК, 1930 – жен. 1930 г. р., род. в д. Конановой Куд. р-на. Образование: 4 класса. Зап. 2018 г. А. В. Кротова-Гарина.

Кочево, КАА, 1938 – жен., 1938 г. р., род. в д. Кышкамыс Коч. р-на. Образование: Куд. пед. училище. С 1950 г. проживает в с. Кочево. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

Кочево, ТНН, 1946 – жен., 1946 г. р., род. в с. Кочево Коч. р-на. Образование: Куд. мед. училище. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

Кудымкар, ХМА, 1949 – муж., 1949 г. р., род. в д. Гавруковой Куд. р-на, проживал там до 1978 г. Зап. в 2019 г. А. В. Кротова-Гарина.

Лягаево Коч., МНГ, 1934 – жен., 1934 г. р., род. в д. Кышка Коч. района. Образование: среднее специальное, зоотехник. Проживает в д. Лягаево Коч. р-на с 1950-х. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

Мелюхино Юсвь., ТФФ, 1931 – жен., 1931 г. р., род. в д. Дмитриева Юсвь. р-на. Зап. в 2019 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

²⁶Записи расшифрованы и переведены А. В. Кротовой-Гариной.

Ошиб Куд., КВЛ, 1963 – муж., 1963 г. р. Образование: 10 классов, работал в совхозе. Зап. в 2016 г. А. В. Кротова-Гарина.

Ошиб Куд., КРЛ, 1952 – жен., 1952 г. р., род. в д. Конановой Куд. р-на, проживает в с. Ошиб с 1986 г. Образование: среднее специальное, медик. Зап. в 2016 г. А. В. Кротова-Гарина.

Плешкова Куд., РИГ, 1926 – жен., 1926 г. р., род. в д. Плешковой Куд. р-на. Образование 1 класс. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина.

Пуксиб Кос., ЯСИ, 1945 – жен., 1945 г. р., род. в д. Гусино Кос. р-на. Образование: Куд. пед. училище. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Е. Л. Федосеева.

Трапезники Куд., БНП, 1955 – жен., 1956 г. р., род. в д. Верх-Иньва, с 1979 г. проживает в д. Трапезники. Образование: Пермский педагогический институт, к.-п.-р. отд. Зап. в 2017 г. А. В. Кротова-Гарина.

Юксеево Коч., ПАГ, 1941 – жен., 1941 г. р., род. в д. Чанябыб. Вышла замуж и переехала в с. Юксеево. Зап. в 2018 г. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток.

Материалы Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета²⁷

Антонова Куд., ЧАА, 1948 – жен., 1948 г. р., род. в д. Парфенова Куд. р-на. Проживает в д. Антонова Куд. р-на.

Демино Куд., ЛЗЕ, 1949 – жен., 1949 г. р.

Демино Куд., СГА, 1951 – жен., 1951 г. р., род. в д. Батина Куд. р-на

Демино Куд., СЛВ – жен.

Демино Куд., СМЛ, 1949 – жен., 1949 г. р.

Демино Куд., СТВ, 1948 – жен., 1948 г. р., род. в в д. Мижучевой Куд. р-на. Образование: Куд. пед. училище.

Демино Куд., ЧРК, 1950 – жен., 1950 г. р., род. в д. Аразай Куд. р-на.

Трошева Куд., ПРИ, 1938 – жен., 1938 г. р.

Трошева Куд., ХАХ, 1943 – жен., 1943 г. р.

²⁷Записано в 2018 г. студентами ПГГПУ под руководством Е. М. Матвеевой (Гордеевой), записи расшифрованы и переведены Н. А. Трубиновой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ С СОКРАЩЕНИЯМИ

Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–191.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. (Сер. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 45). М.: [б. и.], 1958. 391 с.

Белова О. В. Как в деревне Арбузиха «кабалу писали» // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого. М.: Индрик, 2004. С. 183–189.

Виноградова Л. Н. «Идзе такой з блыскачымы пугаўкамы»: Об одном способе номинации персонажей восточнославянской мифологии // Л. Н. Виноградова. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. С. 90–97.

Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е. Указатель мифологических мотивов // Народная демонология Полесья. Т. 1: Люди со сверхъестественными способностями / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 614–624.

Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е. Указатель мифологических мотивов // Народная демонология Полесья. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: ИД ЯСК, 2020. С. 767–790.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Л. Н. Виноградова. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 27–67.

Гардер М. Редкая удача и смертельная опасность: коровы появляются из воды // Фолклористика. 2018. Т. 3. № 1. С. 55–68.

Голева Т. Г. «Прошения» лесному о возвращении скота у коми-пермяков // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Института языка,

истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X). СПб.: Маматов, 2014. С. 77–114.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.

Грибова Л. С. Культ «древних» у коми-пермяков. (Доклады. VII Международный конгресс антропол. и этногр. наук). М.: Наука, 1964. 7 с.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. (Проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.

Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998. 195 с.

Добротворский Н. Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. II. Кн. 4. С. 543–580.

Жаков К. Ф. По Иньве и Косе (у пермяков). Этнографический очерк // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 409–421.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / отв. ред. Г. Г. Бараксанов. М.: Наука, 1985. 271 с.

Заветный клад: Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / пер. и сост. В. Климов. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997. 388 с. (Переизд. 2007. 391 с.)

Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 305–320.

Исторический вокализм пермских языков / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1964. 270 с.

Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М.: Типогр. тов-ва И. Сытина, 1905. 212 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3. Южные говоры I. Ижевск, 2015. 424 с.

Климов В. В. Пешнигортлön мӧдвапӧв = Заречье Пешнигорта Кудымкар, 2013. 159 с.

Климов В. В. Олан вужжез (корни бытия): этнографические заметки о коми-пермяках; на коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар, 2007. 367 с.

Климов В. В., Чагин Г. Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005. 256 с.

Коми-пермяцкие говоры: учебное пособие / сост. А. С. Кривошекова-Гантман, Л. П. Ратегова. Пермь, 1980. 69 с.

Королёва С. Ю. Народные поминальные молитвы коми-пермяков и мифо-ритуальный контекст их бытования // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X). СПб.: Мамагов, 2014. С. 115–162.

Королёва С. Ю., Четина Е. М. Юкся, Пукся, Бора, Мока и другие «чудские родители» (о почитании первых насельников Верхнего Прикамья) // АРТ. 2016. № 3. С. 131–150.

КПФС – Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / ред. кол.: А. М. Белавин, А. С. Лобанова (отв. ред.). Выпуск VII. Лобанова А. С. Коми-пермяцкий фразеологический словарь / авт.-сост. О. А. Попова. Перм. гос. пед.ун-т. Пермь, 2010. 225 с.

Крупкин А. (свщ.). Верования пермяков-инородцев // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 4. С. 301–307. № 5. С. 349–355.

КЭСЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ЛИКЯ – *Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В.* Лупынцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сб-к. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII). Пермь: Типогр. купца Тарасова, 2011. 142 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкая диалектология. Фономорфологические изменения в коми-пермяцких диалектах. Пермь, 2002. 64 с.

Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический. сборник: Материалы и исследования. Пермь: изд-во «ОТ и ДО», 2008. 188 с.

Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 167 с.

Ложкина Е. С., Рассыхаев А. Н. Коми-пермяцкий обряд «черешлан» в косинской и кочевской локальной традициях //

Известия Общества изучения Коми края. Вып. 14. Сыктывкар: [б. и.], 2014. С. 103–109.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Часть I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 128 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1964. 270 с.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Мальцев Г. И. Народная медицина коми-пермяков конца XIX – начала XX в. (Историко-этнографический аспект) / на рус. и коми-перм. яз. Кудымкар: Кудымкарская типография, 2004. 288 с.

Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам. Т. XVI: Текст и культура. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1983. С. 115–125.

Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 230 с.

Мифология коми / *А. Н. Власов, И. В. Ильина, Н. Д. Конаков* и др.; науч. ред. *В. В. Напольских*. (Сер. Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1). М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. 479 с.

МР – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. *В. П. Зиновьев*. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

Му пуксьӧм – Сотворение мира: Мифология народа коми / пер. и сост. *П. Ф. Лимеров*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 622 с.

Напольских В. В. Удмуртские этимологии – 1 // *В. В. Напольских*. Очерки по этнической истории. Казань: АН РТ, 2018. С. 508–519.

Оласӧ да вӧласӧ. Коми-пермяцкӧй сказкаӧз, легендаӧз, преданнӧз, сказзӧз, быличкаӧз, висътассӧз. Т. 1 / сост. *В. В. Климовлӧн*. Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, 1990. 368 с.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Сост. *К. Е. Майтинская, Ю. С. Елисеев, Г. И. Ермушкин* [и др.]. М.: Наука, 1974. 484 с.

Петров Н. В. Указатель мотивов к публикуемым текстам // Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: Форум, Неолит, 2013. С. 459–529.

Подосенов Е. Пермьяки // Пермские епархиальные ведомости. 1886. № 1. С. 1–3. № 2. С. 9–13. № 4. С. 37–40.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки народов мира, 2016. 514 с.

Раденкович Л. Личные имена мифологических существ // *Etnolinguistica Slavica: К 90-летию академика Н. И. Толстого.* М.: Индрик, 2013. С. 59–72.

РКПО – *Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 502 с.

Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Т. 29. Отд. 3. С. 45–126.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков [Продолжение] // Пермский сборник. Кн. 2. Отд. 2. М.: Типогр. Грачева и комп., 1860. С. 1–127.

Русинова И. И. «Икота» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии // Лингвокультурное пространство Пермского края. Вып. 3. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2011. С. 113–122.

Русинова И. И. Мотивационный анализ «вселяющихся» духов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 18–27.

Русинова И. И. Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном, в мифологической традиции Пермского края // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2014. С. 247–281.

Русинова И. И., Шкураток Ю. А. Мотивы передачи / получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 4. С. 59–69.

С. М. А. Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1889. № 13. С. 209–220. № 14. С. 225–233.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.

Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1997. 269 с.

Смирнов И. Н. Пермяки: историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. Т. IX. Вып. 2. Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1891. 289 с.

Соловьёва Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе (сюжетный состав и жанровые реализации): Дисс... канд. филол. наук. М., 2011. 174 с.

Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка / отв. ред. В. А. Ляшев; АН СССР, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. М.: Наука, 1990.

Сородичи по языку / гл. ред. Дердь Нановски. Ред. рус. версии: О. Володарская и др. Будапешт: Фонд им. Ласло Телеки, 2000. 601 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 37 / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2003. 416 с.

Струминский М. Я. Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости. 1904. № 39. С. 445–451. № 41. С. 465–471.

Теплоухов Ф. А. «Кабала», или прошение лесному царю // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии / под ред. А. А. Дмитриева. Т. 3. Пермь: Типогр. насл. П. Каменского, 1895. С. 291–299.

Федосеева Е. Л. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002. 280 с.

Хлопин В. Несколько слов о пермяках // Географические известия. 1849. Вып. 1. С. 22–32.

Хлопов В. А. Хозяйственный и нравственный быт пермяков // Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. Т. 44. №8. С. 166–180.

Христофорова О. Б. Одержимость в русской деревне. М.: Неолит, 2016. 392 с.

Христофорова О. Б. Указатель сюжетов и мотивов мифологических текстов об икоте. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ikota/>.

Черных А. В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.

Черных А. В. Ритуал «чуддэзёс тальны» (чудов топтать) в календарной обрядности коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. С. 170–173.

Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010. 224 с.

Чугаева С. В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М.: Триумф, 2015. 298 с.

Шабалина Е. В. «Сорок плешивых» // Числа в системе культуры / сост. М. В. Ахметова. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 119–132.

Шумов К. Э., Преженцева Е. С. Указатель сюжетов-мотивов быличек // Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе, в бане / сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь: Янус, 1993. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm>.

ЮЛР – Юсьва – лебединая река. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре жителей Юсьвинского района / Авт.-сост. Е. Н. Баяндина, А. М. Белавин, Е. А. Васильева, Н. В. Падерина, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. Усолье: [б. и.], 2015.

Языки народов СССР: в 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / Институт языкознания АН СССР; гл. ред. В. В. Виноградов; Отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1966. 464 с.

Янович В. М. Пермяки. Этнографический очерк / отпечаток из журнала «Живая старина». СПб.: Типография МВД, 1903. 122 с.

Adonyeva S. A letter to the “King of the forest”. Contemporary magic practices in Russia // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life / ed. by E. Pócs. Ljubljana: Založba ZRC, 2019. Pp. 17–23.

Syrjänsche Texte. Bd 1, Komi-Permjakisch / ges. von T. E. Uotila; übers. und hrsg. von Paula Kokkonen. Julkaistu: Helsinki Suomalais-ugrilainen seura, 1985. 297 s.

Научное издание

Анастасия Владимировна **Кротова-Гарина**

Юлия Анатольевна **Шкураторок**

Алевтина Степановна **Лобанова**

Светлана Юрьевна **Королева**

Ирина Ивановна **Русинова**

Материалы по коми-пермяцкой демонологии

Монография

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *Ю. А. Шкураторок*

Оформление обложки: *С. Ю. Евдокимова*

Подписано в печать 13.01.2020. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 9,77. Тираж 500 экз. Заказ 745/2020

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33